

ТОМ 17 • НОМЕР 6 • 2024

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 17 • NUMBER 6 • 2024

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.00

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопалов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграция А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>

© ИНИОН РАН, 2024

Периодичность: 6 раз в год

Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.00

Содержание

Сфера науки и высшего образования

КУЗНЕЦОВ А.В. Значение государственного языка в научных исследованиях по общественным наукам 6–19

ТАЛАГАЕВА Д.А., РОМАНОВА М.Д. Создание Европейского исследовательского совета: влияние шведских политических акторов 20–38

Азия: вызовы и перспективы

ШАХРАЙ С.М., КОРНЕЕВ К.А. Институты развития водородной энергетики в странах Северо-Восточной Азии 39–57

Международное и национальное право

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А., АЛЕШКОВА И.А. Экологическая и биологическая безопасность как гарантии права на жизнь в естественной среде 58–73

ГАБРИЕЛОВ В.А. Воздействие международных экологических стандартов на финансовую эффективность компании: экономико-правовой анализ ... 74–91

ТИЩЕНКО Ю.С. Совершенствование регулирования международной торговли в условиях перехода к зеленой экономике 92–110

США: новые реалии

САЛЯХУТДИНОВ Э.Ш. «Налог на выход» в США: правовое регулирование и его влияние на права человека 111–126

Политические процессы в меняющемся мире

ЛОШКАРЁВ И.Д., ПРОТАСОВ Д.В. Правительства в изгнании – суверенитет без территории? 127–146

РАСТЕГАЕВ Д.О. Государственное строительство как поиск онтологической безопасности: случай Хорватии в контексте распада СФРЮ 147–166

Точка зрения

ТРУНОВ Ф.О. Переход к новой модели сил НАТО как показатель стратегического развития и возможных намерений «западных демократий» 167–185

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.00

Contents

Science and Higher Education

KUZNETSOV A.V. The Role of the State Language in Scientific Research
in the Social Sciences 6–19

TALAGAEVA D.A., ROMANOVA M.D. The Inception of the European Research
Council: The Role of Swedish Political Actors 20–38

Asia: Challenges and Perspectives

SHAKHRAI S.M., KORNEEV K.A. Development Institutions
for Hydrogen Energy in Northeast Asia Countries. 39–57

International and Internal Law

UMNOVA-KONIUKHOVA I.A., ALESHKOVA I.A. Environmental
and Biological Security as Guarantees of the Right to Life
in a Natural Environment 58–73

GABRIELOV V.A. The Impact of International Environmental Standards
on Corporate Financial Performance: An Economic and Legal Analysis 74–91

TISHCHENKO YU.S. Enhancing the Regulation of International Trade amid
the Transition to a Green Economy 92–110

USA: New Realities

SALIAKHUTDINOV E.SH. The United States ‘Exit Tax’:
Legal Framework and Its Implications for Human Rights 111–126

Political Processes in the Changing World

LOSHKARIOV I.D., PROTASOV D.V. Governments-in-Exile:
Sovereignty Without Territory? 127–146

RASTEGAEV D.O. State-Building and the Ontological Security Seeking:
Croatia in the Context of the Disintegration of the SFRY 147–166

Point of View

TRUNOV PH.O. The Shift to a New NATO Force Model as an Indicator
of Strategic Evolution and the Potential Intentions of Western Democracies ... 167–185

Сфера науки и высшего образования

УДК 00+327

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

Значение государственного языка в научных исследованиях по общественным наукам

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

директор, главный научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

ЦИТИРОВАНИЕ: Кузнецов А.В. Значение государственного языка в научных исследованиях по общественным наукам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 6–19.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

Статья поступила в редакцию 05.12.2024.

Исправленный текст представлен 28.12.2024.

АННОТАЦИЯ. Наука в современном понимании почти всегда развивалась при наличии доминирующих языков, используемых для облегчения коммуникации ученых разных стран. Однако за тысячу лет эту роль в значительных по охвату регионах мира успели отыграть несколько языков: прежде всего арабский, латынь, классический китайский, немецкий. Со второй половины XX в. на первые позиции вышел английский, хотя до сих пор на нем выходит в свет меньше 50% научных публикаций. Как показано в статье, точная статистика отсутствует, а имеющиеся сведения можно интерпретировать по-разному. К тому же ситуация с использованием национальных языков в разных научных дисциплинах различается, однако во многих обще-

ственных науках до сих пор без чтения литературы на китайском, испанском, русском и некоторых других государственных языках значимых в сфере НИОКР держав нельзя получить адекватную картину достигнутых научных знаний. В связи с этим Россия, выступая за ускоренную трансформацию мироустройства в сторону полицентризма, должна реализовывать меры государственной политики по продвижению русского языка за рубежом, в том числе в научно-образовательной сфере, равно как и предпринимать необходимые усилия внутри страны. Однако речь не идет об отказе от английского языка – в статье показано, что для решения конкретных задач нужна тонкая настройка предлагаемой политики путем сочетания разных инструментов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языки международного общения, язык научной публикации, научные журналы, статистика книгоиздания, роль языка в характере исследования, поставки российских книг за рубеж, продвижение русского языка в общественных науках.*

В последние годы Россия активно выступает за ускоренную трансформацию мироустройства в сторону полицентризма. В каких-то сферах нашему государству эта политика удастся больше: хорошей иллюстрацией служит возвышение в международных отношениях формата БРИКС, который даже как аббревиатура из аналитической работы возник лишь четверть века назад. В то же время на ряде направлений существуют объективные препятствия для ощутимого успеха на пути к полицентричному мироустройству. Например, довольно сложно подорвать заложенный в конце Второй мировой войны фундамент мировых финансов, основанный на долларе США. Однако есть, на наш взгляд, задача, к решению которой в современной России, по сути, не приступают, хотя она не связана с достижением «заоблачных» целей, – укрепление позиций русского языка на мировой арене, в том числе в области общественных наук.

Доминирование английского в науке – реальность, миф или чужая цель?

В XXI в. широта использования в самых разных странах в научной жизни английского языка достигла беспрецедентного уровня. Вместе с тем подчеркнем, что многие люди склонны краткосрочные явления описывать как результаты долгосрочных закономерностей, еще и подбирая исторические аналогии. В частности, английский начинают уподоблять латыни как меж-

дународному языку ученых в прошлые века. Однако уже в XVIII в. в Европе латинский язык начинает вытесняться национальными языками, причем это логично соответствует формированию международных отношений, в основе которых лежало взаимодействие укрепляющихся национальных государств. При этом за пределами «западного» мира латынь не использовалась учеными. Так, несколько веков «золотого» периода арабской науки основывались, разумеется, на арабском языке, причем в XII–XIII вв. европейцы осваивали научный багаж античных и восточных ученых прежде всего через переводы трудов с арабского на латынь. В Восточной Азии (от Вьетнама до Японии) научные знания до XIX в. распространялись прежде всего благодаря классической китайской иероглифической письменности (причем ее корейский вариант ханча перестал быть государственным языком в Корее только в 1897 г., а в самом Китае употребление классического китайского языка было резко ограничено в 1919 г.). При этом классический китайский (вэньянь) показал высокую степень адаптивности к нуждам современной науки [Needham, Robinson, 1991].

Даже в первой половине XX в. в мире науки большое значение имели не только немецкий или французский, выполнявшие роль языков международного общения, равно как и менее значимые тогда английский, русский или классический китайский, но и государственные языки таких небольших стран с сильной наукой, как, например, шведский. На наш взгляд, языковое разнообразие в научной жизни в XIX–XX в. отражало полицентризм мироустройства, опиравшийся на господство национальных государств. Соответственно, и «продавливание» английского языка на лидирующие позиции, особенно в науке, связано с попытками

США представить распад социалистического лагеря не столько как конец примерно четырех десятилетий довольно нестандартной для человечества биполярности, сколько как начало длительного мирового господства Соединённых Штатов в условиях глобализации, символизирующей постепенное отмирание суверенных национальных государств. Таким образом, в случае усиления тенденций к полицентризму во второй половине XXI в. не исключена новая перестройка неформальной иерархии наиболее распространенных в мире языков.

Для продвижения того или иного языка в мире важную роль традиционно играли военные и внешнеполитические успехи стран, причем достигнутое в итоге влияние в языковой среде сохранялось потом еще довольно долго после ослабления соответствующей ведущей державы. Так, военные успехи Франции со второй половины XVII до рубежа XVIII – XIX вв. закрепили роль французского языка в качестве международного языка дипломатии вплоть до второй половины XX в. Однако помимо политического веса Франции и общей распространенности ее государственного языка в силу внешнеэкономических контактов страны немалую роль играл культурный багаж, который был привязан к публикациям на французском языке [Марусенко, Шабалина, 2009]. Речь идет как о количестве сделанных переводов научной и художественной литературы с «редких» языков на французский, так и о многочисленных выдающихся публикациях самих французов. Похожая картина сложилась после завершения Первой мировой войны вплоть до начала XXI в. и в отношении британо-американского доминирования, обеспечившего лидерство английского языка в самых разных сферах. При этом достоинства

языка в части легкости его освоения (по крайней мере для владения разговорным уровнем) в действительности всегда имели второстепенное значение, поскольку нередко простота освоения лексики или фонетики компенсируется сложностью грамматики и даже скоростью речи носителей языка. К тому же для представителей различных «чужих» языковых групп отдельные барьеры могут восприниматься по-разному, не говоря об индивидуальных отличиях, в том числе обусловленных внутренней мотивацией людей, изучающих иностранный язык. Таким образом, довольно спорной выглядит не только попытка сравнить «легкость» для изучения французского и английского языков, но и кажущиеся преимущества испанского [Флеров, 2017]. При этом текущие сравнительно скромные позиции испанского языка на международном уровне хорошо иллюстрируют многофакторную природу доминирования того или иного языка в мире: иногда недостаточным оказывается даже широкое распространение в мире и статус одного из языков ООН.

Правильно оценить место английского языка в современной науке довольно сложно, особенно если речь идет о социогуманитарных дисциплинах, укорененных в национальной среде. Нам приходится открыто заявить, что в мире нет адекватной статистики, показывающей вклад разных языков в научное книгоиздание и выпуск научной периодики. Обычно статистика публикуется на основе англоязычных баз *Web of Science* (контролируется бизнесом из США, с 2016 г. – фирмой *Clarivate*) и *Scopus* (продукт британской транснациональной компании *RELX*, ранее известной как *Reed Elsevier*), то есть исходно дается смещенная выборка. Так, одна аргентинская исследовательница, изучавшая соотно-

шение испанского и португальского языков в условиях лидерства Бразилии в научном мире Латинской Америки, привела следующие сведения: на английском в 2020 г. издавалось почти 79% журналов с индексацией в *Scopus* (или почти 20 тыс. наименований), тогда как на испанском – только 2,3% (579 журналов), на китайском – 1,5% (366), на немецком – 1,3% (339), на французском – 1,1% (286), на португальском – 0,7% (176), на русском и итальянском – по 0,6% (162 и 143 соответственно). Еще 8,2% (более 2 тыс. журналов) были многоязычными (хотя не очень понятно, было ли это издание на двух-трех языках параллельно или, как это часто бывает, в журнале на государственном языке страны даются несколько статей и на английском), еще 2,4% издавались на иных языках. При этом США были представлены, например, 6247 журналами, Великобритания – 5828 журналами, а Китай – 574 журналами, Россия – 472 журналами [Céspedes, 2021, р. 144–145].

Последние цифры подтверждают, что выборку *Scopus* нельзя считать репрезентативной для Китая или России. Напомним, что в России в список Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России входит немногим более 3 тыс. журналов и в любом из них рекомендовано публиковаться соискателям ученых степеней (и это лишь 1/3 научных журналов, которые предоставляют полные тексты в систему РИНЦ). Есть также база наиболее авторитетных российских научных журналов *RSCI*, причем из 1024 журналов в конце 2024 г. в *Scopus* индексировалось менее 400¹. Более того, согласно приведенным аргентинской исследовательницей данным, только на русском

издавалось лишь около 1/3 российских журналов с индексацией в базе *Scopus*, что совершенно не соответствует реальной пропорции даже для ведущих российских журналов из ядра РИНЦ. Китайская база *China Academic Journals* на платформе *CNKI* дает сопоставимый с российским объем наименований научной периодики – свыше 8,5 тыс. журналов, в том числе более 1,9 тыс. «ключевых»². Учитывая, что по числу занятых в науке Китай опережает США, а Россия Великобританию, логично предположить, что по количеству качественных научных журналов представительство России и Китая занижено минимум в 5 раз.

Данные по Латинской Америке, Южной Корее, Японии или Турции вычислить еще сложнее. Даже сравнение *Scopus* и *Web of Science* с учетом базы *ESCI* показывает, что в 2020 г. первая база индексировала лишь 833 латиноамериканских журнала (за вычетом Бразилии – 456), тогда как вторая – 1048 журналов (633 без бразильских), причем на английском издавалось лишь 13% индексированных в *Scopus* латиноамериканских журналов и менее половины – в *Web of Science* [Céspedes, 2021, р. 145, 147]. С учетом меньших политических, идеологических и коррупционных барьеров для вхождения в *Scopus* для журналов, издаваемых в западных странах, по Германии, Франции, Швейцарии или Испании наблюдается существенное занижение.

В целом, по нашим оценкам, можно предположить, что изданий, отвечающих основным требованиям полноценного научного журнала, в мире насчитывается примерно вдвое больше, чем фиксирует *Scopus*. При этом доля англоязычных изданий не достигает

1 Все данные по РИНЦ взяты на основе анализа сведений с сайта <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 01.12.2024).

2 Полнотекстовая база данных научных журналов Китая. – URL: https://podpiska.rcsi.science/storage/materials/cnki/CNKI_CJFD.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

даже в среднем по всем областям научного знания 50%, тогда как доля журналов на государственных языках, отличных от английского, в общественных науках выше.

Более того, по крайней мере сопоставления в российском научном пространстве показывают, что многие журналы 4-го квартиля *Scopus* (то есть четверть наименее цитируемых в этой базе данных журналов) проигрывают по качеству тем лучшим русскоязычным журналам, которые не индексируются в *Scopus*. Иначе говоря, при действительно весомой роли английского языка в современной науке существуют тысячи хороших журналов, где ежегодно публикуются десятки тысяч статей на иных языках.

Нельзя забывать и тот факт, что навязываемая представителями естественных наук западных стран наукометрическая гонка, базирующаяся на оценке статей в журналах, имеет мало общего с традиционной оценкой труда обществоведов на основе научных монографий. На самом деле, книги играют важную роль и во многих других областях науки. Все виды оценок – по количеству наименований, по тиражам, по числу цитирований – лишь отчасти могут дать картину роли той или иной страны в мировом научном процессе, того или иного языка, используемого в научных публикациях. При этом данные часто носят обрывочный характер. Например, появилось исследование, авторы которого оценили объем рынка научных и технических публикаций примерно в 13 млрд долл., причем доля книг в печатном виде составила почти 60%, электронных книг – около 13% (но надо понимать, что последние при прочих равных дешевле аналогичных бумажных

изданий), научных журналов – меньше 20% (остальное – онлайн-сервисы). Ведущими компаниями научной и технической информации названы фирмы из Западной Европы и США: *Informa* (владелец издательств *Routledge*, *Taylor & Francis* и др.), *John Wiley & Sons*, *Reed Elsevier* и *Springer Science+Business Media*³. Вместе с тем опыт зарубежных закупок, благодаря которым последние годы активно комплектуется Фундаментальная библиотека ИНИОН РАН, показывает, что вклад научных публикаций стран Глобального Юга в такого рода международных оценках занижается (а соответственно меньшим демонстрируется и значение неанглоязычных публикаций).

Показательна статистика *ISBN* (*International Standard Book Number* – международный стандартный книжный номер), которая завышает вклад нескольких стран, например США, Японии и Республики Корея (за счет широкой практики присвоения разных *ISBN* одному наименованию в силу наличия у книги разных обложек, электронной версии и некоторых других причин). Одновременно ориентация на *ISBN* занижает вклад, например, многих арабских стран, где нет обязательного присвоения такого книжного номера каждой книге. К сожалению, в обобщенном виде имеется статистика только по всем книжным изданиям без выделения научных, доля которых меньше половины (при этом максимальный показатель книг *non-fiction* на рынке крупных стран – в Индии). Так, по данным 2022 г. в США было присвоено почти 3,3 млн *ISBN*, в Японии – 902 тыс., в Южной Корее – 338 тыс., тогда как в Германии – 277 тыс., Бразилии – 179 тыс., а в Великобритании – 153 тыс. [International..., 2023, p. 9].

3 Scientific and Technical Publication Market Report Overview // Business Research Insights. – URL: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/scientific-and-technical-publication-market-107199> (дата обращения: 28.12.2024).

При этом другой авторитетный источник сообщает, что в 2022 г. в Японии было выпущено в бумажном виде 68,4 тыс. наименований книг (включая учебники), в Южной Корее – почти столько же, зато в Германии – 71,5 тыс., в Бразилии – 146,5 тыс., а в Великобритании – 153 тыс. [The Global Publishing..., 2023, p. 10]. Если по числу ISBN среди развивающихся стран особо выделяется Индия (281 тыс.), заметен стал и вес Индонезии (108 тыс., а в 2021 г. вообще было 159 тыс.), то по количеству наименований книг – Турция (почти 207 тыс., при том что число ISBN меньше 90 тыс.).

Разумеется, статистика по ISBN не дает представления о тиражах книг. Косвенно (с поправкой на разную стоимость аналогичных книг) масштаб книжного рынка иллюстрирует выручка в отрасли. Лидером по итогам 2022 г. были США с показателем 26,2 млрд долл., за ними следовали Германия (9,9 млрд), Япония (9,3 млрд) и Индия (9,1 млрд). Выделялись также Южная Корея (6,7 млрд), Великобритания (5,0 млрд), Франция и Испания (по 2,9 млрд), Россия (1,5 млрд) и Бразилия (1,1 млрд). Однако очевидно, что в первую десятку вместо Бразилии входит Китай, по которому нет точных сведений, хотя он входит в топ-5 по количеству выданных ISBN [The Global Publishing..., 2023, pp. 8, 21–22].

Тем не менее представленные выше разрозненные данные, сопоставленные также с национальными сведениями об основных языках книгоиздания (а в крупных странах доминируют обычно государственные языки), показывают, что весьма значимыми языковыми сегментами книгоиздания выступают наряду с английским немецкий, японский, корейский, китайский, испанский, французский, русский, португальский и турецкий языки. Примечательно, что из официальных языков ООН наиме-

нее используется сейчас в научном мире арабский, который тысячу лет назад был главным языком науки.

Безусловно, можно оценивать связь между политическим влиянием стран и ролью их государственно-го языка в различных сферах, включая научную. Однако ученые давно обратили внимание на то, что язык, на котором ведется научное исследование, нередко сам определяет характер и направления научных изысканий. Особенно это заметно в работах по философии и филологии [Алпатов, 2017]. В современном мире косвенно язык исследования сильно влияет также на анализ в политологии, где есть, например, фактор цензуры в журналах евроатлантического пространства, и даже в экономике в силу неприятия зарубежных научных школ в американско-британском мейнстриме [Кузнецов, 2024b].

Надо не забывать и о том, что в каждой сколько-нибудь значимой стране сектор образования базируется на государственном языке. Попытки внедрять в вузах повсеместное преподавание на английском в странах, где он не является не только государственным, но и не используется широко в государственном управлении, бизнесе, медицине и других важных сферах общественной жизни, на наш взгляд, является недальновидной политикой. Нелепо выглядят преподаватели, которые на ломаном английском пытаются объяснить материал студентам, которые не владеют английским свободно, тогда как куда эффективнее было донести знания на родном для всех участников процесса языке. Для общественных наук это особенно важно, поскольку столь ценимые практические рекомендации от ученых обычно тоже нацелены на аудиторию, которая в жизни пользуется почти исключительно государственным языком.

Конкретные шаги по продвижению русского языка в общественных науках

Представленные выше доводы показывают, что русский язык (как еще несколько языков) способен удерживать определенную нишу в научной жизни, особенно внутри страны. Однако это не отменяет очевидной тенденции к вытеснению русского языка из мировой науки и сокращению престижности русскоязычных публикаций, в том числе для тех российских ученых, которые заинтересованы в развитии своих международных связей также для достижения новых научных результатов. В начале XXI в. такая ситуация воспринималась многими отечественными экспертами обреченно – даже указывая на неприемлемость господства английского языка, особенно в гуманитарных науках, а также явную фору для ученых, у которых английский является родным, они пессимистично призывали лишь стараться овладевать новым языком международного общения как можно лучше [Крючкова, 2005].

Не отрицая важность знания иностранных языков (причем не только английского), всё-таки хотим в этой статье указать на несколько упущенных Российской Федерацией возможностей по отстаиванию позиций своего государственного языка в научно-образовательной сфере. Тем не менее до сих пор не всё потеряно, хотя приходится учитывать новую реальность и разный потенциал русского языка в различных сегментах, в том числе отраслевых и географических.

Во-первых, до сих пор в научно-образовательном секторе многих стран, причем не только СНГ, работает значительное количество выпускников советских или российских вузов, владеющих русским языком. Немало мест-

ных специалистов в отдельных странах по-прежнему учат русский язык. Вместе с тем в России отсутствуют инструменты финансирования приезда таких исследователей на конференции и краткосрочные стажировки в нашу страну, доступные широкому перечню вузов и научных организаций (пусть и на конкурсной основе). Из-за хронического недофинансирования сектора НИОКР в России и часто непрозрачного распределения имеющихся скудных ресурсов, когда конкурентоспособные на международном уровне исследовательские организации не получают должного объема государственных ассигнований, речь идет не столько даже о поиске средств на перелет и проживание, например, монгольских, иранских или восточноафриканских специалистов, сколько о сложностях с командированием российских специалистов в соответствующие дружеские страны на научные мероприятия.

Аналогичным образом нежелание расходовать в России средства, необходимые для поддержания конкурентоспособности сектора НИОКР, приводят к тому, что совместные грантовые программы реализуются с очень ограниченным количеством стран, готовых к полностью паритетному финансированию с Россией. Например, среди всех стран БРИКС для обществоведов доступны лишь единичные гранты Российского научного фонда (РНФ) с китайскими партнерами. Даже в случае Индии в силу, на наш взгляд, неверно выстроенных приоритетов еще в российско-индийском соглашении 1994 г., подтвержденных в 2010 г. и окончательно закрепленных в 2021 г. (в Дорожной карте сотрудничества в области науки, технологий и инноваций между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Министерством науки и технологий Правительства Респу-

блики Индии), общественные науки из них исключены. Это означает среди прочего, что российские и индийские научные организации, даже имеющие официальные соглашения о партнерстве, не имели права претендовать, например, на гранты РНФ, посвященные изучению экономических связей двух стран (а Индия – второй по значению торговый партнер России) или связанные с культурными контактами (в частности, в ходе празднования юбилейных дат семьи Рерихов).

Особенно подчеркнем, что выстраивавшаяся с 1990-х годов в России «зависимая» модель развития международных научных контактов в социогуманитарных дисциплинах, когда признаком «успеха» для чиновников был подчиненный статус отечественного специалиста (за его поездки платили фонды стран ЕС и США, а требуемые с российского ученого публикации на Западе легче было получить путем добавления формальных соавторов из числа западных ученых), физически не может быть реализуема в странах Глобального Юга. Более того, страны Азии и Африки обычно не имеют ни мотивов (как это было у стран Запада при формировании в среде российских ученых слоя «сочувствующих» политическим идеям евроатлантического сообщества или облегчения «утечки умов» в ЕС и США), ни средств финансово поддерживать российских ученых. Кроме того, совершенно непонятно, почему по-прежнему даже в новых геополитических условиях в России не спешат предпринимать значимые шаги по продвижению российских научных позиций на Глобальном Юге.

В части продвижения русского языка большую роль могли бы сыграть, например, лаборатории (причем не только в области естественных, технических или медицинских наук, но и для изучения истории, этнографии, филологии

и пр.) под патронажем российских исследовательских центров в странах Азии и Африки. На наш взгляд, через знакомство ученых других стран с российскими научными методами и реальными достижениями ученых роль русского языка (на котором обычно исходно публикуются важные работы россиян) будет повышаться, даже если базовым в качестве языка общения в такого рода лабораториях будет английский. Для Латинской Америки данная модель также возможна, но потребует подготовки дополнительного числа российских обществоведов со знанием испанского.

Во-вторых, продвижению русского языка как языка науки (равно как и популяризации достижений российских ученых) способствует издание энциклопедий. Это систематизированный свод знаний, к которому за получением справочной информации люди обращаются с завидной регулярностью. С горечью приходится признавать неспособность Российской Федерации перевести проект национальной универсальной энциклопедии в электронный вид: как известно, в начале 2025 г. программа развития Большой российской энциклопедии (БРЭ) была ликвидирована, а десятилетиями формировавшиеся коллективы тематических редакций были распущены путем массовых увольнений. По сути, это решение укладывается в общую тенденцию добровольного отказа от конкуренции с англоязычным пространством стран «второго эшелона», ранее считавших себя ведущими научными державами. Так, если, скорее всего, никто всерьез не подвергает сомнению необходимость существования американо-британской электронной универсальной энциклопедии *Encyclopædia Britannica* (при том что последнее (15-е) бумажное 32-томное издание завершено в 2010 г.), то немецкоязычная *Brockhaus Enzyklopädie*, последнее (21-е)

бумажное 30-томное издание которой состоялось в 2005–2006 гг. (тогда же появилась и онлайн-версия), с 2015 г. существует как платный онлайн-сервис под шведским контролем (поскольку запустить немецкую бесплатную онлайн-версию в ФРГ не смогли, хотя планы озвучивались в 2008 г.). Франция и некоторые другие европейские страны отказались от продолжения выпуска собственных больших универсальных энциклопедий еще в XX в.

Разумеется, восходящие научные державы, напротив, усиливают работу по созданию национальных универсальных энциклопедий. Если выпуск бумажной 36-томной версии БРЭ был завершен в 2017 г., то в КНР, которая в середине XX в. активно переводила на китайский советские энциклопедии, вслед за вторым изданием «Энциклопедии Китая» (中国大百科全书) в 32 томах, вышедших в 2009 г., в 2017 г. начата работа по выпуску третьего издания, которое будет иметь и онлайн-версию. При этом издательство «Энциклопедия Китая» активно учитывает как американский опыт издания энциклопедии «Британика», так и советский и ранний постсоветский опыт, когда помимо главной энциклопедии выпускалось много других энциклопедических изданий, в том числе переводимых на иностранные языки⁴. Известны примеры выпуска национальных энциклопедий объемом лишь несколько томов (например, в 2005 г. впервые на вьетнамском во Вьетнаме вышла 4-томная энциклопедия, уже более полувека в Канаде выпускается на английском и французском языках национальная энциклопедия, которая с 1999 г. развивается онлайн). Иран фактически продвигает в мусульманском мире персидский язык через выпуск уникального

издания «Большая исламская энциклопедия» (свыше 20 томов – *Dā'irat al-ma'ārif-i buzurg-i Islāmī*), которое имеет также сокращенные версии на арабском и английском.

Выпуск тематических энциклопедических словарей нередко активно осуществляется в странах, которые вырастили национальные школы по подготовке крупных энциклопедий. В результате именно англоязычные энциклопедии доминируют сейчас в мире (но на фоне роста спроса на китайские публикации). Примечательно, что продажи энциклопедий и словарей за рубежом составляют значительную часть доходов от экспорта печатной продукции. В итоге, например, на европейском рынке доминируют британцы, китайцы и американцы, тогда как россияне едва входят в топ-10.

Успех продвижения справочных изданий связан не только с языком, но и с удобной структурой изложения материала, качеством самого текста и иллюстративного материала (поскольку хорошую энциклопедию с высокой степенью вероятности переведут на другие языки). К сожалению, в современной России даже немислимо представить выпуск разнообразных по тематике энциклопедических словарей, подобных серии на английском языке под брендом *Dorling Kindersley* (при том что в советский период опыт формирования коллективов ученых для подготовки серьезных справочных изданий был большой). Однако отказавшись финансировать в России соответствующие работы ученых-обществоведов, не надо потом удивляться, почему, в частности, в весьма солидной исторической энциклопедии британского производства, например, Антарктика упоминается дважды: первый

4 Подробнее см. сайт «Энциклопедии Китая». – URL: <https://www.zgbk.com/gywm/> (дата обращения: 28.12.2024).

раз в связи с пересечением капитаном Дж. Куком в 1773 г. Антарктического круга (когда Россия переживала беспорядки в связи с восстанием Е. Пугачёва), а второй раз в связи с тем, что в 2002 г. от Антарктиды из-за глобального потепления откололся огромный айсберг площадью 3,25 тыс. кв. км [History..., 2018, р. 267, 458]. Умалчивание фактов открытия Антарктиды в 1820 г. и проведения Международного геофизического года на континенте (1957–1958), за которым последовал уникальный международный договор о заморозке территориальных споров, в солидном, но весьма красочном издании не случайно: как известно, британцы давно оспаривают первенство открытия Антарктиды в 1820 г. русскими моряками и первыми заявили о территориальных претензиях на часть континента в начале XX в.

Хорошо известно, что даже, вроде бы, объективный взгляд на вклад россиян в мировую историю и культуру в англоязычных изданиях оказывается преуменьшен – ради вполне понятного желания больше рассказать читателям об их соотечественниках или соседях. На этот раз для примера возьмем иллюстрированный справочник по литературным произведениям: среди немногим более 100 детально разобранных шедевров Россию представляют «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского и «Война и мир» Л.Н. Толстого, а также написанный исходно на английском В.В. Набоковым роман «Лолита». В «дополнительное чтение» из более чем полусотни работ XIX в. включены «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Мёртвые души» Н.В. Гоголя, а также «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Идиот» и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и «Дядя Ваня» А.П. Чехова, пьесам которого посвящена еще и отдельная врезка (в тек-

сте книги упомянуты также вскользь «Повести Белкина» А.С. Пушкина и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, а также «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева, как закрепившего знаменитую для многих русских произведений XIX в. характеристику главного героя). В «дополнительном списке» из примерно 90 работ XX в. среди русских произведений можно увидеть только роман «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, повесть «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, а в тексте отмечается пионерский характер антиутопии Е.И. Замятина «Мы». Среди почти 40 работ «дополнительного списка» до XVIII в. включительно упомянуто также «Слово о полку Игореве». Вполне достойный выбор, показывающий хорошее знание русской литературы. И формальные претензии к доле русской литературы на уровне 5% от мировой вряд ли можно предъявить британским авторам издания [The Literature..., 2016]. Однако также очевидно, что в аналогичном российском издании о мировой литературе, если бы его подготовка была профинансирована в Российской Федерации, мы увидели бы более широкий спектр ярких образцов русской литературы, в том числе советского периода (например, закономерно больше были бы представлены русская поэзия, проза фронтовиков).

В-третьих, для сохранения русского языка в качестве языка научных исследований необходима популяризация за рубежом научных публикаций россиян, выпущенных на родине. Довольно простым решением, причем не слишком затратным в условиях появления автоматических переводчиков, является выборочный (с целью отсева «проходных» и слабых статей) перевод публикаций из всех ведущих российских журналов на английский,

а возможно, и другие языки (особенно в случае подходящей для соответствующих стран тематики экономических, исторических или политологических публикаций). Правда, с учетом того, что многие сильные российские журналы по общественным наукам выпускают академические организации и другие исследовательские центры с недостаточными для своего развития бюджетами, есть еще более экономный вариант – выпуск англоязычных библиографий российских публикаций на русском языке. Заинтересовавшийся иностранный читатель сможет прочитать с помощью переводчика на удобном ему языке почти любую российскую научную публикацию из большинства российских журналов «белого списка», которые обычно предоставляет в сети Интернет режим открытого доступа [Кузнецов, 2024a].

Важным является и продвижение за рубежом российских научных монографий. Самым простым способом является расширение международного книгообмена, хотя на этот весьма экономный способ развития российской «мягкой силы» в современной России также пока не находится достаточных финансовых средств. Более того, помимо рассылки значимых российских монографий в зарубежные научные библиотеки, в рамках книгообмена ведущие отечественные библиотеки будут получать дополнительный поток книжных новинок из-за рубежа. В идеале, разумеется, вспомнить советский опыт издательства «Прогресс», которое ежегодно переводило и издавало на иностранных языках несколько сотен наименований отечественных монографий по социогуманитарным дисциплинам – немыслимая для современной России планка даже в условиях отдельных фи-

нансовых вливаний в некоторые ведущие вузы.

Наконец, Россия должна быть интересным объектом для изучения иностранцев – это сам по себе важный фактор развития общественных наук, связанных с использованием русского языка. В данном случае уместно вспомнить, что, когда Советский Союз рассматривался ведущими странами Запада как равный конкурент, советологические исследования расцветали. Сейчас же изучение России, например в США, переживает не лучшие времена [Надточей, 2023]. В последние годы, увы, стало нормой не знать русский язык при изучении Российской Федерации (правда, такой подход нередко заводит западных специалистов в тупик).

* * *

Как видно из представленного анализа, одной из ключевых проблем сокращения роли русского языка в научной жизни обществоведов и гуманитариев является добровольный уход Российской Федерации с первых позиций на мировой арене. Первопричина – нежелание тратить достаточные средства на НИОКР: по данным Всемирного банка, в 2022 г. Россия расходовала на эти цели 0,93% своего ВВП против 2,68% в среднем по миру и 3,02% в среднем по Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Впереди Российской Федерации были не только такие признанные лидеры, как США, Япония, Германия, Швеция или Швейцария (свыше 3% ВВП), не говоря уже о Республике Корея (более 5%) и Израиле (6%), но и Малайзия и Египет (тратят на НИОКР примерно 1% ВВП), Бразилия (1,2%), ОАЭ (1,5%) и Китай (свыше 2,5%)⁵. Если к тому же учесть непрозрачность рас-

⁵ Research and development expenditure (% of GDP) // World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?view=chart> (дата обращения: 28.12.2024).

пределения существенной части ассигнований на науку в России и очевидные по своей неэффективности отдельные решения, то легко увидеть, как незначительным в масштабах страны увеличением ассигнований при изменении общих подходов чиновников можно в течение нескольких лет переломить тенденцию вытеснения русского языка другими языками. При этом, однако, нельзя забывать и о задаче повышения уровня владения российскими учеными английским языком, поскольку безотносительно к перспективам китайской или испаноязычной научной литературы на данный момент почти половина всех публикаций издается всё-таки на английском и именно этот язык во многих (хотя не всех) странах может быть успешно применен как рабочий язык для международного общения.

Список литературы

- Алпатов В.М. Глобализация: языки общения и языки науки // Труды Института востоковедения РАН. – 2017. – № 3. – С. 320–335.
- Крючкова Т.Б. Русский и английский языки в сфере российской науки в условиях глобализации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2005. – № 1 (16). – С. 109–130.
- Кузнецов А.В. Важность европейских языков для российских научных контактов с Глобальным Югом // Современная Европа. – 2024а. – № 7 (128). – С. 170–181. – DOI: 10.31857/S0201708324070143.
- Кузнецов А.В. Место исследований мировой экономики в гетеродоксальной аналитике евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024b. – Т. 18, № 3. – С. 15–25. – DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-15-25.
- Марусенко М.А., Шабалина А.В. Французский язык – международный язык дипломатии: о соотношении исторической реальности и династического заказа // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2009. – № 2. – С. 95–108.
- Надточей Ю.И. Русистика в США: опыт прошлого и проблемы настоящего // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 72–93. – DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05.
- Флеров О.В. Сравнительно-сопоставительный анализ романо-германских языков на предмет трудности их изучения // Наука на благо человечества – 2017 : сборник научных статей. – Москва : МГОУ, 2017. – С. 71–78.
- Céspedes L. Latin American journals and hegemonic languages for academic publishing in Scopus and Web of Science // Trabalhos em Linguística Aplicada. – 2021. – Vol. 60, N 1. – P. 141–154. – DOI: 10.1590/010318138901311520201214.
- History Year by Year. The Ultimate Visual Guide to the Events that Shaped the World. – 2nd ed. – London : Penguin Random House, Dorling Kindersley, 2018. – 512 p.
- International Publishing Data 2023 / Mathur V. [et al.] (Nielsen BookData Team). – New Delhi : International Publishers Association, 2023. – 317 p. – URL: <https://internationalpublishers.org/wp-content/uploads/2023/11/IPA-Nielsen-BookData-IPA-Full-Report-23022024.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).
- Neednam J., Robinson K. Literary Chinese as a scientific language // Comparative Criticism: An Annual Journal. – 1991. – Vol. 13. – P. 3–30.
- The Global Publishing Industry in 2022. – Geneva : WIPO, 2023. – 32 p.
- The Literature Book. – London : Penguin Random House, Dorling Kindersley, 2016. – 352 p.

Science and Higher Education

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

The Role of the State Language in Scientific Research in the Social Sciences

Alexey V. KUZNETSOV

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.)
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

CITATION: Kuznetsov A.V. (2024). The Role of the State Language in Scientific Research in the Social Sciences. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 6–19 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

Received: 05.12.2024.

Revised: 22.12.2024.

ABSTRACT. Modern science has almost always evolved in the context of dominant languages that facilitate communication among scientists across national boundaries. However, over the past thousand years, several languages have fulfilled this role in significant regions of the world – most notably Arabic, Latin, Classical Chinese, and German. Since the second half of the twentieth century, English has taken a leading position; however, it still accounts for less than 50% of all scientific publications. As the article demonstrates, precise statistics are lacking, and the available data can be interpreted in multiple ways. Moreover, the use of national languages varies considerably across scientific disciplines. In many areas of the social sciences, for instance, it remains impossible to gain a comprehensive understanding of current scholarly knowledge without engaging with literature published

in Chinese, Spanish, Russian, and other official languages of major research and development powers. In this context, Russia – advocating for a more polycentric world order – should adopt state policy measures aimed at promoting the Russian language internationally, particularly within the scientific and educational domains, while also strengthening its status domestically. This, however, does not imply a rejection of English. As the article argues, addressing specific challenges requires a nuanced, well-calibrated policy that integrates a diverse set of complementary instruments.

KEYWORDS: languages of international communication, language of scientific publication, academic journals, statistics on book publishing, the role of language in the nature of research, export of Russian books abroad, promotion of the Russian language in the social sciences.

References

- Alpatov V.M. (2017). Globalization: Languages of Communication and Languages of Science. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS*. No. 3, pp. 320–335 (in Russian).
- Céspedes L. (2021). Latin American journals and hegemonic languages for academic publishing in Scopus and Web of Science. *Trabalhos em Linguística Aplicada*. Vol. 60, no. 1, pp. 141–154. DOI: 10.1590/010318138901311520201214.
- Flerov O.V. (2017). Comparative and contrastive analysis of Romano-Germanic languages for the difficulty of their study. In: *Science for the Benefit of Humanity – 2017*. Collection of scientific articles. Moscow: MGOU, pp. 71–78 (in Russian).
- History... (2018). *History Year by Year. The Ultimate Visual Guide to the Events that Shaped the World*. 2nd ed. London: Penguin Random House, Dorling Kindersley, 512 pp.
- International... (2023). Mathur V. et al. (Nielsen BookData Team). *International Publishing Data 2023*. New Delhi: International Publishers Association, 317 pp. Available at: <https://internationalpublishers.org/wp-content/uploads/2023/11/IPA-Nielsen-BookData-IPA-Full-Report-23022024.pdf>, accessed 01.12.2024.
- Kryuchkova T.B. (2005). Russian and English languages in the sphere of Russian science in the context of globalization. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. No. 1 (16), pp. 109–130 (in Russian).
- Kuznetsov A.V. (2024a). The Importance of European Languages for Russian Scientific Contacts with the Global South. *Contemporary Europe*. No. 7 (128), pp. 170–181 (in Russian). DOI: 10.31857/S0201708324070143.
- Kuznetsov A.V. (2024b). The Place of World Economy Research in the Heterodox Analytics of Eurasian Integration. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. Vol. 18, no. 3, pp. 15–25 (in Russian). DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-15-25.
- Marusenko M.A., Shabalina A.V. (2009). The French Language as the International Language of Diplomacy: Historical Fact vs. Dynastic Fiction. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 95–108 (in Russian).
- Nadtochey Yu.I. (2023). Russian Studies in the US: Past Experience and Today's Problems. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 16, no. 5, pp. 72–93 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05.
- Neednam J., Robinson K. (1991). Literary Chinese as a scientific language. *Comparative Criticism: An Annual Journal*. Vol. 13, pp. 3–30.
- The Global Publishing... (2023). *The Global Publishing Industry in 2022*. Geneva: WIPO, 32 pp.
- The Literature... (2016). *The Literature Book*. London: Penguin Random House, Dorling Kindersley, 352 pp.

УДК 327(485)

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.02

Создание Европейского исследовательского совета: влияние шведских политических акторов

Дарья Александровна ТАЛАГАЕВА

кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка № 6
МГИМО МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: d.talagaeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7959-0741

Мария Давидовна РОМАНОВА (КРЫНЖИНА)

кандидат философских наук, доцент кафедры международной журналистики
МГИМО МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: m.krynzhdina@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-9956-4521

ЦИТИРОВАНИЕ: Талагаева Д.А., Романова М.Д. Создание Европейского
исследовательского совета: влияние шведских политических акторов // Контуры
глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 20–38.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.02

Статья поступила в редакцию 11.09.2024.
Исправленный текст представлен 04.12.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского научного фонда, грант № 24-78-10173.

АННОТАЦИЯ. В данной работе авторами исследуются стратегии, идеи и позиции шведского научного сообщества в процессе создания Европейского исследовательского совета. Кейс интересен тем, что именно представители шведских организаций, финансирующих исследования, и академии принимали активное участие в данном проекте и оказали значительное влия-

ние на его окончательную реализацию. Авторы описывают роли субъектов шведской политики и анализируют факторы, которые сформировали их позиции и стратегии. Основной целью работы является изучить, как внутривнутриполитические процессы влияют на наднациональное институциональное строительство и каковы аспекты такого влияния. В статье приводится

обоснование того, является ли позиция данных акторов отражением задач государственной политики, интересов конкретных организаций и групп интересов или они выступают от имени транснациональных сообществ. Вышеупомянутые вопросы изучаются сквозь призму трех различных версий институциональной теории. Авторы приходят к выводу о том, что процесс влияния акторов в Швеции носил восходящий характер, а именно инициаторами изменений являлись ученые и представители академического сообщества, правительство же выступало лишь гарантом и одобряло предложенные инициативы, в то же время придавая им легитимность. Кроме того, позиции акторов являются продолжением национального пути развития, то есть в какой-то степени характер предшествующих событий на национальной арене предопределял формирующуюся на тот момент европейскую повестку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Европейский исследовательский совет, Европейское исследовательское пространство, научная политика, политический актор, эпистемическое сообщество, рамочные программы ЕС, институциональная теория.

Введение

Мало в каких областях деятельности Европейского союза (ЕС) давление в пользу всё большей интеграции было так же высоко, как в сфере научно-исследовательской политики. Столкнувшись с научно-техническим превосходством США, с начала 1960-х годов европейские лидеры выступали за активизацию интеграционных уси-

лий и сближение национальных исследовательских политик с тем, чтобы дать своевременный ответ на американский вызов и более эффективно конкурировать с США на международной арене. Так, например, государства – члены Европейского союза имели сопоставимый уровень научных публикаций на душу населения, однако США имели значительно более высокий процент высокоцитируемых научных публикаций, чем в ЕС (на США приходилось 1,64% общего числа высокоцитируемых статей и научных публикаций, а на ЕС – всего 0,25%). Еще одним свидетельством постоянного и сильного исторического лидерства США являлось количество Нобелевских премий: из 101 Нобелевской премии по химии, медицине и физике за 1988–2003 годы 68 достались США и только 23 – Европе¹. Всё это указывало на серьезную разницу между Европой и США в результатах исследований.

После окончания холодной войны стратегическая важность научных инноваций в контексте построения в Европе экономики знаний подняла европейскую науку еще выше в политической повестке дня. Так, за несколько десятилетий произошла значительная активизация деятельности Европейского союза в области проведения исследований и развития высшего образования. Итогом проводимых мероприятий стало создание Европейского исследовательского пространства (ЕИП) и Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), в результате чего национальные исследовательские политики европейских стран были тесно интегрированы, что, в свою очередь, стало диктовать необходимость инициирования новых проек-

1 The ERC. A Cornerstone in the ERA // [efaidnbmnnnibpajpcglclefndmkaj/https://erc.europa.eu/sites/default/files/document/file/expert_group_final_report.pdf](https://erc.europa.eu/sites/default/files/document/file/expert_group_final_report.pdf) (дата обращения: 04.10.2024).

тов и создания ряда наднациональных институтов управления [Building the Knowledge..., 2014; University Dynamics..., 2007; Nedeva, 2015]. Реализация проекта по запуску Европейского исследовательского пространства вдохновила сторонников фундаментальной науки в Европе выступить с предложением о создании Европейского исследовательского совета – органа, который стал бы ответом на имеющиеся на континенте проблемы, связанные в основном со сложностью механизмов финансирования², которые действовали в пределах Рамочных программ (РП) ЕС по науке, а также прикладным характером последних. ЕИП, начавшее официально функционировать в 2000 г. в преддверии старта Шестой рамочной программы (РП6) по науке, стало ключевым элементом в достижении цели ЕС в «превращении в самую конкурентоспособную и передовую мировую экономику, основанную на знаниях». Ввиду признания слабой позиции европейских исследований на мировой арене и прогнозируемой нехватки высококвалифицированных исследователей для промышленности в Европе возникла необходимость внедрения новых подходов к укреплению научных исследований в Европе. Без сильной и структурированной европейской исследовательской базы с узлами реального превосходства существовал риск того, что промышленность переместит свои инвестиции в исследования и разработки в другие регионы мира.

В данной работе авторы ставят **задачу** доказать, что инициатива по созданию Европейского исследовательско-

го совета носила восходящий характер. Это значит, что в ее реализации в первую очередь были заинтересованы ученые и представители научного сообщества, имевшие политически обусловленную мотивацию. Правительство выступало лишь в качестве гаранта и обеспечивало легитимизацию действий научного сообщества. Кроме того, авторы исходят из гипотезы о том, что последние действовали в духе национального пути развития, реализовывая в наднациональном поле идеи и инициативы, которые были уже апробированы в национальной научной системе. Значительную роль в успешном завершении процесса по созданию Европейского исследовательского совета (ЕИС) сыграли усилия шведских акторов, которые особенно активно лоббировали данную инициативу на ее начальных этапах. Именно в 2001 г., когда Швеция формально была председателем в ЕС, появилась возможность для начала дискуссий о создании совета. Представители страны руководили серией совещаний, на которых в повестке обсуждения стояла европейская исследовательская политика, и шведские ученые успешно использовали данные мероприятия, чтобы изложить свою позицию. С другой стороны, в начале 2000-х годов министр образования и исследований Швеции продвигал идею об увеличении доли финансирования фундаментальных исследований и о создании организации, финансирующей исследования, по образу исследовательского совета ЕС³. Не будет неверным утверждать, что шведское правительство рассматривало данный процесс как способ увели-

2 Традиционно финансирование фундаментальных исследований в Европе входило в зону ответственности национальных научных систем, в то время как Европейская комиссия сосредотачивала свои усилия и средства преимущественно на прикладных проектах, в основном в сфере промышленных технологий. Приверженцы фундаментальной науки, однако, указывали на то, что Европейское исследовательское пространство не может быть полноценным без мероприятий, направленных на развитие долгосрочных фундаментальных исследований и учреждения Европейского исследовательского совета, который гарантировал бы их осуществление.

3 Sveriges Riksdag [The Swedish Parliament]. Records of proceeding. – 2021. – June 3, 2001/002. – 165, anf. 96.

чения влияния Швеции на ландшафте европейской политики, а также возможность получить дополнительный источник финансирования национальных проектов.

Методологическая основа

Необходимость создания наднационального научного органа была впервые озвучена еще в период становления послевоенной науки в Европе, однако реализация идеи имела, скорее, непоследовательный и некомплексный характер. Не вызывает сомнений, что подобные обсуждения привлекали многих акторов национальных исследовательских систем: представителей национальных исследовательских советов и финансирующих агентств, политиков, представляющих национальные научные министерства, а также членов Европейской комиссии, которые, за некоторым исключением, практически единогласно поддерживали данную идею, в первую очередь выдвигая аргумент о том, что многоуровневость управления процессами в научной области, а также сложность и разнообразие акторов с разным набором ролей и функций в научной системе предопределяют необходимость существования наднациональных институтов, которые служили бы площадками и форумами для обсуждения вопросов формулирования политики [Lawn, Lingard, 2002, p. 294].

Общепринятым является мнение о том, что в условиях глобализации научных исследований национальные политические сети встраиваются в общую систему европейской науки, в связи с чем их представители могут разделять идеи об институционализации науки на европейском уровне [Borzel, Heard-Laureote, 2009]. Тем не менее политические идеи главных акторов национальных сетей научной

политики привязаны к различным институциональным составляющим. Можно также сделать предположение, что нормативные позиции и определенные интересы данных игроков формируются вследствие наличия мнений относительно роли и автономии университетов, функций научных советов и степени государственного политического контроля над исследованиями и высшим образованием [Benner 2012, p. 163]. Авторы статьи пытаются подтвердить вышеназванные предположения на основе тематического изучения позиций, мнений и стратегий главных акторов научной политики в Швеции в контексте создания ЕИС в первое десятилетие XXI в. Шведские ученые и организации в сфере научной политики, а также структуры, финансирующие научные исследования, принимали непосредственное и активное участие в создании ЕИС, оказав значительное влияние на этот процесс [Building the Knowledge..., 2014, p. 111–130]. В рамках данной статьи проведен анализ позиций шведских политических акторов и определены факторы, которые привели к их формированию. Авторы считают, что для лучшего понимания комплексной роли национальных акторов в создании института общеевропейского масштаба методологически целесообразным будет использовать *теорию неоинституционализма*, объясняющей, как происходит взаимодействие институтов, интересов и идей в подобном процессе.

Отправной точкой анализа следует считать то, что политическими акторами можно назвать всех, кто так или иначе вовлечен в решение политической проблемы или вопроса. Между тем в контексте научной политики акторами целесообразно считать также представителей университетов и организаций, осуществляющих финансирование исследований [Талагаева, 2017, с. 138]. Группы акторов (подсистемы)

подобного рода можно наблюдать на разных уровнях политической системы. Следовательно, подсистемы национальной научной политики (в нашем случае шведской научной политики) встроены в общую систему европейской политики. Наконец, можно говорить об объединении акторов в «адвокационные коалиции» на основе «общих взглядов и стратегий» [The Advocacy Coalition..., 2014]. В контексте данного исследования стоит также обратить внимание на роль так называемых политических идей, стоящих за подобным институциональным решением (созданием ЕИС), которые в рамках данной статьи определяются как «представления о причинно-следственных связях, нацеленных на решение конкретных политических проблем» [Campbell, 2002; Goldstein, Keohane, 1993].

В первую очередь институциональная перспектива рационального выбора рассматривает политический процесс как силовую игру. Особое внимание уделяется политическим аспектам данного процесса, а акторы национальной политики сконцентрированы в основном на продвижении собственных интересов по отношению к другим акторам. С этой точки зрения субъекты национальной политики заинтересованы в значительной степени в максимизации собственной выгоды в виде, например, увеличения бюджета или получения больших преимуществ для структур, которые они представляют. Таким образом, победа в споре о том, как будут организованы новые институты, такие как ЕИС, также является еще одним способом повлиять на то, как ресурсы и капитал будут распределяться в будущем. Реализация подобных интересов зависит во многом от институциональной структуры организаций и устанавливаемых правил игры, которые предписывают, запрещают или разрешают определенное поведение [Moe, 1990].

Центральным вопросом здесь является определение того, в чьих интересах акторы осуществляют свою деятельность, что не всегда ясно с первого взгляда. Так, например, агентство, финансирующее проведение исследований, может представлять интересы научного сообщества или государства. Академия наук может выступать как высшая организация, представляющая исследователей и ученых, и как администрирующий орган, подчиняющийся правительству. Уместно сделать предположение, что акторы могут действовать как от имени членов научного сообщества, так и от имени государственных служащих. Между тем многоуровневая деятельность этих лиц позволяет говорить о том, что акторы национальной научной политики участвуют в переговорах и силовых играх как в коалиции с политиками (министрами), так и (иногда) в противостоянии с ними, действуя в таком случае через научные комитеты, которые готовят и формулируют решения на государственном уровне.

Связанная с институциональной перспективой рационального выбора ключевая стратегия заключается в том, что политические деятели вступают в коалиции с другими акторами для усиления собственных позиций. Так, ведущие политики могут использовать переговоры в транснациональных форматах с тем, чтобы продвигать свои интересы на национальной арене [Keohane, Nye, 2012], действуя в духе предпринимателей и создавая коалиции на национальном и наднациональном уровнях. Однако, по мнению М. Беннера, учреждения, финансирующие научные исследования, и университеты являются слабо связанными в структурном отношении организациями, имеющими связи в различных направлениях и слабо готовыми к координации [Benner, 2012, p. 165]. Такое положение дел предопределяет нали-

чие сильных индивидуальных политических деятелей, склонных к мобилизации интересов и стимулированию коллективных действий в политическом процессе. С этой точки зрения можно рассматривать такие политические идеи, как создание ЕИС, в первую очередь как «дорожную карту» действий в неопределенных обстоятельствах. Другими словами, в ситуациях без уникального равновесия политические идеи служат «фокусными точками» [Goldstein, Keohane, 1993, p. 186].

Во-вторых, в основе исторической институциональной теории лежит предположение о том, что акторы формируют свои стратегии поведения, опираясь на наследие прошлого. Считается, что учреждение институтов и принятие определенных политических решений является результатом сложных исторических процессов, о чем свидетельствуют такие характерные для институционализма понятия, как «политическое наследие», «критические моменты» и «зависимость от пути» [Thelen, 1999]. Все эти концепции исходят из того, что отклонения в политике и изменение институциональных механизмов являются реакцией на исторические события. Между тем в то время как приверженцы институционализма рационального выбора считают более важной функциональную роль института (например, роль исследовательских советов в научной политике), представители школы исторического институционализма больше интересуются истоками института и событиями, которые обусловили его происхождение, рассматривая политические изменения через призму организационной структуры и государственных возможностей, таким образом полагая, что наличие определенных организаций и программ можно считать отправной точкой многих реформ. Так, Б. Ротстайн

связывал формирование профсоюзного движения в Швеции с особой институциональной структурой на рынке труда [Rothstein, 1996]. Такая версия подчеркивает логику и механизмы обратной связи политических процессов: новые идеи и учреждение новых институтов напрямую зависят от более раннего опыта и часто являются реакцией на прошлые события [Thelen, 2004].

В рамках еще одного ответвления неоинституциональной теории, используемого в данной работе, акторы научной политики рассматриваются как носители идей или нормотворцы. Здесь особую роль играет новый нормативный вариант институционализма, раскрытый в работах Б. Петерса, где идеи являются не просто вспомогательным инструментом интересов и стратегий, а буквально их обоснованием [Peters, 2010]. Как подчеркивает нормативный институционализм, идеи подразумевают не только нормативные руководящие принципы, но и представления когнитивной политики [Schmidt, 2008, p. 317], причем последние не обязательно должны быть привязаны к организациям. Напротив, новые политические идеи часто получают развитие среди сетей акторов. Такими акторами здесь могут выступать эпистемические сообщества, объединяющиеся на основе разделяемых убеждений и знаний [Haas, 1992]. Таким образом, продвижение идей акторами в национальной политике зависит от их принадлежности к подобным сетям. Исследователи часто исходят из предположения о том, что акторы стремятся к консенсусу и открыты для новых профессиональных идей, при этом не пользуются властью; тем не менее акцент в данном случае сделан не на пассивную адаптацию акторов к институциональной среде, а на том, что эти акторы сами зачастую являются носителями политических идей.

Институционализации Европейского исследовательского совета на начальном этапе

На протяжении некоторого времени научная политика в Европейском сообществе и вопросы ее финансирования являлись прерогативой отношений между государствами [Талагаева, 2016, с. 13]. Несмотря на то, что необходимость создания Европейского исследовательского совета назрела и эта идея периодически обсуждалась еще в 1970-е годы, образованный в результате многолетних переговоров Европейский научный фонд (ЕНФ) действовал не как финансирующий орган, а всего лишь как структура, координирующая деятельность национальных исследовательских советов. В конце XX в. роль науки в Европейском союзе значительно возросла и появилась необходимость в оптимизации и интеграции национальных исследовательских усилий. Подтверждением тому можно считать Европейские рамочные программы в области науки и исследований, запуск которых регулярно осуществлялся начиная с середины 1980-х годов. На ранних этапах своего существования они носили прикладной характер, были ориентированы на исследования в области промышленности и стимулировали развитие транснационального сотрудничества. РП того времени были инициированы бюрократическими и сильно ориентированными на определенную задачу организациями, а финансирование их государством предопределяло соответствие определенным политическим приоритетам [Building the Knowledge..., 2014, p. 114]. В начале XXI в. на повестку дня встал вопрос о необходимости реформирования РП, а некоторые ведущие ученые и политики стали выступать за смещение фокуса внима-

ния в пользу фундаментальной науки. Вновь центральным стал вопрос создания европейского исследовательского совета в дополнение к существовавшим рамочным программам, которые на тот момент рассматривались как излишне бюрократизированный, связанный с большим политическим участием инструмент, отвечающий лишь краткосрочным целям. Данные предложения были основаны на доводах о том, что европейские страны на тот момент сильно отставали от США в научном превосходстве, а сторонники данной идеи часто ссылались на Национальный научный фонд (ННФ) в качестве примера в вопросе учреждения новой организации на европейском научном ландшафте [Коннов, Шестопал, 2016]. Основными аргументами среди оппозиционеров данной идеи были недоверие к проекту в целом и опасения по поводу отсутствия национальных выгод, а со стороны представителей ЕС критика была связана с утверждением о том, что подобный орган будет противоречить законодательству ЕС [König, 2016]. Однако многие наблюдатели сходятся во мнении, что за относительно небольшое время ЕИС стал основным признанным органом в исследовательской политике Европейского союза [Nedeva, 2013; Building the Knowledge..., 2014]. Как показывают многочисленные исследования и отчеты, скандинавские и шведские акторы внесли значительный вклад в продвижение идеи о создании ЕИС и его окончательном запуске. Так, Д. Гронбаек утверждает, что «шведские ученые и политики были в авангарде процесса создания ЕИС» [Gronbaek, 2003, p. 396].

В начале 2000 г. усилиями ведущих представителей основных агентств по финансированию исследований в Швеции (Юбилейного фонда Шведского государственного банка, Шведского исследовательского совета,

Нобелевского фонда) была создана неформальная сеть, ставшая форумом для обсуждения вопроса о реформировании европейской политики в области науки и исследований. Сеть объединила представителей правительственных структур, а также ряд акторов из других стран. В итоге данная неформальная сеть получила название Шведский комитет по реформе европейской исследовательской политики и была аффилирована с Юбилейным фондом государственного банка Швеции. Основная задача и цель его работы заключались в продвижении идеи о создании ЕИС, который был бы схож по функционалу с Национальным научным фондом США.

Используя формальное председательство Швеции в ЕС в 2001 г., ключевые фигуры Комитета включили идею о создании Исследовательского совета в повестку дня, а по договоренности с датскими политиками эта идея получила развитие и в ходе председательства в ЕС Дании в следующем году, в 2002-м. Интересно, что именно датчане стали инициаторами создания экспертной рабочей группы для подготовки условий к учреждению ЕИС. Ввиду того, что на начальных этапах руководство ЕС и представители некоторых стран скептически отнеслись к идее о создании ЕИС, экспертная группа мобилизовала свои транснациональные контакты для проведения активной лоббистской деятельности. Некоторые ключевые должности в транснациональных организациях и сетях ученых занимали шведы, чье влияние также способствовало продвижению проекта на европейском уровне. Как пишет Д. Гронбаек, исполнительный директор Нобелевского фонда М. Золман смог заручиться поддержкой ряда лауреатов Нобелевской премии, а также ввиду наличия у него контактов во многих структурах научно-исследовательской

политики в странах Европы, в том числе во Франции, он смог оказать существенное влияние на конечную реализацию данной идеи [Gronbaek, 2003, р. 397]. Безусловно, данный процесс следует рассматривать в контексте более масштабных международных переговоров, тем не менее можно с уверенностью говорить о том, что именно группа шведских акторов оказала значимое и, возможно, решающее влияние в вопросе создания ЕИС.

Позиции и стратегии политических акторов Швеции в историческом контексте

Исторически исследовательская система Швеции характеризовалась слабой централизованностью, что создавало благоприятные условия для независимой работы университетов и исследовательских советов, контроль над которыми осуществлялся в основном членами научного сообщества. В системе науки также работали специализированные агентства, которые руководствовались задачами и интересами государственной политики, управление которыми обычно находилось в руках лидеров заинтересованных групп. Финансирование проводилось согласно постановлениям парламента, после чего средства непосредственно распределялись главами университетов. В этот же период в Швеции были созданы несколько автономных научных советов, управление которыми было передано ученым, избранным научной общественностью. Так в стране сформировалась плюралистичная, в определенной мере демократичная, система научных исследований, где реальная власть принадлежала практикам. Однако возник недостаток централизованных инструментов управления, необходимых для уравнивания децентрали-

зованного контроля над политикой исследований и принятия стратегических решений в этой области. Проблема обострилась при обсуждении участия страны в *проекте ЦЕРН-2*, что подразумевало удвоение взносов в общий бюджет программы и постоянное решение вопросов на законодательном уровне [Касаткин, Талагаева, 2016]. В шведской научной среде начались ожесточенные дебаты о рациональности присоединения к общеевропейским программам и выборе высшего органа, который примет окончательное решение. Конфликт был урегулирован, когда премьер-министр страны Улаф Пальме объявил, что научное сообщество должно найти необходимые средства в рамках имеющихся бюджетов и нести ответственность за свои действия. Это решение было закреплено законодательно, что привело к дальнейшему ослаблению и без того децентрализованной системы. Позже были предприняты попытки исправить ситуацию: предложены инициативы по созданию общих механизмов управления и контроля за финансами. В 1977 г. был создан Национальный совет по планированию и координации исследований. Его миссия заключалась в руководстве междисциплинарными проектами и в их финансировании, а также в развитии научной инфраструктуры. Совет был распущен в 1990 г., когда четыре дисциплинарных исследовательских совета были объединены в одну структуру – Шведский исследовательский совет, что было мотивировано стремлением улучшить координацию в научной политике Швеции.

В случае с продвижением идеи о ЕИС шведские акторы руководствовались схожими интересами, так как вполне можно было ожидать, что создание новой структуры, руководящим принципом работы которой

стало бы сотрудничество национальных научных сообществ и относительно при этом отсутствие национальных интересов, будет выгодно для стран с богатым исследовательским опытом, в том числе для Скандинавии в целом и Швеции в частности. В условиях недовольства рамочными программами с бюрократическим и неэффективным механизмом финансирования в научном сообществе назрел вопрос о необходимости реформирования системы в пользу более понятных, открытых и конкурентных процедур подачи конкурсных заявок.

Ввиду подобных структурных особенностей предполагалось, что основными сторонниками идеи создания ЕИС в Швеции будут представители научного сообщества, а также сами организации, осуществляющие финансовую поддержку исследований. В 2000 г. в результате реформы, предполагающей слияние всех существующих в научной системе Швеции исследовательских советов, именно Исследовательский совет Швеции стал важным актором в исследовательской политике страны, в его юрисдикцию входили координация государственного финансирования, поддержка фундаментальных наук и проведение дисциплинарных исследований. Правление Совета сходилась во мнении, что продвижение фундаментальных наук возможно в случае проведения исследований на основе системы рецензирования (то есть принцип, схожий с лежащим в основе создания ЕИС), что также послужило дополнительным фактором, ускорившим учреждение Европейского исследовательского совета.

Королевская академия наук Швеции, являющаяся независимой организацией, в задачу которой входит продвижение науки и усиление ее влияния в обществе, также сыграла нема-

ловажную роль в мобилизации мнения членов ученого сообщества в пользу создания Европейской структуры. Помимо прочего, Академия наук имела крепкие связи с другими академиями в Европе, сотрудничество с которыми также использовалось для продвижения шведских интересов в транснациональных сетях.

В период с 2002 по 2004 г. представители расположенного в Стокгольме Фонда Нобеля активно участвовали в различных рабочих группах и экспертных советах, занимающихся вопросами создания Европейского исследовательского совета. Используя свой авторитет и влияние в международном научном сообществе, они яростно отстаивали идею о необходимости оптимизации финансирования фундаментальной науки [Persson, 2018]. Так, председатель Нобелевского фонда в тот период, известный шведский биохимик Бенгт Самуелссон, и Ларс Юлленстен, член Академии наук Швеции, обладавший значительным весом в научном сообществе, написали открытое письмо премьер-министру Швеции Хансу-Йорану Перссону, в котором призывали его выступить с поддержкой идеи о необходимости оказания покровительства европейской фундаментальной науке и модернизации существовавших моделей финансирования [Feldman, 2012].

Роль шведских политиков в учреждении Европейского исследовательского совета

Стоит рассмотреть также, какую роль сыграли непосредственно шведские политики в этом вопросе. Во-первых, само социал-демократическое правительство Ханс-Йоран Перссона (1996–2006) в целом благосклонно относилось к финансированию исследовательской политики через советы

и одобряло развитие фундаментальных наук. В 1998 г. на пост министра образования был назначен Т. Острос, что было воспринято как мера по восстановлению доверия научного сообщества к правительству, так как его предшественник К. Тэм поддерживал идею о создании новых региональных университетских колледжей, которую представители более старых университетов восприняли в штыки, и некоторое время отношения между политиками и представителями академической среды оставались прохладными [Persson, 2018].

Уже упоминавшееся председательство Швеции в ЕС в первой половине 2001 г. дало возможность организации серии встреч, на которых главным пунктом повестки дня было именно создание ЕИС. Сторонники идеи из представителей ученых использовали переговоры для продвижения своей точки зрения. По данным некоторых источников, министр образования изначально скептически отнесся к предложению, однако благодаря усилиям советника правительства по науке Х. Вигцелля, который был ярким сторонником ЕИС, шведского министра удалось склонить поддержать усилия комитета [Edqvist, 2009]. Не будет преувеличением сказать, что шведские политики могли рассматривать эту возможность сыграть ключевую роль в учреждении крупной наднациональной структуры с тем, чтобы усилить общее влияние Швеции в ЕС и играть большую роль в европейской политике. Если на первых этапах деятельность по созданию ЕИС проходила в основном на национальной арене, уже с 2002 г. шведский комитет стал активно взаимодействовать с наднациональными институтами ЕС. Процессы регулировались преимущественно неформальными переговорами заинтересованных

лиц или организаций. Политики всех стран Северной Европы изначально играли решающую роль, а датские политики, действуя в союзе со своими шведскими коллегами, по инициативе последних включили вопросы создания ЕИС в повестку дня ЕС и мобилизовали ресурсы на поддержку проекта на национальном, региональном и европейском уровнях. Можно говорить о том, что транснациональные сети (в первую очередь между датскими и шведскими финансирующими органами) стали ключевым фактором в обеспечении поддержки идеи о Европейском исследовательском совете.

В 2003 г. был опубликован доклад экспертов во главе с профессором Федерико Майором, в котором было описано, как может возникнуть ЕИС. Важный вклад в обсуждения был внесен из многих источников, включая Исследовательский консультативный совет ЕС (*EURAB*), Европейский научный фонд (*ESF*), Европейскую федерацию наук о жизни (*ELSF*), Европейскую ассоциацию университетов (*EUA*). Тогда же по инициативе министра науки, технологий и инноваций Дании Хельге Сандера была сформирована группа высококвалифицированных экспертов для более глубокого изучения возможностей создания Европейского исследовательского совета. Эта группа пришла к выводу, что в ЕС назрела необходимость учреждения структуры для поддержки передовых исследований⁴. Примечательно, что секретарем экспертной группы был назначен швед Дэн Брэнстрем, директор Фонда трехсотлетия Банка Швеции. Несколько других экспертных групп, включая ту,

которая была сформирована по решению Европейского научного фонда, которой было поручено проанализировать экономические последствия Лиссабонской декларации, и группу высокого уровня, созданную по усмотрению Европейской комиссии, также пришли к аналогичному выводу и поддержали эту идею. В 2006 г. Европейский парламент и Совет министров ЕС приняли Седьмую рамочную программу (РП7) поддержки исследований Европейским союзом, важной частью которой стал ЕИС. На открытии конференции в Берлине, посвященной ЕИС, различные спикеры говорили о «концепции, время которой пришло», «европейском центре идей», «лиге чемпионов», «великом дне для Европы и великом дне для науки» и начале «эффекта снежного кома»⁵.

Интерес может вызывать тот факт, что, по сообщениям источников, у Швеции не существовало единой последовательной государственной стратегии. Скорее, процесс носил восходящий характер, в котором активными участниками были представители научного и академического сообщества, а политики уже реагировали на него. Очевидно, шведские ученые видели в ЕИС массу преимуществ для национальной научной системы, в первую очередь продвижение фундаментальных исследований и увеличение внешнего финансирования исследовательских проектов. Само же по себе учреждение наднационального европейского органа было для них вторично. По их мнению, учреждение европейского органа не должно было бы заменить национальные советы, а лишь усилило бы их роль и дало бы возможность

4 The European Research Council. A Cornerstone in the European Research Area. – Copenhagen: Ministry of Science, Technology and Innovation, 2003. – 40 p. – URL: <https://ufm.dk/en/publications/2003/files-2003/european-research-council-a-cornerstone.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

5 ERC Launch Conference. – URL: <https://erc.europa.eu/event/erc-launch-conference> (дата обращения: 01.10.2024).

Европейской комиссии сконцентрироваться на инновациях, а не на научных исследованиях. Чтобы объяснить, как материальные интересы национальных акторов влияли на принятие конкретной идеи, следует обратиться ко второй версии неoinституциональной теории, которая касается зависимых от выбранного исторического пути конкретных политических идей. В случае со Швецией можно отметить, что характеристики модели ЕИС схожи с таковыми у национальных научных органов. Так, современная структура шведских финансирующих исследования органов восходит еще к военным годам, когда был создан ряд исследовательских советов, поддерживающих среди прочего и фундаментальные исследования. Их структура не была очевидной, но важным было то, что государство стремилось усилить координацию ресурсов, выделяемых на науку, и в связи с этим простое увеличение финансирования отдельных университетов не отвечало поставленным задачам. Тем не менее обладающие на тот момент значительной автономией университеты предпочитали прямое финансирование, и модель советов (то есть учреждений, объединявших государственных представителей и научные сообщества) казалась разумным компромиссным вариантом [Nybom, 1997]. Несмотря на то, что механизмы исследований в Швеции видоизменялись, модель исследовательского совета продемонстрировала стабильность и высокую эффективность. Исследовательский совет являлся основным государственным инструментом поддержки фундаментальной науки, но также получил повсеместное признание в качестве механизма финансирования отраслевых исследовательских проектов. Активная поддержка подобной структуры ЕИС в ходе обсуждения и переговоров со стороны шведских акторов сы-

грала не последнюю роль в учреждении его в том виде, в котором он работает и по сей день. Социал-демократическое правительство Швеции того времени рассматривало исследовательский совет как справедливый механизм управления научной политикой и постоянно придерживалось такой позиции в дискуссиях о ЕИС на межгосударственном уровне. По свидетельствам источников, подобная позиция имела успех в ходе переговоров во многом потому, что национальный шведский исследовательский совет считался эффективной моделью обеспечения конкурентоспособности в Швеции [Persson, 2018, p. 413].

С точки зрения третьей перспективы изучения роли шведских акторов в создании ЕИС стоит рассмотреть их в качестве носителей идей и нормотворцев, которые разделяют общую цель и ценности в анализе разработки политики. Не вызывает сомнений, что институциональное решение о создании ЕИС основано на идеях о финансировании исследований, которые преобладают в научных системах многих развитых стран. Эти идеи получили распространение в первый послевоенный период и прочно укоренились в сознании научного сообщества. Это похоже на то, что П. Хааса назвал «эпистемическим сообществом», которое объединяет сторонников этого институционального решения, хотя бы в контексте учреждения общего и единого механизма финансирования.

Во многих отношениях поведение и убеждения шведской коалиции сторонников создания ЕИС было основано на общих нормативных ценностях и убеждениях. Они придерживаются схожих ценностей («конкурентоспособность», «справедливость») и критикуют существующие в РП преграды («бюрократия», «государственное регулирование») [Edqvist, 2009]. Создается

ощущение, что шведские акторы воспринимают себя в этом процессе как защитники определенной политической идеи. Действительно, модель ЕИС восходит к нормам шведской политической системы, а деятельность шведских акторов исходила из понимания «общего места Швеции как страны, в которой исследовательская политика всегда занимала особое почетное место и где функционируют сотни научных организаций, финансирующих научные исследования» [Konig, 2016]. Идеи шведских участников процесса создания ЕИС касательно структуры исследовательского совета, процессов рецензирования, инициации исследовательских проектов «снизу вверх» и конкуренция оказались важны. В этом случае национальные акторы приносили идею, основанную на национальном контексте, в новое международное поле, то есть можно говорить о том, что они являлись политическими акторами на европейском уровне.

Дискуссия

Инициатива по созданию Европейского исследовательского совета являлась уникальным по своей сути мероприятием по продвижению идеи об институционализации независимого финансирующего органа на европейском уровне в политический дискурс своего времени [Luukkonen, 2014, p. 30]. Сторонники данной идеи – выдающиеся ученые, представители транснациональных научных сетей, чиновники и политики – вместе составляли элиту европейской науки и выражали опасения, что она не могла конкурировать с ведущими научными системами мира

в силу отсутствия единого координирующего органа с прозрачными и понятными процедурами конкурсного отбора исследовательских заявок. Результатом их упорных действий стало учреждение в 2007 г. ЕИС как главной структуры европейского научно-исследовательского ландшафта. Анализ, представленный в данной работе, продемонстрировал, что акторы национальной научно-исследовательской системы в Швеции имели в первую очередь не властные или материальные, а скорее политические цели. Все они были движимы общим взглядом на ценностные и нормативные ориентиры развития научной системы на рубеже веков, в основе которых лежала твердая вера в идею проекта о европейской интеграции.

Безусловно, выступая с инициативой общеевропейского масштаба, шведская наука оказалась среди бенефициаров процесса, о чем в дальнейшем свидетельствуют объективные индикаторы научной вовлеченности страны в научные проекты и институты европейского масштаба, которые было бы невозможно осуществить без финансирования из наднациональных институтов. Так, в частности, профессор Дэниз Кирик из Лундского университета смог разработать многообещающую генную терапию для лечения болезни Паркинсона, получив грант ЕИС на сумму 2 млн евро⁶. В 2007 г. Хенрик Эхрссон из Каролинского института получил грант на 900 тысяч евро на изучение нейронных механизмов человеческого организма⁷. Благодаря финансированию из ЕИС атомный физик Анна Л'Уилье из Лундского университета создала рабочую группу, занимавшуюся изучением электронной динамики атомных систем, за

6 Ten years of the European Research Council. – URL: <https://erc.europa.eu/news/ten-years-european-research-council-european-success-story> (дата обращения: 01.10.2024).

7 Neuroscience 2012: An insight into ERC projects. – URL: <https://erc.europa.eu/projects-statistics/science-stories/neuroscience-2012-insight-erc-projects> (дата обращения: 02.10.2024).

что в 2023 г. получила Нобелевскую премию по физике⁸. В 2020 г. в разгар пандемии COVID-19 Пия Досенович, доцент Каролинского института, использовала средства ЕИС, чтобы изучать, как клетки приобретают специфические свойства, необходимые для защиты от ВИЧ и других вирусов⁹.

В конце 2014 г. ЕС запустил самую обширную РП под названием «Горизонт 2020» для исследований и инноваций на общую сумму 80 млрд евро, выделенных из бюджета. Швеция принимала активное участие во всех инициативах программы «Горизонт 2020», а также была включена в многочисленные программы сети ERA-NET, которые помогали в управлении исследовательскими грантами. С 2021 г. Швеция является одним из крупнейших реципиентов инновационной программы ЕС «Горизонт Европа», общий бюджет которой превышает 100 млрд долл. Множество ежегодных отчетов по научной деятельности Швеции в рамках Европейского пространства науки показывают, что страна эффективно интегрировалась в общеевропейские инициативы. Стоит отметить, что после выполнения всех рамочных программ Швеция занимает 4-е место среди стран – членов ЕС по количеству поддержанных заявок и 7-е место по объему финансовой поддержки. Шведские университеты устойчиво удерживают высокие позиции в международных рейтингах. Например, три университета страны регулярно входят в топ-100 рейтинга *QS-University Ranking* (на октябрь 2024 г. Университет Лунда – 75-е место, Университет Уппсалы –

103-е место, Королевский технологический институт – 74-е место)¹⁰.

По данным 8-й Рамочной программы, 46% финансирования из бюджета ЕС, предназначенного для науки в Швеции, было распределено между пятью университетами (Университет Уппсалы – 7%, Университет Лунда – 9%, Королевская высшая техническая школа – 9%, Технический университет Чалмерса – 7%, Каролинский институт – 14%).

Швеция демонстрирует высокие результаты в развитии научно-исследовательской системы, ежегодно находясь в числе лидеров по вкладу в исследования и разработки. В стране университеты являются основными площадками для фундаментальных научных исследований, в то время как прикладная наука в основном осуществляется в корпоративной сфере, включая как частные, так и государственные организации. Инфраструктура исследований и научная политика Швеции соответствуют рамочным программам ЕС, в которых страна активно участвует через Национальный исследовательский совет. Так, например, в 2023 г. среди организаций, получивших максимальные суммы грантов из бюджета программы «Горизонт Европа», оказался Лундский университет, финансирование которого из европейских средств составило более 63 млн евро¹¹.

Всё вышесказанное свидетельствует о высокой степени интеграции Швеции в европейские программы научного развития и о соответствии национальных задач научного комплекса страны общеевропейским приоритетам научной политики. На сегодняшний день

8 Nobel Prize. – URL: <https://erc.europa.eu/projects-statistics/scientific-prizes/nobel-prize> (дата обращения: 03.10.2024).

9 Frontier Research at the Service of Coronavirus Pandemic. – URL: <https://erc.europa.eu/news-events/magazine/frontier-research-service-coronavirus-epidemic-response> (дата обращения: 05.10.2024).

10 QS-University Rankings – Top Universities. – URL: <http://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings> (дата обращения: 30.09.2024).

11 Horizon Europe 2023: Winners and Losers Revealed. – URL: <https://euraxess.ec.europa.eu/worldwide/india/news/horizon-europe-2023-winners-and-losers-revealed> (дата обращения: 01.10.2024).

Швеция представляет собой успешно развивающуюся мощную постиндустриальную экономику и выигрывает в большей степени от интеграционных процессов внутри ЕС, претендуя на получение дополнительного финансирования от наднациональных проектов.

Заключение

В статье рассмотрены стратегии и позиции акторов национальной научной политики в Швеции и коалиций акторов на наднациональном поле. Основной целью было изучение влияния внутриполитических процессов на наднациональное институциональное строительство и факторов такого влияния.

Таким образом, влияние шведских акторов на процесс создания ЕИС проявлялось в коалиционном воздействии лиц, имеющих устойчивые позиции как в национальной, так и транснациональной системах науки. Процесс не носил нисходящий характер, которым управляло бы правительство страны, – скорее, наоборот: правительство лишь поддерживало и одобряло инициативы участников научного сообщества и придавало легитимность их решениям.

В статье подчеркивается, что позиции акторов являются продолжением национального пути развития, то есть в какой-то степени модель и характер предшествующих событий на национальной арене предопределяли формирующуюся европейскую повестку. Сложные взаимодействия между научным сообществом и политическими акторами, а также влияние международных норм и практик привели к созданию Европейского исследовательского совета. Это исследование подчеркивает важность сотрудничества и сетевого взаимодействия в формировании научной политики как на национальном, так и на европейском уровне.

Список литературы

Касаткин П.И., Талагаева Д.А. Атомная дипломатия: ЦЕРН и Евратом как модели наднациональных структур // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 12 (102). – С. 120–124.

Коннов В.И., Шестопал А.В. Введение. Национальные фонды поддержки науки в контексте общества знаний // Социально-политическая функция национальных научных фондов : сборник статей. – Москва: МГИМО-Университет, 2016. – С. 5–17.

Талагаева Д.А. Европейское научное сообщество как политический субъект: история формирования и институциональные опоры // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 2 (49). – С. 133–149.

Талагаева Д.А. Формирование Европейского научного пространства: подходы Скандинавских стран : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва : МГИМО-Университет, 2016. – 28 с.

Benner M. Big Science in a Small Country: Constraints and Possibilities of Research Policy // In Pursuit of a Promise: Perspectives on the Political Process to Establish the European Spallation Source (ESS) in Lund, Sweden / Ed. by O. Hallösten. – Lund : Arkiv forlag, 2012. – P. 159–172.

Borzel T.A., Heard-Laureote K. Networks in EU multi-level Governance: Concepts and Contributions // Journal of Public Policy. – 2009. – Vol. 29, N 2. – P. 131–151. – DOI: 10.1017/S0143814X09001044.

Building the Knowledge Economy in Europe / Ed. by M. Chou, A.A. Gornitzka. – Cheltenham : Edward Elgar, 2014. – 264 p.

Campbell G. Ideas, politics and Public Policy // Annual Review of Sociology. – 2022. – Vol. 28, N 1. – P. 21–38. – DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141111.

Edqvist O. Grenselos forskning: Om Internationalisering av Svensk Forskning. – Nora : Nya Doga, 2009. – 56 s. – Швед. яз.

Feldman B. The Nobel Prize: A History of Genius, Controversy and Prestige. – [S. l.] : Arcade, 2012. – 498 p.

Goldstein J., Keohane R. Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / Ed by J. Goldstein, R. Keohane. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1993. – P. 173–206.

Gronbaek D. A European Research Council: An Idea Whose Time Has Come? // Science and Public Policy. – 2003. – Vol. 30, N 6. – P. 391–404. – DOI: 10.3152/147154303781780263.

Haas P. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. – 1992. – Vol. 46, N 1. – P. 1–35. – DOI: 10.1017/S0020818300001442.

Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. World Politics in Transition. 4th ed. – Boston, MA : Longman, 2012. – 54 p.

Konig T. The European Research Council. – Cambridge : Polity Press, 2016. – 240 p.

Kropp K. The European Research Council by Thomas Konig // Science and Public Policy. – 2019. – Vol. 46, N 5. – P. 784–785. – DOI: 10.1093/scipol/scz015.

Lawn M., Lingard B. Constructing a European Policy Space in Educational Governance: The Role of Translational Policy Actors // European Educational Research Journal. – 2002. – Vol. 1, N 2. – P. 290–307. – DOI: 10.2304/eej.2002.1.2.6.

Luukkonen T. The European Research Council and the European research funding landscape // Science and Public Policy. – 2014. – Vol. 41, N 1. – P. 29–43. – DOI: 10.1093/scipol/sct031.

Moe T. Political Institutions: The Neglected Side of the Story // Journal of Law, Economics, and Organization. – 1990. – Vol. 6, special issue. – P. 213–253. – DOI: 10.1093/jleo/6.special_issue.213.

Nedeva M. Between the Global and the National: Organizing European Science // Research Policy. – 2013. – Vol. 42, N 1. – P. 220–230. – DOI: 10.1016/j.respol.2012.07.006.

Nybom T. Kunskap-politikk- samhälle: essar om Kunskapsyn, universitet och forskningspolitik. – Hargshamn : Hjalmar&Jorgen bokforlag, 1997. – 87 s. – Швед. яз.

Persson B. Interests, Ideas and Legacies of the past: analyzing the Positions and Strategies of Swedish Policy Actors in the Establishment of the ERC // European Educational Research Journal. – 2018. – Vol. 17, N 3. – P. 404–420. – DOI: 10.1177/1474904117719142.

Peters B.G. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. 3rd ed. – New York : Continuum, 2010. – 232 p.

Rothstein B. The Social-Democratic State. The Swedish Model and the Bureaucratic Problem of Social Reforms. – Pittsburgh, PA : University of Pittsburgh Press, 1996. – 240 p.

Schmidt V.A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // The Annual Review of Political Science. – 2008. – Vol. 11, N 1. – P. 303–326. – DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342.

The Advocacy Coalition Framework: Foundation, Evolution, and Ongoing Research / Jenkins-Smith H.C., Nohrstedt D., Weible Ch.M., Ingold K. // Theories of the Policy Process / Ed. by P.A. Sabatier, C.M. Weible. – Boulder, CO : Westview Press, 2014. – P. 183–224.

Thelen K. Historical Institutionalism in Comparative Politics // The Annual Review of Political Science. – 1999. – Vol. 2, N 3. – P. 369–404. – DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.369.

University Dynamics and European Integration / Ed. by J. Olsen, P. Maassen. – Dorfrecht : Springer, 2007. – 245 p.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.02

The Inception of the European Research Council: The Role of Swedish Political Actors

Daria A. TALAGAEVA

PhD (Political Science), Associated Professor of the English Department no. 6
MGIMO University
Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: d.talagaeva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7959-0741

Maria D. ROMANOVA

PhD (Philosophy), Associated Professor of the Department of International Journalism
MGIMO University
Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: m.krynzchina@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-9956-4521

CITATION: Talagaeva D.A., Romanova M.D. (2024). The Inception of the European Research Council: The Role of Swedish Political Actors. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 20–38 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.01

Received: 11.09.2024.

Revised: 04.12.2024.

ACKNOWLEDGEMENT. The research was supported by the Russian Science Foundation (project no. 24-78-10173).

ABSTRACT. *The authors explore the strategies, concepts, and perspectives of the Swedish academic community during the creation of the European Research Council. This case is of particular research interest because representatives of Swedish research funding organizations and academies actively participated in the project and exerted a measurable influence during its final stages. The article examines the roles played by Swedish political actors and analyzes the factors that shaped their positions and strategies. Its main objective is to investigate how domestic political processes affect suprana-*

tional institution-building and to identify the specific dimensions of this influence. The authors assess whether the positions of these actors reflect public policy goals, the interests of particular organizations and advocacy groups, or whether they act on behalf of transnational communities. These questions are addressed through the lens of three distinct versions of institutional theory. The authors conclude that the influence exerted by Swedish actors followed a bottom-up pattern: the driving forces behind the changes were scientists and representatives of the academic community, while the government played the

role of guarantor – approving and legitimizing the proposed initiatives. Additionally, the positions taken by these actors are viewed as a continuation of Sweden's national development trajectory. In other words, the nature of prior domestic events helped shape the European agenda that was emerging at the time.

KEYWORDS: European Research Council, European Research Area, science policy, political actor, epistemic community, EU Framework programmes, institutional theory.

References

- Benner M. (2012). Big Science in a Small Country: Constraints and Possibilities of Research Policy. In: Hallsten O. (ed.) *In Pursuit of a Promise: Perspectives on the Political Process to Establish the European Spallation Source (ESS) in Lund, Sweden*. Lund: Arkiv forlag, pp. 159–172.
- Borzel T.A., Heard-Laureote K. (2009). Networks in EU multi-level Governance: Concepts and Contributions. *Journal of Public Policy*. Vol. 29, no. 2, pp. 131–151. DOI: 10.1017/S0143814X09001044.
- Building the Knowledge... (2014). Chou M., Gornitzka A.A. (eds.). *Building the Knowledge Economy in Europe*. Cheltenham: Edward Elgar, 264 pp.
- Campbell G. (2022). Ideas, politics and Public Policy. *Annual Review of Sociology*. Vol. 28, no. 1, pp. 21–38. DOI: 10.1146/annurev.soc.28.110601.141111.
- Edqvist O. (2009). *Grenselo's Research: On the Internationalization of Swedish Research*. Nora: Nya Doxa, 56 pp. (in Swedish).
- Feldman B. (2012). *The Nobel Prize: A History of Genius, Controversy and Prestige*. S. I.: Arcade, 498 pp.
- Goldstein J., Keohane R. (1993). Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework. In: Goldstein J., Keohane R. (eds.). *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 173–206.
- Gronbaek D. (2023). A European Research Council: An Idea Whose Time Has Come? *Science and Public Policy*. Vol. 30, no. 6, pp. 391–404. DOI: 10.3152/147154303781780263.
- Haas P. (1992). Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. Vol. 46, no. 1, pp. 1–35. DOI: 10.1017/S0020818300001442.
- Kasatkin P.I., Talagaeva D.A. (2016). Atomic diplomacy: CERN and Euratom as supranational structures. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaya kultura*. No. 12 (102), pp. 120–124 (in Russian).
- Keohane R., Nye J. (2012). *Power and Interdependence. World Politics in Transition*. 4th ed. Boston, MA: Longman, 54 pp.
- Konig T. (2016). *The European Research Council*. Cambridge: Polity Press, 240 pp.
- Konnov V.I., Shestopal A.V. (2016). Introduction. National funds for science support in the context of the knowledge society. In: *Socio-political Function of National Scientific Funds: Collection of Articles*. Moscow: MGIMO-University, pp. 5–17 (in Russian).
- Kropp K. (2019). The European Research Council by Thomas Konig. *Science and Public Policy*. Vol. 46, no. 5, pp. 784–785. DOI: 10.1093/scipol/scz015.
- Lawn M., Lingard B. (2002). Constructing a European Policy Space in Educational Governance: The Role of Transnational Policy Actors. *European Educational Research Journal*. Vol. 1, no. 2, pp. 290–307. DOI: 10.2304/eej.2002.1.2.6.
- Luukkonen T. (2014). The European Research Council and the European research funding landscape. *Science and Public Policy*. Vol. 41, no. 1, pp. 29–43. DOI: 10.1093/scipol/sct031.
- Moe T. (1990). Political Institutions: The Neglected Side of the Story. *Journal of Law, Economics, and Organization*. Vol. 6, special issue, pp. 213–253. DOI: 10.1093/jleo/6.special_issue.213.

Nedeva M. (2013). Between the Global and the National: Organizing European Science. *Research Policy*. Vol. 42, no. 1, pp. 220–230. DOI: 10.1016/j.respol.2012.07.006.

Nybom T. (1997). *Knowledge – Policy – Society: Essays on Knowledge View, University and Research Policy*. Hargshamn: Hjalmar&Jorgen bokforlag, 87 pp. (in Swedish).

Persson B. (2018). Interests, Ideas and Legacies of the past: analyzing the Positions and Strategies of Swedish Policy Actors in the Establishment of the ERC. *European Educational Research Journal*. Vol. 17, no. 3, pp. 404–420. DOI: 10.1177/1474904117719142.

Peters B.G. (2010). *Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism*. 3rd ed. New York: Continuum, 232 pp.

Rothstein B. (1996). *The Social-Democratic State. The Swedish Model and the Bureaucratic Problem of Social Reforms*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 240 pp.

Schmidt V.A. (2008). Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse. *The Annual Review of Political Science*. Vol. 11, no. 1,

pp. 303–326. DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342.

Talagaeva D.A. (2016). *The Establishment of the European Research Area: Approaches of the Scandinavian Countries*. PhD Thesis. Moscow: MGIMO-University, 28 pp. (in Russian).

Talagaeva D.A. (2017). European Academic Community as a Political Actor: Historical Evolution and Institutional Foundations. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 15, no. 2 (49), pp. 133–149 (in Russian).

The Advocacy Coalition... (2014). Jenkins-Smith H.C. et al. The Advocacy Coalition Framework: Foundation, Evolution, and Ongoing Research. In: Sabatier P.A., Weible C.M. (eds.). *Theories of the Policy Process*. Boulder, CO: Westview Press, pp. 183–224.

Thelen K. (1999). Historical Institutionalism in Comparative Politics. *The Annual Review of Political Science*. Vol. 2, no. 3, pp. 369–404. DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.369.

University Dynamics... (2007). Olsen J., Maasen P. (eds.). *University Dynamics and European Integration*. Dorfrecht: Springer, 2007. 245 pp.

Азия: вызовы и перспективы

УДК 338(5-012)

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.03

Институты развития водородной энергетики в странах Северо-Восточной Азии

Сергей Михайлович ШАХРАЙ

доктор юридических наук, руководитель Центра сравнительного
государствоведения

Институт Китая и современной Азии РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: ezik2002@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5851-8393

Константин Анатольевич КОРНЕЕВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских
исследований

Институт Китая и современной Азии РАН

Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: korneev@iccaras.ru

ORCID: 0000-0003-3930-6309

ЦИТИРОВАНИЕ: Шахрай С.М., Корнеев К.А. Институты развития водородной
энергетики в странах Северо-Восточной Азии // Контуры глобальных
трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 39–57.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.03

Статья поступила в редакцию 07.11.2024.

Исправленный текст представлен 13.12.2024.

АННОТАЦИЯ. Регион Северо-Восточной Азии (СВА) состоит из стран с высокими показателями социально-экономического развития, для которых вопросы достижения углеродной нейтральности входят в число стратегических и решаются на государственном уровне при помощи целого комплекса мер. Для выполнения общих целей декарбонизации необходимократно сократить выбросы углекислого газа во всех секторах экономики, включая тяжелую

промышленность и транспорт. Водород сегодня считается одним из ключевых вариантов сокращения выбросов CO₂ в обозначенных секторах. Постепенное снижение стоимости возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и электролизеров способствует повышению экономической привлекательности водорода, получаемого путем электролиза воды с использованием возобновляемой электроэнергии. Именно этот способ является приоритетным

для стран СВА, не обладающих достаточными запасами угля, нефти и природного газа. Принципиальное отличие водородной энергетики от традиционной ископаемой в том, что водород – это бизнес по преобразованию энергии, а не добыче сырья. Важен и тот факт, что рост доли непостоянной генерации ВИЭ в энергобалансе стран СВА создает спрос на хранение больших объемов энергии, которое также в состоянии обеспечить водород. Устойчивые и успешно действующие институты играют определяющую роль в стимулировании процесса частичного перехода к водородной энергетике, поскольку способствуют выработке соответствующей политики и последовательному воплощению принятых решений в масштабе всей экономики. Рассмотрение статуса и перспектив внедрения таких институтов в государствах СВА позволяет получить взвешенное понимание того, как именно формируется и развивается этот процесс. Сегодня страны Северо-Восточной Азии находятся среди мировых лидеров по темпам развития низкоуглеродной водородной энергетики, поэтому предметное изучение институциональной базы, прямо касающейся данного направления, представляет обоснованный научный интерес.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Северо-Восточная Азия, низкоуглеродная водородная энергетика, формальные институты, энергетическая политика, стратегии и планы развития.

Международная напряженность, резко усилившаяся за минувшие несколько лет, оказывает дестабилизирующее влияние на глобальные энер-

гетические рынки с точки зрения ценообразования, надежности и бесперебойности поставок ископаемого топлива. Это одна из причин, почему энергопереход набирает обороты. Государства Северо-Восточной Азии тоже постепенно втягиваются в технологическую гонку в сегменте низкоуглеродной энергетики, где ВИЭ и водород как перспективные энергоисточники играют решающую роль. В статье рассматриваются Китай, Япония и Республика Корея, тем не менее в состав региона СВА входят еще Монголия, КНДР и Тайвань (провинция Китая). Однако рассмотрение институтов развития водородной энергетики в этих двух странах и одной провинции пока не имеет особого смысла по причине отсутствия либо слишком размытого статуса таких институтов, а также недостатка и неполноты источников информации.

Применение низкоуглеродного водорода¹ как источника энергии требует строительства сложной и разветвленной инфраструктуры, которая состоит из мощностей для производства водорода различными способами, вариантов его транспортировки (в сжатом или сжиженном виде, в химически связанном состоянии, по специальным трубопроводам и т. д.) и хранения, которое также осуществляется несколькими способами, однако основным, если речь идет о достаточно продолжительном временном отрезке, является обустройство естественных подземных хранилищ (например, закачка в отложения каменной соли, водоносные горизонты, выработанные месторождения нефти и газа) и искусственных резервуаров, но во втором случае больше потери газа, поскольку водород обладает высокой диффундирующей

1 Низкоуглеродным считается водород, получаемый из ископаемого топлива с использованием установок улавливания и хранения углерода или способом электролиза воды с поставкой электроэнергии от ВИЭ, стандартный критерий – пороговое значение выбросов 9,8–4,4 кг и ниже $\text{CO}_2\text{-экв./кг H}_2$.

(проникающей) способностью. Принимая во внимание сложность процесса, внедрение целевых институтов, регулирующих всю цепочку, становится необходимой мерой.

Для понимания возможностей и барьеров, с которыми сталкиваются Китай, Япония и Республика Корея, необходимо выделить ключевые факторы, проанализировать и предметно оценить целесообразность переориентации энергетики этих стран в сторону низкоуглеродного развития, что невозможно сделать без многоуровневого анализа институциональной среды, состоящей из различных документов стратегического планирования, задающих характер и динамику изменения тех или иных направлений, из нормативно-правовых актов, системы контрактов, договоренностей и соглашений.

Тем не менее не следует ожидать того, что низкоуглеродные источники на дистанции как минимум до 2040 г. превзойдут традиционные энергоресурсы (нефть, уголь и природный газ) по вкладу в энергобалансы стран Северо-Восточной Азии (в разрезе конечного потребления энергии). Например, в Китае в 2022–2023 гг. фиксировался исторический максимум добычи угля, поскольку страна решает задачу энергоснабжения (особенно в условиях продолжающегося восстановления экономики после пандемии) любыми доступными способами, а уголь – единственный энергоресурс, которым КНР в состоянии себя обеспечить полностью². Япония и Республика Корея постоянно увеличивают долю природного газа в электрогенерации, полагая его приемлемой альтернативой тому же углю с точки зрения объемов выброса CO_2 на этапе, пока длится переход к низкоуглеродной модели.

В настоящее время развитие возобновляемой и водородной энергетики является одной из принципиальных целей для стран СВА, достижение которой должно обязательно сопровождаться поэтапным расширением собственных технологических компетенций, чтобы в обозримом будущем занять перспективные рыночные ниши в отрасли, инвестиционная емкость которой оценивается в несколько триллионов долларов к 2050 г. В данном контексте сотрудничество с Китаем в большей степени, с Японией и Республикой Кореей – в меньшей (по причине их присоединения к антироссийским санкциям) создает для России серьезный набор возможностей по участию в формировании новой низкоуглеродной отрасли в качестве поставщика (в определенных нишах) высокотехнологичной продукции, а не исключительно потребителя различных зарубежных инноваций.

Показатели развития водородной энергетики в странах Северо-Восточной Азии

Водородная энергетика как самостоятельная отрасль требует проведения целого ряда структурных преобразований, направленных на выстраивание обновленной энергосистемы, в фундаменте которой заложено стремление к энергетическому обеспечению и созданию собственной высокотехнологичной базы. Если Япония стала уделять существенное внимание развитию отдельных элементов водородной энергетики с середины 2000-х годов, то Китай и Республика Корея активно включились в эту гонку лишь в начале 2010-х годов, однако довольно

2 Myllyvirta L. What is causing the record rise in both China's coal production and imports? // CREA. – 2023. – June 8. – URL: <https://energyandcleanair.org/record-rise-in-chinas-coal-production-and-imports/> (дата обращения: 30.07.2024).

быстро добились хороших результатов, по ряду параметров опередив Японию. Стратегические и нормативно-правовые модели (институты) сыграли здесь ключевую роль [Корнеев, 2022].

Для начала сразу следует обратить внимание на то, что в 2022–2024 гг. по сравнению с более ранним периодом (например, 2014–2021 гг.) оценки перспектив внедрения водородной энергетики в глобальном масштабе подверглись существенному пересмотру в пользу снижения показателей, то есть оптимистичный фокус поменялся на реалистичный. Весьма показательно, что число заявленных проектов в области низкоуглеродной водородной энергетики постоянно растет, однако окончательные инвестиционные решения приняты примерно по 6% из них на сумму порядка 40 млрд долл. По состоянию на 2023 г. в мире насчитывается до 1400 заявленных проектов, а необходимые для их осуществления инвестиции оцениваются более чем в 500 млрд долл. Даже общий поверхностный анализ показывает, что текущие темпы не позволят достичь цели по производству именно низкоуглеродного водорода в размере 38 млн тонн ежегодно (самый консервативный сценарий Международного энергетического агентства) к 2030 г., поскольку в стадии проектирования находится всего 3 млн тонн мощностей в дополнение к действующим 100 тыс. тонн [Deloitte, 2023].

Тем не менее в рассматриваемых государствах СВА ситуация ощутимо отличается от общемировой, поскольку важность развития водородной энергетики для этих стран велика в плане достижения лучших показателей энергетической независимости. Япония планирует к 2035 г. до 40% общего объема потребления энергии в стране обеспечивать за счет АЭС, ГЭС, ВИЭ и водорода (сегодня около 15%), Китай к 2035 г.

рассчитывает увеличить потребление низкоуглеродной энергии до 30–35% с текущих 18%, а Республика Корея – до 35% с текущих 20%. Во всех трех странах доля водорода как энергоисточника даже в структуре потребления низкоуглеродной энергии (не говоря уже об энергобалансах в целом) вряд ли к 2035 г. превысит 1–2%, однако на фоне текущих 0,1–0,2% это будет хороший результат. То есть низкоуглеродная водородная энергетика в Китае, Японии и Республике Корея с большой долей вероятности продолжит расти темпами, превышающими общемировую динамику [Azhgaliyeva, Ram, Zhang, 2023].

В целом же в структуре топливно-энергетического баланса (ТЭБ) всех трех рассматриваемых стран СВА преобладает ископаемое топливо (60–70%), только в разных пропорциях: в том же Китае выше доля угля, в Японии и Республике Корея – природного газа. Поэтому низкоуглеродный водород в будущем видится важным энергоисточником в общем плане сокращения зависимости от импорта ископаемого топлива и, как следствие, декарбонизации экономик за счет снижения объемов его получения из газа и угля. Однако в текущий момент времени «чистый» водород рассматривается как дополнительный источник энергии, что обусловлено непостоянством его производства с помощью того же электролиза по причине прерывистого характера работы ВИЭ-генераторов, которые и должны обеспечивать энергией электролизные установки.

Китай, Япония и Республика Корея заявляют достаточно амбициозные планы по производству низкоуглеродного водорода как перспективного энергоносителя. К 2035 г. Китай собирается ежегодно производить до 3 млн тонн при прогнозируемой потребности 6 млн тонн [Lou, Corbeau, 2023], Япония планирует ежегодно произво-

Таблица 1. Объем потребления энергии по типам источников, 2023 г., %
Table 1. Energy Consumption by Source Type, 2023, %

Страны	Уголь	Нефть и нефтепродукты	Природный газ	АЭС	ГЭС	ВИЭ	Биотопливо
Китай	60	14	8	4	5	6	3
Япония	26	37	22	5	2	3	4
Южная Корея	24	36	20	16	0,1	2	1,9

Источник: составлено авторами по данным сайта EES EAEC. – URL: <https://www.eeseaec.org/toplivnye-balansy> (дата обращения: 30.07.2024).

дить не менее 500 тыс. тонн водорода при общей прогнозируемой потребности 3 млн тонн [Japan Basic..., 2023], а Республика Корея – порядка 300 тыс. тонн при прогнозируемой потребности 1,5 млн тонн [A Clean Energy ..., 2023]. Самый предпочтительный способ производства – электролиз воды с поставкой электроэнергии от ВИЭ (ветроэлектростанции, солнечные энергетические станции и т. д.).

Невзирая на то, что технология получения водорода методом электролиза относится к одной из самых дорогих (с учетом строительства инфраструктуры), использование технологии получения низкоуглеродного водорода при помощи паровой конверсии метана с применением различных установок улавливания и хранения CO₂, позволяющих в несколько раз снизить углеродный след, для стран СВА еще менее обосновано, поскольку они являются крупнейшими импортерами природного газа. Соответственно, высокая стои-

мость газа только увеличивает и так неконкурентную стоимость 1 килограмма низкоуглеродного водорода (находится в диапазоне 4–5 долл./кг в Китае, 6–8 долл./кг в Японии и 5–7 долл./кг в Республике Корея)³.

Конечно, возникает ряд вопросов к обоснованности национальных планов всех трех стран. Даже если вывести за скобки экономические барьеры, не совсем понятно, каким потребителям (в рамках всех возможных областей потребления) в той же Японии будет нужно 3 млн тонн именно низкоуглеродного водорода ежегодно к 2035 г. Но всё-таки это отдельная история, целесообразнее рассмотреть применение водорода как топлива для транспортных средств, то есть для выработки энергии, питающей электродвигатели. Транспорт на водородных топливных элементах (ВТЭ) выпускается в Японии⁴, Республике Корея⁵ и Китае⁶, но если первые две страны делают ставку на легковые автомобили, то Китай

3 Production Costs of Green Hydrogen Worldwide by Select Country // Statista Analysis. – 2024. – April 29. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1086695/green-hydrogen-cost-development-by-country/> (дата обращения: 31.07.2024).

4 Модели Toyota Mirai и Honda Clarity; первая до сих пор на конвейере, ежегодно выпускается порядка 3 тыс. машин, вторая производилась до 2021 г., но компания планирует возобновить сборку обновленной версии после 2025 г. [Bravo Diaz, Boillot, 2024].

5 Модель Hyundai Nexo ежегодно выпускается в количестве около 4 тыс. экземпляров, всего с момента старта глобальных продаж в 2018 г. реализовано более 30 тыс. машин – примерно в 2 раза больше, чем Toyota Mirai [Bravo Diaz, Boillot, 2024].

6 По приблизительным оценкам, в Китае находятся в коммерческой эксплуатации более 3 тыс. автобусов на водородном топливе, преимущественно в мегаполисах, таких как Пекин и Шанхай. Источник: Buses and Trucks Accelerate as Chinese FCEV Vehicles Hit Overdrive // Fuel Cells Works. – 2022. – January 28. – URL: <https://fuelcellsworks.com/news/buses-and-trucks-accelerate-as-chinese-fcev-vehicles-hit-overdrive> (дата обращения: 31.07.2024).

развивает сегмент легкого коммерческого и пассажирского транспорта.

Если смотреть на анонсированные планы, то по дорогам Китая к 2035 г. должны ездить более 1 млн транспортных средств на водородных топливных элементах⁷ (сейчас их порядка 20 тыс., но только по итогам 2023 г. парк увеличился на 6 тыс. единиц)⁸, в Японии должно быть выпущено до 800 тыс. таких автомобилей (всего в стране зарегистрировано 8 тыс. единиц, а в 2023 г. парк увеличился всего лишь на 500 машин)⁹, в Республике Корея – не менее 300 тыс. машин (всего в стране зарегистрировано 30 тыс., но в 2023 г. парк увеличился на 4,5 тыс. машин)¹⁰.

Анализ средних темпов регистрации новых транспортных средств на водородном топливе за 2021–2023 гг. показывает, что при сохранении текущей динамики в Китае будет насчитываться порядка 200 тыс. автомобилей на ВТЭ к 2030 г., в Японии – не более 50 тыс., а в Южной Корее – в пределах 80 тыс. машин, то есть в разы меньше, чем запланировано¹¹. К тому же появление на дорогах сотен тысяч единиц транспорта на ВТЭ потребует создания соответствующей специализированной инфраструктуры по их обслуживанию (а это далеко не только заправочные станции). Тем не менее сохраняется вероятность, что заявленные цели могут

быть достигнуты в диапазоне от одной трети до половины запланированных показателей, и такой оптимизм объясняется существенным вкладом в данный процесс специальных стимулирующих институтов.

Для внедрения водородной энергетики необходима инфраструктура хранения и транспортировки водорода. То есть точно потребуются сооружение вместительных хранилищ и строительство специальных трубопроводов (действующая трубопроводная сеть, созданная для транспортировки природного газа, плохо подходит для передачи водорода в силу его химических и физических свойств) либо выпуск цистерн большой вместимости¹² для перевозки водорода автомобильным и железнодорожным транспортом. В этом смысле из трех рассматриваемых в статье стран только у Китая есть четко сформулированная стратегия строительства водородной инфраструктуры: запланировано сооружение сети трубопроводов протяженностью не менее 6 тыс. километров до 2035 г.¹³

Япония и Республика Корея столь серьезных планов не имеют, впрочем, эти две страны имеют небольшие размеры, и многие задачи по транспортировке могут быть решены как раз за счет автомобильного и железнодорожного транспорта. Что касается хра-

7 Chinese Coal Hub Emerges as Hydrogen Energy Pioneer // Xinhuanet. – 2024. – June 18. – URL: <https://english.news.cn/20240618/95f84ad7afe247219a9cc76743b16dbb/c.html#> (дата обращения: 31.07.2024).

8 Yutong L., Jia D. China Could Have a Million Hydrogen-Powered Vehicles on Its Roads by 2035 // Global Neighbours. – 2024. – June 24. – URL: <https://www.globalneighbours.org/china-could-have-a-million-hydrogen-powered-vehicles-on-its-roads-by-2035/> (дата обращения: 31.07.2024).

9 Coca N. A Half-Decade After its First Plan, Japan's Hydrogen Goals Remain Distant // Energy Monitor. – 2023. – March 29. – URL: <https://www.energymonitor.ai/tech/hydrogen/a-half-decade-after-its-first-plan-japans-hydrogen-goals-remain-distant/?cf-view&cf-closed> (дата обращения: 31.07.2024).

10 Lim O.T. Hydrogen in South Korea // WPIC. – 2024. – March 12. – URL: <https://platinuminvestment.com/about/60-seconds-in-platinum/2024/03/14/hydrogen-in-south-korea> (дата обращения: 01.08.2024).

11 Hydrogen Vehicle Market Report 2024 (Global Edition) // Cognitive Marker Research. – 2024. – September 24. – URL: <https://www.cognitivemarketresearch.com/hydrogen-vehicle-market-report> (дата обращения: 01.08.2024).

12 Автомобильные цистерны для транспортировки водорода чаще всего имеют вместимость в диапазоне 20–50 куб. м, а железнодорожные – до 100 куб. м.

13 Onyango D. China to Build World's Longest Hydrogen Pipeline to Transport Green Hydrogen // Pipeline Technology Journal. – 2024. – July 3. – URL: <https://www.pipeline-journal.net/news/china-build-worlds-longest-hydrogen-pipeline-transport-green-hydrogen> (дата обращения: 01.08.2024).

нения, это еще более сложный вопрос, сопряженный с огромными затратами на обустройство специализированных мест, обычно расположенных под землей. Естественно, наилучшим выходом является такая ситуация, когда большая часть водорода потребляется практически сразу, без необходимости его продолжительного хранения.

Институты развития водородной энергетики в Китае

Рассматривая различные институты в Китае, Японии и Южной Корее, целесообразно выделить три уровня: национальный (общегосударственный), провинциальный и локальный (на уровне муниципалитетов и т. д.). Основной массив институтов¹⁴ располагается на первых двух уровнях, однако зачастую бывает так, что без одобрения местных сообществ почти невозможно начать строительство специализированной инфраструктуры. Принципиальный акцент делается на анализе институтов, создаваемых для развития именно водородной энергетики, поэтому в статье не охватываются многие документы и положения, регулирующие, например, процессы обращения с техническими газами (к которым также относится водород) в части обеспечения безопасности при их транспортировке и хранении.

13 июня 2014 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, председательствовавший на шестом заседании Центральной финансово-экономической ведущей группы, предложил новую стратегию энергетической безо-

пасности «четыре революции и одно сотрудничество», которая продвигала революцию в потреблении энергии, революцию в энергоснабжении, технологическую революцию, институциональную революцию и всестороннее укрепление международного сотрудничества¹⁵. Это предложение было услышано и принято к исполнению как на центральном, так и на региональном уровне, что вылилось в принятие целого ряда стратегических документов.

Основным документом такого формата является План по энергосбережению и снижению выбросов парниковых газов. Это структурная часть единого пятилетнего плана развития КНР, сейчас действует его 14-я редакция (2021–2025). Общие задачи касаются повышения показателей энергосбережения и сокращения выбросов CO₂, предотвращения загрязнения окружающей среды, создания экономики с акцентом на низкоуглеродные источники энергии (ГЭС, ВИЭ, АЭС, водород, биотопливо).

В документе обозначены базовые показатели, которые планируется достичь к 2025 г. Потребление энергии на единицу валового внутреннего продукта (ВВП) должно снизиться на 13% по сравнению с 2020 г., выбросы различных парниковых газов – сократиться на 8–10% по сравнению с 2020 г., эффективность использования энергии в ключевых отраслях промышленности и уровень контроля над выбросами загрязняющих веществ должны достичь передовых международных стандартов (как в странах Евросоюза (ЕС), основной ориентир – Германия). Предполагается, что доля возобновляемой энергетики

14 В рамках настоящей статьи понятие «институт» применяется исключительно в формальном аспекте, то есть в число таких институтов попадают различные официальные документы и акты, принятые органами власти для стимулирования и регулирования развития водородной энергетики.

15 Тань Цзяньшэн, Инь Сюнь = 谭建生, 殷雄. Понимание основных идей стратегии энергетической безопасности «Четыре революции и одно сотрудничество» = 从能源资本认识「四个革命、一个合作」的重大能源战略思想 // 经济导刊 [Economic Herald]. – 2019. – July 15. – Кит. яз. – URL: <https://www.jingjidaokan.com/icms/null/null/ns:LHQ6LGy6LGM6MmM5Y2Q1OTA2Yjk5NWl3YXNmNmNDk5NDg2MjMjA4YzMcD0sY20sTo=/show.vsm1> (дата обращения: 04.08.2024).

в структуре генерации электроэнергии вырастет до 25%. В этот показатель включается и водород как перспективный источник энергии¹⁶.

Поскольку План по энергосбережению носит лишь общий характер, в Китае приняты нормативные документы именно в области распространения водорода как энергоисточника. По состоянию на 2023 г. в стране действовали более 100 национальных актов и стандартов, порядка 130 провинциальных регулирующих документов и стандартов, 30 отраслевых стандартов и 19 локальных стандартов, прямо касающиеся низкоуглеродной (за исключением АЭС) энергетики. Но базовые цели и положения для документов «водородного» характера сформулированы в рамках Средне- и долгосрочного плана развития водородной энергетики (2021–2035), разработкой которого в 2020–2021 гг. занималась Национальная комиссия по развитию и реформам КНР (НКРР), точнее, Национальная энергетическая администрация в ее составе¹⁷.

Краткосрочные цели Плана развития водородной энергетики в 2021–2035 гг. могут показаться консервативными, учитывая масштабы потребления водорода в стране. Заявлено достижение уровня производства низкоуглеродного водорода в диапазоне 100–200 тыс. тонн в год к 2025 г., что составляет 0,5% от 33 млн тонн водорода, ежегодно производимого в Китае на основе ископаемого топлива. Однако еще в 2022 г. совокупный объем мирового производства водорода способом электролиза был ниже 100 тыс. тонн, и только в Европейском союзе существовали обоснованные планы по вы-

ходу на уровень производства около 1 млн тонн к 2025 г.

Тут важно обратить внимание на следующее. Многие провинции, отдельные города и муниципалитеты в Китае представили свои собственные планы развития водородной энергетики, рассмотрев которые в совокупности, становится ясно, что общий эффект от их вероятной реализации превышает показатели, установленные в национальном Плане. То есть более точная картина развития водородной энергетики в Китае на ближайшие годы формируется на базе анализа не только ряда центральных документов стратегического планирования, но и региональных стимулирующих программ.

К примеру, только сложение запланированных показателей по производству низкоуглеродного водорода в провинциях Внутренняя Монголия и Ганьсу формирует цифру почти в 700 тыс. тонн к 2025 г., что в разы превышает объемы, анонсированные в положениях Средне- и долгосрочного плана развития водородной энергетики (2021–2035) [Lou, Corbeau, 2023]. Однако дискуссионным остается вопрос, насколько эти планы осуществимы: в Китае практикуется активное использование амбициозных лозунгов, особенно когда речь идет о создании новых отраслей. Это выражается в том, что многие властные структуры, стоящие на ступеньку ниже в иерархии (те же провинции), заявляют цели более масштабные, чем даже на уровне страны, с понятной целью показать свою приверженность «линии партии» и привлечь дополнительные ресурсы (финансовые, технологические) из цен-

16 14th Five Year Plan: Energy Conservation Emissions Reduction Work Plan (2021–2025) // Climate Change Laws of the World. – 2021. – December 28. – URL: https://climate-laws.org/document/14th-five-year-comprehensive-work-plan-for-energy-saving-and-emission-reduction-2021-2025-notice-33_b020 (дата обращения: 02.08.2024).

17 Dokso A. China's Hydrogen White Paper 2022 Reveals Insights and Prospects // H2 Energy News. – 2023. – October 30. – URL: <https://energynews.biz/chinas-hydrogen-white-paper-2022-reveals-insights-and-prospects/> (дата обращения: 05.08.2024).

тра. В данном свете имеет смысл подвергнуть обоснованному сомнению достижимость показателей, заявленных провинциями Внутренняя Монголия и Ганьсу, однако сразу указать на то, что даже если суммарно в Китае произведут 100–200 тыс. тонн низкоуглеродного водорода в 2025 г., это можно считать явным успехом.

Большая часть различного рода формальных институтов по стимулированию развития низкоуглеродной водородной энергетики действует в следующих провинциях Китая: Внутренняя Монголия, Ганьсу, Хэбэй, Хэйлунцзян, Цилинь, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Синьцзян-Уйгурский автономный район. Все они расположены в Северо-Западной и Северо-Восточной частях Китая, то есть это регионы, где располагаются 80% национальных мощностей ВИЭ. Эти провинции задают тон и в строительстве водородной инфраструктуры. Крупнейший экономический кластер Китая располагается в условном треугольнике Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, поэтому логично, что первый в Китае 400-километровый водородный трубопровод Уланчаб – Пекин был построен именно здесь. Текущая пропускная мощность – 100 тыс. тонн в год, но в ближайшие годы запланировано ее увеличение до 500 тыс. тонн в год [Lou, Corbeau, 2023].

С точки зрения зрелости институтов лидирует провинция Внутренняя Монголия: там принят собственный пятилетний план, формально привязанный к общенациональному 14-му плану. Власти провинции декларируют самую амбициозную в Китае на текущий мо-

мент цель: к 2025 г. получать 480 тыс. тонн в год экологически чистого водорода электролизом при помощи энергии от возобновляемых источников, а также способом газификации угля с использованием установок улавливания и захоронения CO_2 . В провинции наблюдается стремительный рост производственных мощностей, создаваемых государственными предприятиями на основе целевого финансирования, в котором доля собственных средств региона составляет не менее 60%¹⁸.

В качестве примеров институтов, которые можно охарактеризовать как нормативно-правовые, следует привести Технические стандарты для автомобильных заправочных станций и специальных водородных заправочных станций и Технические характеристики топлива для автомобилей, работающих на водороде (приняты в 2021 г.). Данные институты вводят и регулируют правила строительства водородных заправочных станций, а также их эксплуатации и обеспечения безопасности, включая характеристики водородного топлива, которое обязано поступать на такие заправки¹⁹. Благодаря принятию этих документов в Китае по состоянию на декабрь 2023 г. действовало 350 водородных заправочных станций (причем каких-либо инцидентов и аварий на них зафиксировано не было), а к концу 2025 г. – началу 2026 г. планируется довести их количество до 1200, что больше суммарного общемирового показателя на данный момент. Для сравнения: в 2019 г. в эксплуатации находились всего 52 водородные заправочные станции²⁰.

18 China's Inner Mongolia Draws up Five-Year Hydrogen Development Plan // Seneca ESG. – 2023. – September 20. – URL: <https://senecaesg.com/insights/chinas-inner-mongolia-draws-up-five-year-hydrogen-development-plan/> (дата обращения: 06.08.2024).

19 Zhang V. Hydrogen Law, Regulations & Strategy in China // CMS Legal Analytics. – 2021. – November 24. – URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-hydrogen/china> (дата обращения: 07.08.2024).

20 Shirly Zhu. China Plans to Build More Than 1,200 Hydrogen Refueling Stations by 2025 // Interact Analysis. – 2024. – February 28. – URL: <https://interactanalysis.com/insight/china-plans-to-build-more-than-1200-hydrogen-refueling-stations-by-2025-more-than-the-current-total-worldwide/> (дата обращения: 08.08.2024).

В целом анализ национальных и региональных стратегий развития низкоуглеродной водородной энергетики в Китае показывает, что решения, принятые и осуществляемые на уровне провинций, будут играть ведущую в формировании водородной отрасли в Китае. Специализированного закона о водородной энергетике в Китае пока нет, однако не исключено, что такой закон может быть принят в ближайшее время (до 2026 г.). Пока же на перспективу до 2030 г. статус наиболее весомого «руководства к действию» имеют опубликованные 31 июля 2024 г. Заключение ЦК Коммунистической партии Китая и Государственного совета КНР об ускорении комплексной «зеленой» трансформации экономического и социального развития. В «Заключении» указывается, что необходимо неуклонно способствовать зеленой и низкоуглеродной трансформации энергии, в том числе способствовать развитию всей цепочки водородной энергетики, включая «производство, хранение, транспортировку и использование». Политическая и правовая система Китая устроена таким образом, что регулирующее значение решений «двух канцелярий» (ЦК КПК и Госсовета) очень высоко, такие объединяющие политическую и государственную волю решения обязательны к исполнению всеми ответственными структурами²¹.

Несмотря на поддержание темпов развития водородной энергетики, недостижимых для других стран, Китай всё-таки сталкивается с рядом серьезных проблем, главная из которых – нехватка собственных тех-

нологий. Китай импортирует более 70% оборудования и комплектующих – это различные топливные элементы, электролизеры, материалы для сооружения хранилищ водорода (например, углеродное волокно) и прочее. Крупнейшие иностранные поставщики – норвежская компания *HydrogenPro*, французские *Plastic Omnium* и *Faurecia*, германские *Bosch* и *Siemens*, бельгийская *John Cockerill*, американская *Cummins* и ряд других. Высокая зависимость Китая от импорта технологий может замедлить развитие водородной отрасли, особенно если растущая геополитическая напряженность приведет к новым ограничительным мерам в технологической сфере в отношении КНР.

Неудивительно, что китайское правительство уделяет особое внимание собственным разработкам. В подотрасли водородной энергетики (технологии производства, транспортировки и хранения) ежегодно инвестируется более 10 млрд долл., в 2023 г. общий размер накопленных инвестиций уже превысил 100 млрд долл. КНР рассчитывает добиться частичной технологической независимости (менее 50% импорта) не позже 2030 г. [Dellatte, 2023]. В таком ключе хорошие перспективы есть у российско-китайского сотрудничества по разработке передовых технологий водородной энергетики, но необходимо четко понимать, в каких нишах и в каких масштабах подобные технологии будут востребованы в Китае на горизонте до 2035–2040 гг. Подобный развернутый анализ может в дальнейшем быть выполнен в рамках отдельного профильного исследования.

21 Заключение ЦК Коммунистической партии Китая и Госсовета об ускорении всеобъемлющей зеленой трансформации экономического и социального развития = 中共中央 国务院关于加快经济社会发展全面绿色转型的意见 // Официальный веб-портал китайского центрального правительства = 中国政府网_中央人民政府门户网站. – 2024. – July 31. – Кит. яз. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11546/202408/content_6970974.html (дата обращения: 08.08.2024).

Институты развития водородной энергетики в Японии

В 2017 г. Япония первой в мире опубликовала Базовую национальную водородную стратегию. Задача состояла в том, чтобы занять лидирующие позиции на формирующемся глобальном рынке в области производства и применения низкоуглеродного водорода, а такие компании, как *Toyota* и *Honda*, везде продвигали автомобили на водородных топливных элементах в качестве эффективной альтернативы электромобилям. Начиная с 2017 г. правительство приняло решение выделять порядка 500 млн долл. ежегодно в виде субсидий для поддержки создания водородной инфраструктуры. В июне 2023 г. вышла обновленная и актуализированная версия Стратегии, которая, по сути, декларировала те же цели, только с оговоркой, что срок их достижения может быть перенесен на 2035 г. Предполагалось также увеличить финансирование водородных проектов в 1,5–2 раза, правда, не слишком понятно, кто и на каких условиях получает право претендовать на подобные меры поддержки.

По оценкам составителей «водородной стратегии», к 2030 г. установленная мощность электролизеров в мире составит 134 ГВт (сегодня примерно 12 ГВт). Чтобы соответствовать глобальным тенденциям и обеспечить необходимый уровень производства низкоуглеродного водорода в самой Японии, устанавливается целевой показатель по вводу в эксплуатацию к 2030 г. около 15 ГВт мощностей электролизеров (сейчас их в Японии не более 100 МВт) [Japan Basic..., 2023]. По большому счету, цели, заявленные

в Стратегии образца 2017 г., не были достигнуты даже на четверть и в настоящий момент не видно каких-то механизмов и решений, при помощи которых Япония к 2035 г. реализует пункты этого обновленного документа.

Помимо представленной выше национальной стратегии, в Японии действуют и другие документы. Еще в 2009 г. в Японии была принята специальная программа *Ene-Farm* с целью поддержки внедрения в стране мини-ТЭЦ на топливных элементах для энергоснабжения малых и удаленных потребителей, подразумевающая компенсацию государством до половины стоимости покупки подобных систем, конечно, с учетом стоимости водородного топлива²². В 2017 г. Организация по развитию новых энергетических и промышленных технологий (*NEDO*) – крупная государственная структура в области научно-технической политики – обнародовала собственную Дорожную карту развития технологий топливных элементов и применения водорода. В 2020 и 2022 гг. в нее были внесены некоторые изменения, однако основная логика и ориентиры остались фактически на уровне 2017 г.

В Дорожной карте прямо декларировалось, что к 2030 г. именно в коммерческой эксплуатации (преимущественно для энергоснабжения автономных потребителей) должны находиться мини-теплоэлектростанции на протонно-обменных и твердооксидных топливных элементах суммарной установленной мощностью до 200 МВт, причем полностью собранные в Японии с помощью японских технологий. Надо признать, что частично это было реализовано: например, крупными производителями и поставщиками различных типов топливных элементов

22 Residential Fuel Cell ENE-FARM // Challenge Zero (Tokyo Gas Co). – 2019. – March 12. – URL: <https://www.challenge-zero.jp/en/casestudy/469> (дата обращения: 09.08.2024).

на мировой рынок являются компании *Toshiba Fuel Cell Power Systems*, *Denso*, *Mitsubishi Hitachi Power System* (порядка 90% всего производства идет на экспорт), только на внутреннем японском рынке их продукция востребована слабо, в основном из-за высокой стоимости этих систем и отсутствия должной инфраструктуры²³.

Тем не менее эти два документа, имеющие четкое практическое значение, следует определить как самые эффективные институты. По состоянию на конец 2020 г. мощности мини-ТЭЦ на топливных элементах в Японии достигли 35 МВт, увеличившись примерно в 10 раз с 2009 г., однако впоследствии динамика замедлилась, и к 2023 г. прирост мощности составил около 15 МВт. Это связано с сокращением финансирования программы *Ene-Farm*, поскольку в 2017 г. с принятием национальной «водородной стратегии» японское правительство решило делать ставку на крупных игроков, способных обеспечить заметный эффект для всей экономики страны. Как показывает дальнейшее развитие событий, подобная тактика не особо эффективна: отказ от активной поддержки малой водородной генерации пока не привел к появлению новых «точек роста» с подачи крупного энергетического бизнеса по абсолютно понятной причине – реализация масштабных проектов требует больших затрат, при том что даже частичная окупаемость этих инвестиций не гарантирована, несмотря на внушительный список различных мер государственной поддержки, среди которых – освобождение от налогов и сборов, субсидирование процентных

ставок, компенсирующие контракты и т. д.²⁴

В 2019 г. увидел свет еще один немаловажный документ – Стратегическая дорожная карта для водорода и топливных элементов, призванная расширить и конкретизировать отдельные пункты национальной водородной стратегии. Главная задача ставилась так: снизить стоимость низкоуглеродного водорода до уровня, сопоставимого с существующими источниками энергии (в первую очередь газовой генерацией), то есть до 0,4 цента за куб. м (или примерно 4 долл./кг, в соответствии с курсом йены по отношению к доллару в 2019 г.) не позднее 2030 г. и около 0,2 цента за куб. м (или примерно 2 долл./кг) к 2035 г. [The Strategic Road..., 2019]. Но по состоянию на 2024 г. средняя стоимость производства водорода в Японии по-прежнему колеблется в диапазоне 6–8 долл./кг, и нет значительных оснований полагать, что к 2030 г. будут достигнуты показатели, обозначенные в Стратегической дорожной карте.

Ключевая причина отсутствия заметного прогресса заключается в том, что Япония начинает разрабатывать и внедрять технологии, использование которых неконкурентоспособно по причине узкого внутреннего рынка, ограниченных финансовых и производственных ресурсов, а также весьма запутанного административного регулирования, когда преобладают общие установочные дорожные карты, но явно недостаточно конкретных отраслевых нормативных документов. Очевидно, что для успешного достижения заявленных целей к 2030–2035 гг. нужно серьезно менять подход к раз-

23 Hara D. Hydrogen and Fuel Cell Development in Japan // NEDO Presentation. – 2020. – February 25. – URL: <https://www.fcdic.jp/pdf/FC%20International%20Meeting/The%208th%20FC%20International%20Meeting/> (1) Dr.%20DHara%20Taishu%20NEDO.pdf (дата обращения: 09.08.2024).

24 Fuel Cell Market in Japan Size & Share Analysis – Growth Trends & Forecasts (2024–2029) // Mordor Intelligence. – 2024. – January 30. – URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/japan-fuel-cell-market-industry> (дата обращения: 10.08.2024).

витию низкоуглеродной водородной энергетики, переходя от абстрактных планов к взвешенным и оправданным решениям, подкрепленным соответствующими институтами.

Институты развития водородной энергетики в Республике Корея

Республика Корея присоединилась к «водородной гонке» в начале 2010-х годов и по состоянию на 2024 г. добилась определенных успехов. Преимущественно это касается транспорта: именно на дорогах Южной Кореи больше всего автомобилей на водородных топливных элементах. Однако присутствуют и результаты в части внедрения генерирующих установок. Наиболее яркий пример – введенная в эксплуатацию в 2022 г. теплоэлектростанция на твердооксидных топливных элементах (ТОТЭ). Суммарная мощность ТОТЭ-установки составляет 4,2 МВт, она будет обеспечивать электроэнергией и теплом спортивно-досуговый центр в портовом городе Донхэ. Инвестиционные затраты на реализацию проекта составили почти 20 млн долл., окупаемость заявлена в пределах 10 лет, причем срок службы данной теплоэлектростанции составляет не менее 20 лет²⁵.

Институты развития водородной энергетики в Республике Корея вполне можно охарактеризовать как достаточно эффективные и имеющие значительный потенциал к дальнейшему расширению. В январе 2019 г. южнокорейское правительство представило свою «Дорожную карту развития водородной экономики». В ней были четко обозна-

чены цели: производство 6 млн автомобилей на топливных элементах и развертывание не менее 1200 заправочных станций к 2040 г. Впоследствии эти амбициозные цифры скорректировали в сторону уменьшения, однако данный документ, в отличие от планов, принятых в Китае и Японии, задавал очевидную институциональную траекторию.

Например, предполагалось формирование на уровне правительства специального Совета по развитию водородной экономики, в состав которого включались представители шести различных министерств и нескольких крупных энергетических компаний (KEPCO, KHPN и ряд других). Главой совета становился премьер-министр страны. Следующий шаг – создание кластеров по развитию водородной промышленности на основе государственно-частного партнерства, а также стимулирование исследований и разработок в области водородных технологий на базе крупных научно-исследовательских центров. Кроме того, к 2022 г. правительство собиралось определить три города для реализации пилотных проектов по строительству водородной инфраструктуры [Havertz, 2021]. Надо отметить, что все пункты были выполнены, особенно это касается «водородных городов»: правительство страны в 2023 г. даже приняло дополнительную профильную программу по стимулированию использования водорода в повседневной жизни, в частности для энергообеспечения зданий и транспорта в таких городах, как Пхёнтхэк, Намъянджу, Танджин, Порён, Кванъян и Пхохан²⁶.

В 2021 г. в дополнение к Дорожной карте был принят 1-й Базовый план

25 Lim Chang-won. First SOFC Power Plant Put Into Operation to Provide Electricity and Heat // AJU Press. – 2022. – June 9. – URL: <https://www.ajupress.com/view/20220609101045556> (дата обращения: 12.08.2024).

26 The Rise of Hydrogen Pilot Cities in South Korea // INNIO Highlights. – 2023. – January 31. – URL: <https://www.innio.com/en/news-media/magazine/article/hyosung-s-hydrogen-to-help-power-its-business-in-south-korea> (дата обращения: 12.08.2024).

по внедрению водородной экономики. Фактически этот документ являлся продолжением Дорожной карты 2019 г. и служил целям расширения и конкретизации ее положений. Однако в процессе практической реализации обозначенных выше планов правительство Южной Кореи, проведя целую серию совещаний с профильными экспертами и представителями компаний, пришло к выводу, что полноценное развитие водородной отрасли вряд ли осуществимо без серьезной институциональной поддержки, а именно принятия настоящего «водородного закона»²⁷.

Следует отдать должное Республике Корея: от осознания необходимости принятия закона до завершения его разработки и официального одобрения прошло совсем немного времени. В 2022 г. Национальная ассамблея утвердила первый в мире полноформатный Закон о развитии водородной экономики и управлении безопасностью использования водорода (Закон о водороде). Детальное рассмотрение закона и оценка влияния, которое оказало и оказывает его принятие на темпы и характер развития водородной отрасли в Республике Корея, требуют отдельного исследования, однако сам по себе факт одобрения такого закона в развитой стране говорит о переходе с этапа общих и мало к чему обязывающих дорожных карт на следующий уровень. Органом, ответственным за выполнение закона и осуществление контроля над другими исполнителями, предсказуемо стало Министерство торговли, промышленности и энергетики. В целях содействия совершенствованию

законодательных и нормативных актов министерство получило право направлять рекомендации административным органам, отвечающим за разработку нормативно-правовых документов.

Более того, министерство получило право прямого контроля реализации водородных проектов в рамках установленного порядка и в соответствии с указами президента страны (при их наличии). Это означает, что по каждому проекту предоставляется предметный план реализации со сроками, необходимая финансовая и техническая отчетность (материалы, оборудование и пр.). За невыполнение заявленных целей наступают административные и финансово-экономические санкции, в каждом случае они определяются отдельно²⁸. Таким образом, можно сделать обоснованный вывод, что в Республике Корея развитие низкоуглеродной водородной отрасли относится к числу государственных задач и подкреплено соответствующими правовыми механизмами. Принятие закона уже привело к тому, что в 2022–2024 гг. суммарный объем инвестиций в низкоуглеродный водород вырос в 3 раза и достиг отметки 20 млрд долл.²⁹

Заключение

Говоря о развитии водородной энергетики в странах СВА, не стоит забывать и об экологической составляющей. Принимаемые меры по частичному переходу на низкоуглеродный водород не только в энергетике, но и в промышленности и на транспор-

27 Achievements and Vision of Korea's Hydrogen Economy Policy // Ministry of Trade, Industry and Energy. – 2022. – May 1. – URL: https://www.gen-4.org/gif/upload/docs/application/pdf/2024-05/4b_korea_hydrogen_policy_2022.pdf (дата обращения: 13.08.2024).

28 Korea Hydrogen Economy Promotion and Hydrogen Safety Management Act // Law Viewer. – 2022. – June 10. – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=60917&type=sogan&key=13 (дата обращения: 13.08.2024).

29 Akbarov D. Hydrogen's Resurgence: Fuelling the Future of South Korea // Intralink Korea. – 2024. – March 12. – URL: <https://www.intralinkgroup.com/en-GB/Latest/Intralink-Insights/March-2024/Hydrogens-resurgence-Fuelling-the-future-of-South> (дата обращения: 14.08.2024).

те вызваны желанием Китая, Японии и Республики Корея улучшить экологическую обстановку, особенно в крупных мегаполисах: Токио, Сеуле, Пекине, Шанхае. Особенно данная проблема касается Китая: страна является мировым лидером по выбросам парниковых газов в атмосферу, причем их объемы с каждым годом продолжают расти. Отчетливо это видно на примере Пекина и Шанхая, где по несколько раз в месяц фиксируется индекс качества воздуха (AQI) более 100 единиц, что в 3–4 раза выше рекомендуемого Всемирной организацией здравоохранения оптимального значения качества воздуха³⁰. Таким образом, усилия по внедрению низкоуглеродного водорода в государствах СВА направлены на достижение углеродной нейтральности в самом широком смысле, включая выполнение международных обязательств, которые рассматриваемые страны взяли на себя в рамках Парижского соглашения.

Что касается институтов развития водородной энергетики, то по состоянию на 2024 г. наиболее зрелый нормативно-правовой каркас наблюдается в Республике Корея, причем он был сформирован в короткий срок – буквально в течение 5 лет. Китай также обладает разветвленным набором институтов, причем не только на уровне центрального правительства, но и на уровне провинций, что позволяет ему проводить более гибкую и многовекторную политику в контексте стимулирования применения низкоуглеродного водорода. Япония, несмотря на то, что первой в мире приняла национальную стратегию развития водородной энергетики, на фоне двух

других государств Северо-Восточной Азии сегодня выглядит аутсайдером: усугубляется отставание как в формировании необходимых институтов, так и в части реализации конкретных проектов.

В перспективе ближайших 10–15 лет ситуация, скорее всего, принципиально не изменится, разве что Япония пересмотрит свои подходы и начнет сокращать разрыв с соседями. Прогнозируется, что Китай, благодаря огромному масштабу своей экономики и наличию значительных финансовых, технологических и профессиональных ресурсов, займет лидирующие позиции в регионе, однако у него есть конкурент в лице Южной Кореи.

Отдельно следует остановиться на перспективах сотрудничества России со странами СВА в общем контексте водородной отрасли. К сожалению, в настоящее время какие-либо варианты взаимодействия с Японией и Республикой Корея вряд ли возможны по причине их присоединения к антироссийским санкциям (особенно это касается Японии), хотя несколько совместных проектов обсуждались на министерском уровне в 2018–2021 гг. Например, планировалось финансовое участие японских инвесторов (*Marubeni Corporation*) в строительстве завода по производству метанола из природного газа в г. Сковородино Амурской области мощностью 1 млн тонн год. В Японии метанол (наряду с аммиаком) рассматривают в качестве наиболее перспективного жидкого органического носителя (ЛОHC) для транспортировки водорода на дальние расстояния в связанном состоянии³¹.

30 Качество воздуха в Шанхае // IQ Air. – 2024. – September. – URL: <https://www.iqair.com/ru/china/shanghai?srsltid=Afm-BOoo95CndEecpXKFx82TPDhAGl8KMuiXdpdAwHrvAeBTCOrIGLEm> (дата обращения: 16.08.2024).

31 Группа ECH и Marubeni Corporation подписали обязывающий контракт на оффтейк метанола // Агентство SeaNews. – 2020. – 4 декабря. – URL: <https://seanews.ru/2020/12/04/ru-gruppa-esn-i-marubeni-corporation-podpisali-obязyvajushhij-kontrakt-na-offtejk-metanola/> (дата обращения: 20.08.2024).

Еще один важный проект, нацеленный на экспорт российского водорода в регион СВА, стартовал в 2021 г. с разработки технико-экономического обоснования строительства на Сахалине завода по производству до 100 тыс. т/год водорода из природного газа методом паровой конверсии. Изначально меморандум о сотрудничестве подписали АО «Русатом Оверсиз», французская компания *Air Liquide* и правительство Сахалинской области, однако в 2022 г. *Air Liquide* полностью свернула свою деятельность в России и вместо нее к числу заинтересованных участников проекта присоединялись CEEC (Китайская энергетическая инженеринговая корпорация), входящая в группу компаний *China Energy Engineering Group Co.* В настоящее время мощность завода понижена до 30 тыс. т/год водорода, а ввод в эксплуатацию намечен на 2026 г. Предполагается до 1/3 производимой продукции потреблять на о. Сахалин (для нужд транспорта и промышленности), остальной объем экспортировать в КНР, однако пока нет понимания, каким образом и на каких ценовых условиях это можно реализовать³².

Таким образом, стратегическим партнером на пути развития водородной энергетики для России сегодня становится Китай. Поскольку в настоящее время трудно определить реальную потребность китайского рынка в низкоуглеродном водороде на ближайшие 10 лет, экономического смысла вкладываться в строительство мощностей

для крупнотоннажного производства водорода в России с целью экспорта в КНР нет, однако вполне сохраняется и расширяется ниша для технологического сотрудничества. В России успешные разработки ключевых водородных технологий ведутся силами ГК «Росатом», ПАО АФК «Система», Группы компаний «ИнЭнерджи», а также ряда НИИ и отраслевых институтов, входящих в Национальную технологическую инициативу и Консорциум водородных технологий. Среди таких разработок, не уступающих лучшим мировым аналогам, можно выделить электролизеры на анионообменной матрице (ПАО АФК «Система», ГК «Росатом»)³³, установки на архитектуре микротрубчатых твердооксидных топливных элементов МТ ТОТЭ (Научно-исследовательский центр «ТОПАЗ», входит в состав группы «ИнЭнерджи»)³⁴, платиновые катализаторы для протонно-обменных топливных элементов (Институт химии растворов РАН)³⁵ и целый ряд других технологий, которые критически важны для успешного распространения водородной энергетики и достижения ее конкурентоспособности по сравнению с традиционной на основе ископаемого топлива.

Несомненно, партнеры из КНР проявляют интерес к передовым российским решениям и вполне готовы заключать соглашения о сотрудничестве (в формате совместных предприятий, технопарков, научных коллабораций), однако для этого требуется, чтобы

32 Водородный завод мощностью 30 тыс. т планируется ввести в эксплуатацию на Сахалине в 2026 г. // Neftegaz.RU. – 2023. – 27 сентября. – URL: <https://neftegaz.ru/news/dekarbonizatsiya/795638-vodorodnyy-zavod-moshchnostyu-30-tys-t-planirutsya-vvesti-v-ekspluatatsiyu-v-2026-g-na-sakhaline/> (дата обращения: 22.08.2024).

33 «Росатом» разработал новую электролизную установку по производству водорода // Страна Росатом. – 2023. – 28 мая. – URL: <https://strana-rosatom.ru/2023/05/28/rosatom-razrabotal-novuyu-elektrol/> (дата обращения: 23.08.2024).

34 В России создали компактную энергоустановку на основе высокотемпературных топливных элементов для любых климатических условий // ИнЭнерджи. – 2024. – 29 августа. – URL: <https://inenergy.ru/tpost/ex5kublp1-v-rossii-sozdali-kompaktnuyu-energoustanu> (дата обращения: 23.08.2024).

35 Фундаментальный проект «Электрохимическое соосаждение металлопорфиринов для формирования биметаллических электрокатализаторов» // Российский научный фонд. – 2022. – URL: <https://rscf.ru/project/22-23-00868/> (дата обращения: 24.08.2024).

данные технологии прошли «обкатку» на внутреннем российском рынке и показали положительные качества в реальных условиях эксплуатации, а не только как опытные образцы. В определенном смысле такой опыт эксплуатации планируется нарабатывать на Международной арктической станции «Снежинка» (Китай собирается присоединиться к числу участников этого проекта), которую обещают запустить в тестовом режиме в 2025 г.³⁶

Список литературы

- Корнеев К.А. Оценка институциональной готовности стран Восточной Азии к практическому внедрению технологий водородной энергетики // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2022. – Т. 19, № 1 (121). – С. 5–15. – DOI: 10.21686/2413-2829-2022-1-5-15.
- A Clean Energy Korea by 2035: Transitioning to 80% Carbon-Free Electricity Generation / Park W., Abhyankar N., Paliwal U., Kim J., Khanna N., Shiraishi K., Lin J., Phadke A. – Berkeley : Lawrence Berkeley National Laboratory Publications, 2023. – 67 p.
- Azhgaliyeva D., Ram S., Zhang H. Hydrogen in Decarbonization Strategies in Asia and the Pacific. – Tokyo : Asian Development Bank Institute, 2023. – 215 p.
- Bravo Diaz L., Boillot L. Historical Analysis of Clean Hydrogen JU Fuel Cell Electric Vehicles, Buses and Refuelling Infrastructure Projects. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2024. – 108 p.
- Dellatte J. Global Green Hydrogen Policy: China, a Giant Biding Its Time // Institut Montaigne. – 2023. – April 28. – URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/global-green-hydrogen-policy-china-giant-biding-its-time> (дата обращения: 08.08.2024).
- Deloitte. Green Hydrogen: Energizing the Path to Net Zero 2023. – London : Deloitte Economics Institute, 2023. – 74 p.
- Havertz R. South Korea's Hydrogen Economy Program as a Case of Weak Ecological Modernization // Asia Europe Journal. – 2021. – Vol. 19, N 6. – P. 1–18. DOI: 10.1007/s10308-021-00594-7.
- Japan Basic Hydrogen Strategy // METI Council on Renewable Energy, Hydrogen and Related Issues. – 2023. – June 6. – URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/enecho/shoene_shinene/suiso_seisaku/pdf/20230606_5.pdf (дата обращения: 30.07.2024).
- Lou Yu., Corbeau S. China's Hydrogen Strategy: National vs. Regional Plans // SIPA at Columbia University. – 2023. – October 31. – URL: <https://www.energypolicy.columbia.edu/publications/chinas-hydrogen-strategy-national-vs-regional-plans/> (дата обращения: 30.07.2024).
- The Strategic Road Map for Hydrogen and Fuel Cells // Hydrogen and Fuel Cell Strategy Council. – 2019. – March 12. – URL: https://www.hydrogenenergy-supplychain.com/wp-content/uploads/2021/07/0312_002b.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

36 Международная арктическая станция «Снежинка». – URL: <https://arctic-mipt.com/> (дата обращения: 20.08.2024).

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.03

Development Institutions for Hydrogen Energy in Northeast Asia Countries

Sergey M. SHAKHRAI

Dr. Sc. (Law), Head of the Center for Comparative Government Studies

Institute of China and Contemporary Asia of the RAS

Nakhimovskiy Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: ezik2002@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5851-8393

Konstantin A. KORNEEV

PhD (History), Senior Researcher at the Centre for Japanese Studies

Institute of China and Contemporary Asia of the RAS

Nakhimovskiy Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: korneev@iccaras.ru

ORCID: 0000-0003-3930-6309

CITATION: Shakhrai S.M., Korneev K.A. (2024). Development Institutions for Hydrogen Energy in Northeast Asia Countries. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 39–57 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.03

Received: 07.11.2024.

Revised: 13.12.2024.

ABSTRACT. *The Northeast Asia region (NEA) consists of states with a high degree of socio-economic development, for which the issues of achieving carbon neutrality are among the strategic priorities, and governments address them with the help of a wide range of measures. To achieve the overall goals of decarbonization, it is necessary to reduce carbon dioxide emissions in all sectors of the economy, including heavy industry and transport. Hydrogen is now considered one of the key options for reducing CO₂ emissions in these sectors. The gradual decrease in the cost of renewable energy sources (RES) and electrolyzers contributes*

to increasing the economic attractiveness of hydrogen produced by electrolysis of water using renewable electricity – this method is a priority for NEA countries that do not have sufficient reserves of coal, oil, and natural gas. The fundamental difference between the hydrogen energy sector and traditional fossil fuels is that hydrogen is an energy conversion industry, not a raw material extraction one. It is also important that the growing share of intermittent renewable energy generation in the energy balance of NEA countries creates a demand for large-scale energy storage, which may also be provided by hydrogen. Sustainable and

effective institutions play a crucial role in stimulating the process of partial transition to hydrogen energy, as they contribute both to the development of appropriate policies and to the consistent implementation of decisions across the economy. A review of the status and prospects for the implementation of such institutions in NEA countries allows for a substantive understanding of the basic institutional characteristics of the countries under consideration, as well as their distinctive features. NEA countries (China, Japan, and the Republic of Korea, in the context of this article) are among the world leaders in the development of low-carbon hydrogen energy. Therefore, the study of the institutional framework related to this area is of justified scientific interest.

KEYWORDS: Northeast Asia, low-carbon hydrogen energy, formal institutions, energy policy, development strategies and plans.

References

- A Clean Energy... (2023). Park W. et al. *A Clean Energy Korea by 2035: Transitioning to 80% Carbon-Free Electricity Generation*. Berkeley: Lawrence Berkeley National Laboratory Publications. 67 pp.
- Azhgaliyeva D., Ram S., Zhang H. (2023). *Hydrogen in Decarbonization Strategies in Asia and the Pacific*. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 215 pp.
- Bravo Diaz L., Boillot L. (2024). *Historical Analysis of Clean Hydrogen JU Fuel Cell Electric Vehicles, Buses and Refuelling Infrastructure Projects*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 108 pp.
- Dellatte J. (2023). *Global Green Hydrogen Policy: China, a Giant Biding Its Time*. Institut Montaigne. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/global-green-hydrogen-policy-china-giant-biding-its-time>, accessed 08.08.2024.
- Deloitte (2023). *Green Hydrogen: Energizing the Path to Net Zero*. London: Deloitte Economics Institute, 74 pp.
- Havertz R. (2021). South Korea's Hydrogen Economy Program as a Case of Weak Ecological Modernization. *Asia Europe Journal*. Vol. 19, no. 6, pp. 1–18. DOI: 10.1007/s10308-021-00594-7.
- Japan Basic... (2023). Japan Basic Hydrogen Strategy. METI Council on Renewable Energy, Hydrogen and Related Issues. Available at: https://www.meti.go.jp/shingikai/enecho/shoene_shinene/su-iso_seisaku/pdf/20230606_5.pdf, accessed 30.07.2024.
- Korneev K.A. (2022). Assessing Institutional Readiness of East-Asian Countries to Pass over to Technologies of Hydrogen Power Engineering. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. Vol. 19, no. 1 (121), pp. 5–15 (in Russian). DOI: 10.21686/2413-2829-2022-1-5-15.
- Lou Yu., Corbeau S. (2023). *China's Hydrogen Strategy: National vs. Regional Plans*. SIPA at Columbia University. Available at: <https://www.energypolicy.columbia.edu/publications/chinas-hydrogen-strategy-national-vs-regional-plans/>, accessed 30.07.2024.
- The Strategic Road... (2019). The Strategic Road Map for Hydrogen and Fuel Cells. *Hydrogen and Fuel Cell Strategy Council*. Available at: https://www.hydrogenenergysupplychain.com/wp-content/uploads/2021/07/0312_002b.pdf, accessed 10.08.2024.

Международное и национальное право

УДК 342.7

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.04

Экологическая и биологическая безопасность как гарантии права на жизнь в естественной среде

Ирина Анатольевна УМНОВА-КОНЮХОВА

доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Отдела правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6400-851X

Ирина Александровна АЛЕШКОВА

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ialeshkova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5054-5939

ЦИТИРОВАНИЕ: Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Экологическая и биологическая безопасность как гарантии права на жизнь в естественной среде // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 58–73.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.04

Статья поступила в редакцию 02.10.2024.

Исправленный текст представлен 22.11.2024.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00113.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются фундаментальные вопросы, связанные с характеристикой права человека на жизнь в естественной среде во взаимодействии с институтами экологической и биологической безопасности. Решая поставленные

задачи, авторы раскрывают понятие и содержание права на жизнь в естественной среде, выявляют субъектов и объектов данного права, затрагивают ключевые аспекты публично-правового механизма обеспечения экологической и биологической безопасности

как гарантии реализации рассматриваемого права. Приводится успешная практика правового регулирования и судебной защиты права на жизнь в естественной среде в зарубежных государствах, в том числе основанная на принципах равенства поколений и межпоколенческой справедливости, которая в настоящее время нуждается в распространении. Объектом исследования являются конституционно-правовые отношения, связанные с регулированием и реализацией права человека на жизнь в естественной среде; цель состоит в изучении новейших практик государственной политики в области обеспечения биологической и экологической безопасности, выявлении современных механизмов противодействия экологическим и биологическим вызовам и угрозам. Методологию исследования составили методы формальной логики, сравнительно-правовой, диалектический и системно-структурный методы. В результате исследования авторы приходят к выводу о необходимости выстраивания эффективной национальной государственной политики по правовой защите естественной среды жизни во взаимосвязи с обеспечением экологической и биологической безопасности. Достижение этой цели подразумевает определение понятия и содержания права человека на жизнь в естественной среде, формирование публично-правовых механизмов законодательного регулирования и судебной защиты данного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право на жизнь в естественной среде, экологическая безопасность, биологическая безопасность, экологические и биологические риски, окружающая среда, права человека, права природы, равенство поколений, межпоколенческая справедливость.

Введение

Существование разнообразных видов экологических и биологических рисков, связанных с урбанизацией, промышленной деятельностью, использованием в сельскохозяйственной деятельности ГМО и удобрений, которые могут негативно влиять на животный и растительный мир, почву и водные ресурсы, а также появление новых опасных для экологической и биологической безопасности факторов, вызванных изменением климата, интенсивным внедрением в повседневную жизнь технологий, включая биоинженерию (особенно биотехнологий двойного назначения) [Абашидзе, Маличенко, 2023, с. 541–563], и другие новации современного развития актуализировали в XXI столетии задачу создания надежных правовых гарантий фундаментального права человека на жизнь в естественной среде.

Сущность и содержание права на жизнь в естественной среде преимущественно обусловлены регулированием и реализацией экологических прав и обязанностей. Вместе с тем усилено его взаимодействие с другими правами, например, биологическими правами, которые сегодня одними экспертами относятся к личным, другими – к самостоятельным правам четвертого и пятого поколений. Особенность рассматриваемого права состоит в том, что в качестве объекта защиты выделяются жизнь и здоровье человека, а гарантиями выступают правовые институты экологической и биологической безопасности. Дихотомическая связь двух вышеназванных видов безопасности состоит в том, что для обеспечения жизни и здоровья важна не только благоприятная окружающая среда, но и защищенность человека, населения и самой окружающей среды от воздействия опасных факторов и рисков.

Связь между окружающей средой и правами человека с 1968 г. признана на межгосударственном уровне в Резолюции 2398 (XXIII) Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций (ГА ООН) (1968)¹, в Стокгольмской декларации Конференции ООН по окружающей человека среде (1972) и в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию (1992). Резолюция ГА ООН 2022 г. закрепила право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду².

Для обеспечения качества жизни человека и благоприятной окружающей среды нельзя ограничиваться учетом только негативных экологических факторов, влияющих на жизнь и здоровье человека, – важно учитывать и возможность воздействия на человека инноваций в области генной инженерии и других технологий в медицине и биологии, оказывающих влияние на личностную и физиологическую природу человека. В частности, генная инженерия потенциально способна изменить мир к лучшему во многих отношениях, но она также создает этические, социальные, биологические и экологические проблемы, может оказывать непреднамеренное и непредсказуемое воздействие на окружающую среду и человека, влиять на биоразнообразие, например повлечь за собой утрату генетического разнообразия и генетической идентичности. Сказанное свидетельствует об актуальности правового анализа содержания права на жизнь в естественной среде, определения его места в системе других прав и выявления взаимосвязей между реализацией данного права и обеспечением экологической и биологической безопасности.

Право на жизнь в естественной среде: понятие и обусловленность экологической и биологической безопасностью

В нашем понимании право на жизнь в естественной среде – это возможность человека или общности людей (населения, компактно проживающих коренных народов, социальных групп) использовать окружающую среду как место обитания, источник и ресурс жизни, которая отвечает биологической, физической, физиологической, социальной, духовной и иной природе человека и его потребностям как живого существа. Окружающая среда, в том числе биосфера, рассматривается как условие, средство и место жизни человека и других живых организмов, образно говоря, «дом естественной среды жизни человека».

Понятие «естественная среда жизни» – более широкое по смыслу по сравнению с «благоприятной окружающей средой», гарантируемой правом. Если благоприятная окружающая среда – это ее качество, обеспечивающее жизнь и здоровье, то естественная среда жизни отвечает потребностям человека, вытекающим из его природы и характеристик, отражающих его естественные запросы и идентичность как живого существа. При этом важно учитывать, что вовлечение человеком в ореол своего обитания животного мира и обусловленность образа жизни людей заботой о животных означает, что при рассмотрении темы о праве человека на естественную среду жизни в современных условиях необходимо

1 См.: Резолюция, принятая на 23 сессии Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/2398 (XXIII) «Проблемы окружающей человека среды» (1968). – URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/245/94/pdf/nr024594.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

2 См.: Резолюция, принятая на 76 сессии Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/76/300 «Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду» (2022). – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/442/80/pdf/n2244280.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).

включать вопросы не только о семье и социальных группах, в которых человек взаимодействует, не только о создающих благоприятный фон жизни природных компонентах флоры и фауны, но и о конкретных животных, так называемых друзьях семьи, «компаньонах» и даже «членах семьи».

Ключевая характеристика естественной среды жизни связана с благополучием природы, частью которой является и сам человек. Защита окружающей природной среды с точки зрения учета эргатической взаимозависимости человека и природы весьма сложна. Интересно заметить, что в зарубежной научной литературе активно развивается интегративная концепция, противоположная распространенным двум крайним мировоззрениям: антропоцентрическому, ставящему человека выше природы, и биоцентрическому, согласно которому человек рассматривается лишь как часть биосферы. Согласно этой компромиссной концепции человек является, с одной стороны, неотъемлемой частью природы, с другой стороны, субъектом, активно взаимодействующим с окружающим природным миром с целью созидательной деятельности и формирования гармонии между всеми живыми существами для обеспечения долгосрочного сосуществования [Biodiversity conservation..., 2021].

Обоснование концепции прав природы, а также выделение определенных принципов, способствующих их обеспечению [Василевич, 2024, с. 16–25], основывается на презумпции бинарной уязвимости и, соответственно, на наличии общих интересов в защите человека и природы. Так, почетный профессор права Уорикского университета Джон Мак-Элдауни (*John McEldowney*)

в своей научной работе «Права природы: сложная концепция» отмечает, что устойчивое развитие, интеграция различных элементов окружающей среды возможны посредством более надежного набора конституционных мер защиты. В основе мышления *RoN* лежит единственное положение о том, что природные объекты лучше всего защищены посредством предоставления им правового статуса лица. Это позволило бы, по мнению ученого, добиться законного статуса в судебных делах и даст возможность допускать доказательства о нарушениях прав природы в судебных разбирательствах [McEldowney, 2021]. Эквадор стал первой страной, включившей право на природу (*RoN*) и права самой природы в свою Конституцию в 2008 г. В частности, в ее статьях 71–74 природа признается субъектом (бенефициаром) права и закона, а не объектом, подлежащим присвоению. Последствием признания правосубъектности является принятие государством мер по реализации прав природы и защите от деградации окружающей среды. Так, применяя конституционные положения о правах природы, суд Эквадора защитил лес Лос-Седрос и постановил, что любая добывающая деятельность в Лос-Седросе не должна осуществляться, если такая деятельность оказывает негативное воздействие на права природы, право на здоровую окружающую среду и право на воду³.

Такое понимание правосубъектности природы на ином, более высоком юрисдикционном уровне усиливает, на наш взгляд, охрану и защиту экосистемы от деградации и разрушения. При обосновании данного подхода исследователи руководствуются различными критериями, в основном эко-

3 Gustavo P. The Los Cedros Forest has Rights: The Ecuadorian Constitutional Court Affirms the Rights of Nature // *VerfBlog*. – 2021. – December 10. – URL: <https://verfassungsblog.de/the-los-cedros-forest-has-rights/> (дата обращения: 11.08.2024).

логическими, включая оценку риска исчезновения и воздействия на структуру и функции биологического сообщества [Kauffman, Martin, 2021; Edirisinghe, Suchet-Pearson, 2024, p. 224–235]. Вместе с тем эксперты обоснованно считают, что признание прав природы требует активного участия гражданского общества и государства для эффективного воплощения такого подхода в жизнь [The conflict..., 2024]. При рассмотрении природы в качестве субъекта права, на наш взгляд, важно не отказываться от традиционного подхода к защите окружающей природной среды как объекта права, то есть учитывать бинарность такого статуса.

Право на жизнь в естественной среде имеет как индивидуальное, так и коллективное измерение. Оно принадлежит одновременно каждому человеку (индивиду) и их совокупности, то есть общностям (социальным коллективам, населению, племенам, нациям, компактно проживающим коренным народам и др.), при этом объект защиты один и тот же – общее благо (*bien commun*), подразумевающее окружающую среду, ее растительный и животный мир. Обеспечение права на естественную окружающую среду является значимым одновременно как для каждого человека, так и всего человеческого сообщества, а нарушение таких прав затрагивает законные индивидуальные и коллективные интересы. Важно также осознавать, что среда обитания городского и сельского жителя, урбанизированных и высокотехнологичных сообществ и племен, коренных народов с патриархальным укладом жизни существенным образом отличается. Предоставление возможности заниматься традиционным образом жизни племенам и коренным народам подразумевает сохранение за ними исконных земель обитания, на которых они ведут промысел и охоту, обеспечи-

вают себя пропитанием и другими потребностями на основе примитивного хозяйствования.

Необходимо отметить, что в российском законодательстве используется термин не «естественная среда жизни», а «естественная экологическая система». Согласно ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» естественная экологическая система – объективно существующая часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (растения, животные и другие организмы) и неживые ее элементы взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией. Как видно из законодательного определения, естественная экологическая система – более широкое по смыслу понятие, пространственно очерчиваемое определенными территориальными границами, но не связываемое с критерием обитания, и оно нейтрально по отношению к целям сохранения естественной природы человека и его жизни.

Здоровье и жизнь человека и общности людей зависят от качества окружающей природной среды. Если изначально проживание и жизнедеятельность в естественной среде рассматривались как отношения по поводу использования конкретных компонентов природной, антропогенной и/или смешанной (природно-антропогенной и антропогенно-природной) среды, то далее с развитием техники и материального инновационного производства возникли техногенные, биотехнологические и иные антропогенные риски, глобально влияющие на качество жизни человека и связанные с ним компоненты природной среды. Эти риски могут оказывать влияние на жизнь человека в естественной среде и создавать эколо-

гическую и биологическую уязвимость. Например, отсутствие ряда вакцинаций (поведенческий фактор риска), негативное воздействие окружающей среды (физиологический фактор риска), чрезмерное вмешательство в физиологию человека, например, изменение пола (демографический фактор риска), увеличение объектов накопленного вреда окружающей среде, возникающее в результате хозяйственной деятельности человека, а также иные факторы физического, химического и биологического характера, в частности ограниченность доступа к чистой воде и загрязнение воздуха (факторы риска, связанные с окружающей средой), а также активное внедрение в практику генной инженерии (генетические факторы риска) могут привести к непоправимому изменению естественной среды, оказывающей влияние на жизнь человека.

На практике экологические и биологические риски практически не встречаются в отдельности. Они часто сосуществуют и взаимодействуют. Например, загрязнение водных объектов, значимых для жизни человека в естественной среде, происходящее в результате воздействия патогенных биологических агентов, может произойти от интенсивной хозяйственной и иной деятельности человека. Антропогенный след пандемии *COVID-19* стал примером нарушения экологической и биологической безопасности, создающей серьезную угрозу для всего мира и среды обитания людей. Аналогичным образом отсутствие сдерживающих правовых механизмов создания и распространения ГМО способно повлечь за собой трансформацию окружающей природной среды и кардинальное изменение ее характеристик.

Взаимосвязь экологических и биологических рисков хорошо видна и на примере глобального потепления. Измене-

ние климата усиливает экстремальные погодные явления, вызывает сокращение биоразнообразия и экосистемных услуг, нехватку воды, продолжающееся распространение болезней в местных сообществах – все эти факторы в их взаимодействии оказывают серьезное воздействие на права человека. В научной литературе в связи с этим анализируются правовые перспективы климатической повестки как основы экологической и биологической безопасности человека [Карцхия, 2024, с. 37].

Другой вызов связан с ростом негативных биологических факторов воздействия. Так, чтобы поддерживать биологический риск заноса вредителей и болезней различными путями ввоза (через контейнерные воздушные или морские грузы, международных путешественников, международную почту и пр.) на приемлемо низком уровне, органы публичной власти, принимающие решения, стремятся сбалансировать экономические и экологические интересы [The Boundary..., 2021, p. 1447]. Однако методы анализа рисков имеют недостатки при работе с нехваткой данных, их неопределенностью и непредсказуемостью [A conceptual framework..., 2024, p. 1749].

Таким образом, в условиях стремительного развития агрессивных для окружающей среды технологий возникает необходимость в усиленном вмешательстве государства в охрану человека и природы как эргатической экосистемы. Это обуславливает важность формирования эффективного правового механизма защиты права на жизнь в естественной среде. Ответственное отношение человека к окружающей его природной, антропогенной или смешанной среде обитания означает, что каждый человек, общество и государство обязаны воздерживаться от каких бы то ни было посягательств на качество среды, а следовательно,

участвовать в обеспечении безопасности воздействия компонентов, из которых она складывается. В этом контексте ключевую обеспечительную роль играют институты экологической и биологической безопасности. Успешное функционирование данных институтов создает условия для благополучной жизни в естественной среде. Учитывая, что возникновение опасных факторов может привести к глобальным проблемам, полагаем актуальным рассмотрение вопроса о публично-правовых механизмах обеспечения экологической и биологической безопасности как гарантий права на жизнь человека в естественной среде.

Публично-правовые механизмы обеспечения экологической и биологической безопасности как гарантии реализации права на жизнь в естественной среде

Действенные публично-правовые механизмы обеспечения экологической и биологической безопасности формируются сегодня через международные и национальные системы регулирования и управления эко- и биорисками. Более развитыми сегодня являются национальные системы, которые включают законы и иные нормативные правовые акты, политику и стратегические документы – руководства, основанные на всесторонних оценках рисков и постоянно обновляемые при необходимости для прогнозирования и планирования противодействия широкому спектру угроз и кризисов [Хие, 2024, р. 34–47]. Среди институционально-правовых инструментов в условиях противоречивости и пробельности законодательства особую значимость приобретают судебные решения, вносящие правовую определенность в содержание экологической и биологиче-

ской безопасности как гарантий права на жизнь в естественной среде.

Отсутствие системной политики в правовом регулировании эко- и биорисков в современной экономической деятельности приводит, однако, к тому, что в настоящее время доминирует пока точечная защита отдельных экологических интересов человека. Например, исследуя практику взаимодействия стран Латинской Америки и Европы, Альмут Шиллинг-Вакафлор отмечает, что при планировании экономической деятельности некоторые компании уделяют внимание лишь отдельным аспектам снижения негативного воздействия на окружающую среду, например вырубке лесов, не учитывая должным образом другие, к примеру такие, как утрата биоразнообразия [Schilling-Vacaflor, 2021, p. 10].

В целях распространения опыта, заслуживающего внимания, полагаем целесообразным показать практику Российской Федерации и других стран, в законодательстве и судебных решениях которых проводится взаимосвязанная оценка экологических и биологических рисков и вырабатываются комплексные меры противодействия.

В России правовая политика по обеспечению экологической и биологической безопасности на протяжении длительного времени отражается в различных документах. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021), Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (Указ Президента Российской Федерации от 30.04.2012) отмечается приоритетность сохранения естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов; устанавливается запрет на осуществление деятельности, последствия ведения

которой непредсказуемы для окружающей среды и могут привести к деградации естественных экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда растений, животных и других организмов, истощению природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды.

Законодательное регулирование противодействия экологическим и биологическим рискам базируется в Российской Федерации на принципах ответственного отношения к окружающей среде, приоритета публичных интересов, сбалансированного организационного и финансового участия всех уровней публичной власти, поддержания благоприятной окружающей среды, адаптации к изменениям климата, сохранения и рационального использования природных ресурсов, преодоления кризисных явлений в интересах нынешних и будущих поколений. Названные принципы применяются Конституционным Судом Российской Федерации при обосновании выносимых решений. Например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 02.12.2022 № 52-П подчеркивается, что право каждого на благоприятную окружающую среду в контексте провозглашенных в преамбуле Конституции Российской Федерации целей обе-

спечения благополучия и процветания России и ответственности перед нынешним и будущими поколениями неразрывно связано с конституционной обязанностью сохранять окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам и предполагает ответственность каждого⁴. В решениях Конституционного Суда Российской Федерации обращается внимание также на принципы сдерживания загрязнения окружающей среды, предупреждения и минимизации экологических рисков⁵, на исключительные свойства окружающей среды к самостоятельной нейтрализации негативного антропогенного воздействия, что осложняет возможность точного расчета причиненного ей ущерба⁶. Как отмечают отечественные правоведы, применение судами российского законодательства о защите окружающей среды в целом показывает единообразие подходов при разрешении соответствующих дел [Аникина, 2023, с. 30].

Европейский зеленый курс выражается в ряде директив ЕС, которые, по мнению экспертов, способствуют интеграция прав человека и окружающей среды [Schilling-Vacaflor, 2021, р. 10]. В их числе – Директива о средах обитания (RL 92/43/EEC); Директива по защите птиц (RL 2009/147/EC); Директива об экологической ответ-

4 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.12.2022 № 52-П по делу о проверке конституционности ч. 11 ст. 155 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 56 (2) и 148 (36) Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобой гражданки Т.В. Фирсовой // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 50 (Часть IV). – Ст. 9060.

5 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 № 27-П по делу о проверке конституционности положений ст. 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», п. 18 ч. 1, ч. 3 и 4 ст. 14 и п. 14 ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», п. 1 ст. 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», п. 2 ст. 9 и п. 1 и 2 ст. 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Козьмодемьянский муниципального района Московской области» и администрации Новосибирского района Новосибирской области // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. № 23 (Часть II). – Ст. 4273.

6 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 1743-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Ува-молоко» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 2 ст. 69 Водного кодекса Российской Федерации и п. 3 ст. 77, п. 1 ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды» // СПС «Консультант плюс».

ственности (RL 2004/35/EC); Директива об уголовно-правовой защите окружающей среды (RL 2008/99/EC) и др.⁷ Директивы ЕС в области охраны окружающей среды подчеркивают взаимосвязь природной среды и прав человека. В них отмечается важность сохранения естественной среды и ответственного отношения к природе, перехода на чистые технологии производства.

Стремление к комплексности защиты от эколого-биологических рисков в контексте реализации права человека на жизнь в естественной среде характерно для германского законодательства, опирающегося в свою очередь на Директивы ЕС. При оценке масштабов рисков для прав человека законодательство Германии в их число включает причинение любого вреда окружающей среде, который существенно влияет на здоровье человека и природную среду и лишает доступа к безопасным продуктам питания, чистой питьевой воде или санитарным сооружениям, нарушает права коренных жителей и местных общин. Право Германии также охватывает экологические и биологические риски, способные создать чрезвычайные ситуации (например, использование и производство ртути, безответственное обращение с отходами и неправильная их утилизация, экспорт опасных отходов) [Schilling-Vacaflor, 2021].

Концепция комплексной охраны окружающей среды прочно закрепилась в Конституции Китая. Вместе

с тем, как подчеркивают эксперты, Китай считает защиту прав человека по сути внутренним делом, а не транснациональным или глобальным [Tang, Spijkers, 2022, p. 87]. Регулирование рационального природопользования – одно из важнейших направлений модернизации правовой системы и структуры экологического менеджмента [Xie, 2019]. Практика строительства экологической цивилизации в Китае осуществляется, в частности, на основе Национальной стратегии активного реагирования на изменения климата⁸, имеющей высокий приоритет в национальной системе управления экономическими, социальными, энергетическими, экологическими и биологическими вопросами⁹. При этом приоритетность экологической политики в Китае не снижает значимости экономического развития и энергетической безопасности¹⁰.

В целом можно отметить конструктивный настрой государств по решению проблем экологической и биологической безопасности. Вместе с тем остается ряд вопросов, требующих правового разрешения; в их числе – развитие конституционных обязанностей, призванных обеспечить баланс личных и общественных интересов; возмещение вреда, причиненного окружающей природной среде; соотношение публично-правовых и частно-правовых средств в обеспечении восстановления окружающей среды и воспроизводства природных ресурсов и др.

7 См.: Федеральное агентство по охране природы Германии = Bundesamt für Naturschutz. – Нем. яз. – URL: <https://www.bfn.de/eu-richtlinien> (дата обращения: 10.05.2024).

8 См.: Национальная стратегия адаптации к изменению климата до 2035 г. = 国家适应气候变化战略 2035. – 2022. – Май. – Кит. яз. – URL: <https://www.mee.gov.cn/xxgk2018/xxgk/xxgk03/202206/W020220613636562919192.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

9 См.: China's Policies and Actions for Addressing Climate Change // Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China. – 2022. – URL: <https://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/reports/202211/P020221110605466439270.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

10 См.: China's Policy Pendulum Shifts Back Toward Environmental Protection, but Will Bureaucracy Get in the Way? // Oxford Energy. – 2024. – URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2024/02/Chinas-policy-pendulum-shifts-back-toward-environmental-protection.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).

Применение судами принципов равенства поколений и межпоколенческой справедливости в целях защиты права на жизнь в естественной среде

В правовое обеспечение реализации права на жизнь в естественной среде вовлечена сегодня и судебная практика. В рамках широкого круга судебных дел по проблемам охраны окружающей среды субъектом защиты выступают не только традиционные субъекты права, но и будущие поколения. Такие дела основываются на судебном признании публично-правовых принципов равенства поколений и межпоколенческой справедливости.

Принцип равенства поколений, выдвинутый как правовой регулятор в 1980-х годах, в последние годы становится всё более актуальным. По всему миру молодежью подаются иски против своего правительства из-за ущерба, наносимого экосистемам, с требованием к судам признать права будущих поколений на чистую и здоровую окружающую среду. Одним из известных является дело *Джулиана против Соединённых Штатов (Juliana v. United States)*¹¹, отмеченное в народе как *YouthvGov*. Иск, поданный группой, состоящей в основном из несовершеннолетних, представленных их опекунами, и ученым, выступающим в качестве опекуна «будущих поколений», основывается на утверждении, что правительство США нарушает конституци-

онные права, разрешая деятельность, загрязняющую окружающую среду, вопреки научным предупреждениям [Quising, 2023, p. 422].

Принцип межпоколенческого равенства (*Principle of Intergenerational Equity*) был подробно рассмотрен профессором права Эдит Браун Вайс, который формулирует его как обязательство каждого поколения передавать будущим поколениям природные и культурные ресурсы планеты в состоянии не хуже, чем они были получены, и предоставлять разумный доступ к природному наследию [Weiss, 1989].

В современный период на международном уровне приняты различные правовые акты, регламентирующие вопросы, связанные с будущими поколениями человечества в контексте прав человека¹². Принцип равенства поколений в системном единстве с принципом межпоколенческой справедливости широко применяется при рассмотрении судебных споров по решению проблем охраны окружающей среды, защиты лесов и биоразнообразия, противодействия глобальному изменению климата¹³. Этими делами охвачены национальные суды государств всех континентов. Приведем примеры некоторых резонансных судебных решений.

Так, еще в 1996 г. принципы межпоколенческой справедливости и межпоколенческого равенства были признаны судами Индии. Например, в деле *State of Himachal Pradesh v. Ganesh Wood Products* Верховный суд Индии в своем решении акцентировал внимание на то,

11 См.: *Juliana v. United States*, No. 6:15-CV-01517- TC, 2016 WL 6661146 (D. Or. 10 November 2016). – URL: <https://climatecasechart.com/case/juliana-v-united-states/> (дата обращения: 10.07.2024).

12 См.: Декларация «Об ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями», принятая ООН 12 ноября 1997 г. – URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/declaration-responsibilities-present-generations-towards-future-generations> (дата обращения: 10.07.2024); Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_CONF.151_26_Vol.I_Declaration.pdf (дата обращения: 10.07.2024) и др.

13 См.: Colombo E. Principles of EU law in climate litigation // *China-EU Law Journal*. – 2024. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12689-024-00108-9> (дата обращения: 10.08.2024).

что межпоколенческая справедливость означает заботу о будущих поколениях, потому нынешнее поколение не имеет права подвергать риску безопасность и благополучие следующего поколения или поколений, которые придут после него¹⁴.

На Филиппинах дело *Minors Oposa v. Factoran* послужило началом юридизации статуса будущих поколений, признания межпоколенческой климатической справедливости и равенства поколений. Верховный суд Филиппин поддержал правомерность требований истцов из *Oposa* по остановке масштабной вырубке лесов на основе прав будущих поколений, постановив, что межпоколенческая справедливость и равенство поколений неотъемлемы от Конституции Филиппин, в которой говорится о «ритме и гармонии с природой». Это решение вдохновило суды других государств по всему миру принимать аналогичные решения [*Wewerinke-Singh, Garg, Agarwalla*, 2023, p. 661].

В деле *Ваверу против Республики Кения* Высокий суд Кении подчеркнул, что нынешнее поколение обязано улучшать здоровье, а также обеспечивать чистоту, разнообразие и производительность природных ресурсов на благо будущих поколений. Это дело послужило призывом для судов других стран учитывать долгосрочные последствия ухудшения состояния окружающей среды в интересах будущих поколений [*Wewerinke-Singh, Garg, Agarwalla*, 2023, p. 660].

В Пакистане в деле *Легари против Пакистана* Высокий суд Лахора постановил создать национальную Комиссию по изменению климата, отметив,

в частности, что Конституция Пакистана неявно содержит международные принципы межпоколенческого равенства. Впоследствии в деле *Мария Хан и др. против Федерации Пакистана* коалиция женщин успешно подала петицию в тот же суд от своего имени, а также от имени будущих поколений, заставив правительство Пакистана обеспечить соблюдение Парижского соглашения по изменению климата [*Wewerinke-Singh, Garg, Agarwalla*, 2023, p. 663].

Особый интерес вызывает решение Конституционного Суда Германии 2021 г., в котором подчеркнута обязанность государства принимать меры по борьбе с изменением климата, чтобы не возлагать бремя на молодежь и будущие поколения, а распределять его пропорционально между поколениями. В решении отмечается, что ст. 20а Основного закона закрепляет необходимость бережно относиться к естественным основам жизни и оставить их потомкам в таком состоянии, чтобы будущие поколения не были вынуждены прибегать к радикальному воздержанию от их использования¹⁵. Несмотря на то, что значительная часть текущих судебных разбирательств по охране окружающей среды касается изменения климата на уровне ЕС, как подчеркивают ученые, так и не достигнуто ожидаемого успеха [*Kalis, Priebe*, 2024, p. 285].

Опыт национальных судов по применению принципов равенства поколений и межпоколенческой справедливости при защите интересов будущих поколений активно используется сегодня международными судами. Национальная и международная судебная практика обобщается и признается Комиссией

14 См.: State of Himachal Pradesh and others (Appellants) v Ganesh Wood Products and others (Respondents). – URL: <https://leap.unep.org/en/countries/in/national-case-law/state-himachal-pradesh-and-others-appellants-v-ganesh-wood-products> (дата обращения: 10.08.2024).

15 См.: BVerfG, Beschluss des Ersten Senats vom 24. März 2021 – 1 BvR 2656/18 –, Rn. 1–270. – Нем. яз. – URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2021/03/rs20210324_1bvr265618.html (дата обращения: 14.06.2024).

международного права как форма доказательства практики государств и *opinio juris*. Вместе с тем в научных кругах ведется дискуссия о допустимости признания равенства прав нынешних и будущих поколений. В частности, Стивен Хамфрис выступает против признания «будущих поколений» субъектом права через установление ответственности нынешних поколений перед ними. По его мнению, чрезмерный акцент на будущем может оказать деструктивное воздействие на текущие цели развития [Wewerinke-Singh, Garg, Agarwalla, 2023, p. 651–652]. На наш взгляд, прогнозируемое негативное воздействие может и не возникнуть, зато призывы к будущим поколениям повышает значимость права и правового сознания, основанного на долгосрочном мышлении. Этот путь дает надежду на использование преобразующего потенциала права и его институтов в решении глубинных проблем нашего времени.

Заключение

Рассмотренное в рамках данной статьи право на жизнь в естественной среде открывает возможности для дискуссий относительно его понятия и содержания, признания как самостоятельного фундаментального права, а также соотношения с правом на жизнь. Ухудшение состояния среды обитания напрямую влияет на права нынешних и будущих поколений жить в естественной среде. Для современных государств важно не только провозгласить нематериальные блага, но и установить определенные правила, позволяющие защитить естественную среду жизни от экологических и биологических рисков. Формирующиеся в настоящее время публично-правовые механизмы обеспечения экологической и биологической безопасности нацелены на реализацию фундаментального права

на жизнь в естественной среде. Успешная практика правового регулирования и судебной защиты рассматриваемого права нуждается в распространении и дальнейшем развитии.

Список литературы

Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Особенности регулирования обращения биотехнологий двойного назначения по международному и национальному праву // RUDN Journal of Law. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 541–563. – DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-3-541-563.

Аникина Е.А. Рассмотрение споров, связанных с применением законодательства об охране окружающей среды // Арбитражные споры. – 2023. – № 4 (104). – С. 3–30.

Василевич Д.Г. Принцип предосторожности в обеспечении соматических прав // Журнал российского права. – 2024. – № 6. – С. 16–25. – DOI: 10.61205/jrp.2024.6.1.

Карцхия А.А. Правовые перспективы климатической повестки как основы биологической безопасности человека: российский и международный аспекты // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4 : Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 37–51. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.04.

A conceptual framework for measuring and improving the resilience of biosecurity systems / Arndt E., Schneider K., Bland L., Robinson A., Gibert A., Camac J., Kompas T. // Journal of Applied Ecology. – 2024. – Vol. 61. – P. 1749–1760. – DOI: 10.1111/1365-2664.14707.

Biodiversity conservation: local and global consequences of the application of “rights of nature” by Ecuador / Guayasamin J.M., Vandegrift R., Policha T. [et al.] // Neotropical Biodiversity. – 2021. – Vol. 7, N 1. – P. 541–545. – DOI: 10.1080/23766808.2021.2006550.

Edirisinghe A., Suchet-Pearson S. Nature as a sentient being: Can rivers be legal persons? // *Review of European, Comparative & International Environmental Law*. – 2024. – Vol. 33, N 2. – P. 224–235. – DOI: 10.1111/reel.12529.

Kalis M., Priebe A.-L. The right to climate protection and the essentially comparable protection of fundamental rights: Applying Solange in European climate change litigation? // *Review of European, Comparative & International Environmental Law*. – 2024. – Vol. 33, N 2. – P. 265–275. – DOI: 10.1111/reel.12560.

Kauffman C.M., Martin P.L. *The Politics of Nature's Rights: Strategies for Building a Stronger Future*. – [S.l.] : MIT Press, 2021. – 281 p. – DOI: 10.7551/mit-press/13855.001.0001.

McElDowney J. The Rights of Nature (RoN): A Challenging Concept (I) // *chemins-publics.org*. – 2021. – URL: <https://www.chemins-publics.org/articles/the-rights-of-nature-ron-a-challenging-concept-i> (дата обращения: 11.07.2024).

Quising J.D.F. Beyond OPOSA: Courts reinforcing intergenerational equity as customary international law // *European Law Journal*. – 2023. – Vol. 29, N 3–6. – P. 422–444. – DOI: 10.1111/eulj.12489.

Schilling-Vacaflor A. Integrating Human Rights and the Environment in Supply Chain Regulations // *Sustainability*. – 2021. – Vol. 13. – Article no. 9666. – 15 p. – DOI: 10.3390/su13179666.

Tang K., Spijkers O. The Human Right to a Clean, Healthy and Sustainable Environment // *Chinese Journal of Environ-*

mental Law. – 2022. – Vol. 6, N 1. – P. 87–107. – DOI: 10.1163/24686042-12340078.

The Boundary of the Market for Biosecurity Risk / Stoneham G., Hester S.M., Li J.S.-H., Zhou R., Chaudhry A. // *Risk Analysis*. – 2021. – Vol. 41. – P. 1447–1462. – DOI: 10.1111/risa.13620.

The conflict between Rights of Nature and mining in Ecuador: Implications of the Los Cedros Cloud Forest case for biodiversity conservation / Peck M.R., Desselas M., Bonilla-Bedoya S., Redin G., Durango-Cordero J. // *People and Nature*. – 2024. – Vol. 6, N 3. – P. 1096–1115. – DOI: 10.1002/pan3.10615.

Weiss E.B. *In Fairness to Future Generations: International Law, Common Patrimony, and Intergenerational Equity*. – Tokyo : United Nations University; New York : Transnational Publishers, 1989. – 385 p.

Wewerinke-Singh M., Garg A., Aggarwalla Sh. In Defence of Future Generations: A Reply to Stephen Humphreys // *European Journal of International Law*. – 2023. – Vol. 34, N 3. – P. 651–668. – DOI: 10.1093/ejil/chad033.

Xie Z. China's Historical Evolution of Environmental Protection Along with the Forty years' Reform and Opening-up // *Environmental Science and Ecotechnology*. – 2019. – Vol. 1. – DOI: 10.1016/j.ese.2019.100001.

Xue Y. *The Hague Ethical Guidelines and the Tianjin Biosecurity Guidelines // Essentials of Biological Security* / Ed. by L. Shang, W. Zhang, M. Dando. – Hoboken, New Jersey : Wiley, 2024. – P. 201–212. – DOI: 10.1002/9781394189045.ch16.

International and Internal Law

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.04

Environmental and Biological Security as Guarantees of the Right to Life in a Natural Environment

Irina A. UMNOVA-KONIUKHOVA

Dr. Sc. (Law), Professor, Senior Researcher at the Department of Law, Honorary
Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ikonyukhova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6400-851X

Irina A. ALESHKOVA

PhD (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Law
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ialeshkova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5054-5939

CITATION: Umnova-Koniukhova I.A., Aleshkova I.A. (2024). Environmental
and Biological Security as Guarantees of the Right to Life in a Natural Environment.
Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 17, no. 6, pp. 58–73
(in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.04

Received: 02.10.2024.
Revised: 22.11.2024.

ACKNOWLEDGEMENT. The research was supported by the Russian Science
Foundation (project no. 23-28-00113).

ABSTRACT. *The article examines fundamental issues related to the characterization of the human right to life in the natural environment in connection with institutions of environmental and biological security. In addressing the stated objectives, the authors explore the concept and content of the right to life in the natural en-*

vironment, identify the subjects and objects of this right, and touch upon key aspects of the public-law mechanism for ensuring environmental and biological security as a guarantee of the realization of this right. The article presents successful examples of legal regulation and judicial protection of the right to life in the natural environ-

ment in foreign countries, including practices based on the principles of generational equality and intergenerational justice, which currently require broader dissemination. The object of the research is constitutional legal relations concerning the regulation and realization of the human right to life in the natural environment. The purpose is to study recent state policy practices in the field of environmental and biological security, and to identify modern mechanisms for countering environmental and biological challenges and threats. The research methodology includes methods of formal logic, comparative legal analysis, as well as dialectical and systemic-structural approaches. As a result of the study, the authors conclude that it is necessary to develop an effective national policy for the legal protection of the natural environment as a living space, in conjunction with measures to ensure environmental and biological security. Achieving this goal requires the definition of the concept and content of the human right to life in the natural environment, along with the development of public-law mechanisms for legislative regulation and judicial protection of this right.

KEYWORDS: the right to life in the natural environment, environmental security, biological security, environmental and biological risks, environment, human rights, rights of nature, intergenerational equality, intergenerational justice.

References

- Abashidze A.Kh., Malichenko V.S. (2023). Peculiarities of regulating the circulation of dual-use biotechnologies under international and national law. *RUDN Journal of Law*. Vol. 27, no. 3, pp. 541–563 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-3-541-563.
- A conceptual framework... (2024). Arndt E. et al. A conceptual framework for measuring and improving the resilience of biosecurity systems. *Journal of Applied Ecology*. Vol. 61, pp. 1749–1760. DOI: 10.1111/1365-2664.14707.
- Anikina E.A. (2023). Consideration of disputes related to the application of legislation on environmental protection. *Arbitration Disputes*. No. 4, pp. 3–30 (in Russian).
- Biodiversity conservation... (2021). Guayasamin J.M. et al. Biodiversity conservation: local and global consequences of the application of «rights of nature» by Ecuador. *Neotropical Biodiversity*. Vol. 7, no. 1, pp. 541–545. DOI: 10.1080/23766808.2021.2006550.
- Edirisinghe A., Suchet-Pearson S. (2024). Nature as a sentient being: Can rivers be legal persons? *Review of European, Comparative & International Environmental Law*. Vol. 33, no. 2, pp. 224–235. DOI: 10.1111/reel.12529.
- Kalis M., Priebe A.-L. (2024). The right to climate protection and the essentially comparable protection of fundamental rights: Applying Solange in European climate change litigation? *Review of European, Comparative & International Environmental Law*. Vol. 33, no. 2, pp. 265–275. DOI: 10.1111/reel.12560.
- Kartkhia A.A. (2024). Legal Prospects of the Climate Agenda as the Basis of Human Biological Security: Russian and International Aspects. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature: IAZH. Series 4: State and Law*. No. 2, pp. 37–51 (in Russian). DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.04.
- Kauffman C.M., Martin P.L. (2021). *The Politics of Nature's Rights: Strategies for Building a Stronger Future*. S.I.: MIT Press, 281 pp. DOI: 10.7551/mitpress/13855.001.0001.
- McEldowney J. (2021). *The rights of Nature (RoN): A Challenging Concept (I)*. Available at: <https://www.chemins-publics.org/articles/the-rights-of-nature-ron-a-challenging-concept-i>, accessed 11.07.2024.

Quising J.D.F. (2023). Beyond OPOSA: Courts reinforcing intergenerational equity as customary international law. *European Law Journal*. Vol. 29, no. 3–6, pp. 422–444. DOI: 10.1111/eulj.12489.

Schilling-Vacaflor A. (2021). Integrating Human Rights and the Environment in Supply Chain Regulations. *Sustainability*. Vol. 13, article 9666, 15 pp. DOI: 10.3390/su13179666.

Tang K., Spijkers O. (2022). The Human Right to a Clean, Healthy and Sustainable Environment. *Chinese Journal of Environmental Law*. Vol. 6, no. 1, pp. 87–107. DOI: 10.1163/24686042-12340078.

The Boundary... (2021). Stoneham G. et al. The Boundary of the Market for Biosecurity Risk. *Risk Analysis*. Vol. 41, pp. 1447–1462. DOI: 10.1111/risa.13620.

The conflict... (2024). Peck M.R. et al. The conflict between Rights of Nature and mining in Ecuador: Implications of the Los Cedros Cloud Forest case for biodiversity conservation. *People and Nature*. Vol. 6, no. 3, pp. 1096–1115. DOI: 10.1002/pan3.10615.

Vasilevich D.G. (2024). The precautionary principle in ensuring somatic rights. *Journal of Russian Law*. No. 6, pp. 16–25 (in Russian). DOI: 10.61205/jrp.2024.6.1.

Weiss E.B. (1989). *In Fairness to Future Generations: International Law, Common Patrimony, and Intergenerational Equity*. Tokyo: United Nations University; New York: Transnational Publishers, 385 pp.

Wewerinke-Singh M., Garg A., Aggarwalla Sh. (2023). In Defence of Future Generations: A Reply to Stephen Humphreys. *European Journal of International Law*. Vol. 34, issue 3, pp. 651–668. DOI: 10.1093/ejil/chad033.

Xie Z. (2019). China's Historical Evolution of Environmental Protection Along with the Forty years' Reform and Opening-up. *Environmental Science and Ecotechnology*. Vol. 1. DOI: 10.1016/j.ese.2019.100001.

Xue Y. (2024). The Hague Ethical Guidelines and the Tianjin Biosecurity Guidelines. In: Shang L., Zhang W., Dando M. (eds.) *Essentials of Biological Security*. Hoboken, New Jersey: Wiley, pp. 201–212. DOI: 10.1002/9781394189045.ch16.

УДК 341.9:336.67

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.05

Воздействие международных экологических стандартов на финансовую эффективность компании: экономико-правовой анализ

Вадим Аркадьевич ГАБРИЕЛОВ

аспирант Департамента международного права

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000

E-mail: vadim-gabrielov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5796-7851

ЦИТИРОВАНИЕ: Габриелов В.А. Воздействие международных экологических стандартов на финансовую эффективность компании: экономико-правовой анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 74–91.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.05

Статья поступила в редакцию 30.07.2024.

Исправленный текст представлен 07.11.2024.

АННОТАЦИЯ. *Статья сфокусирована на анализе взаимосвязи между реакцией инвесторов компании на соблюдение ею международных экологических стандартов и ее финансовыми показателями. Подобный анализ позволяет понять, влияет ли реакция инвесторов на действия или бездействие компании в отношении соблюдения международных экологических стандартов на ее финансовую эффективность. В статье на примере опыта российских и иностранных компаний описывается то, каким образом соблюдение международных экологических стандартов влияет на взаимоотношения бизнеса и инвесторов, а также то, как реакция последних на соблюдение компанией этих стандартов может воздействовать на рост ее капитализации. На приме-*

ре ряда сырьевых компаний, компаний авиационной индустрии и банковского сектора анализируется связь реакции инвесторов на публикуемую компаниями ESG-отчетность, а также такие показатели, как ROA и ROE, с капитализацией. Автор приходит к выводу, что соблюдение международных экологических стандартов имеет положительное влияние на финансовую эффективность компании при условии ее относительно стабильного финансового состояния и благоприятной экономической ситуации. Однако в условиях кризисов на рынке, таких как период пандемии или введение экономических санкций, эффективная ESG-политика компании не может предотвратить падение капитализации. По мнению автора, тенденция популяризации меж-

дународных экологических стандартов в среде бизнеса будет продолжаться, поскольку их соблюдение способно дать компаниям реальное преимущество на рынке при благоприятных условиях внешней среды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ESG, международные экологические стандарты, международное право, устойчивое развитие, устойчивые инвестиции, рост капитализации, зеленые инвестиции, ROA, ROE.

Введение

Реализация концепции устойчивого развития требует совместных усилий со стороны государства, бизнеса и гражданского общества. В силу повышенного внимания инвесторов к нефинансовым показателям, таким как воздействие на окружающую среду, в отчетности, которую публикуют компании, придается всё большее значение соблюдению экологических нормативов. То, насколько продуктивно компания соблюдает экологические, социальные и корпоративные стандарты (ESG-стандарты), становится показателем ее способности осуществлять стратегическое планирование [Apergis, Poufinas, Antonopoulos, 2022]. При принятии решений о целесообразности инвестиций инвесторы ориентируются на ESG-отчетность, где компании раскрывают данные о соблюдении этих стандартов, и на ESG-рейтинги, отражающие степень их выполнения. При этом особенное значение придается E-компоненту в ESG, то есть эколо-

гическим стандартам [Apergis, Poufinas, Antonopoulos, 2022].

Экологические стандарты, которые компании применяют в своей деятельности, могут разрабатываться как на международном, так и на национальном уровне. Настоящая статья сфокусирована на международных экологических стандартах, распространенность которых значительно выросла в последние годы. Так, по данным KPMG за 2022 г.¹, три наиболее популярных стандарта устойчивого развития являются международными: Рекомендации Рабочей группы по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной с климатом (TCFD)², Глобальная инициатива по отчетности (GRI)³ и 17 целей устойчивого развития, сформулированные Генассамблеей Организации Объединенных Наций (ООН)⁴. С 2020 по 2022 г. среди исследованных KPMG компаний количество тех компаний, которые соблюдают TCFD, выросло с 37 до 61%. При этом 96% этих компаний в той или иной степени отчитываются о своей приверженности концепции устойчивого развития.

GRI, TCFD и иные подобные стандарты, известные также как системы отчетности, сфокусированы на правилах раскрытия информации о воздействии деятельности бизнеса на окружающую среду, о соблюдении им прав человека и некоторых аспектах корпоративного управления. Они разрабатываются преимущественно международными неправительственными организациями. Как отмечают ученые, такие системы отчетности – важная веха на пути раз-

1 Survey of Sustainability Reporting // KPMG. – URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/xx/pdf/2022/10/ssr-executive-summary-small-steps-big-shifts.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

2 Recommendations of the Task Force on Climate-related Financial Disclosures // TCFD. – URL: <https://assets.bbhio.com/party/sites/60/2021/10/FINAL-2017-TCFD-Report.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

3 GRI Standards // GRI. – URL: <https://www.globalreporting.org/how-to-use-the-gri-standards/gri-standards-english-language> (дата обращения: 12.01.2024).

4 The 17 Goals // The United Nations. – URL: <https://sdgs.un.org/goals> (дата обращения: 12.01.2024).

вития международных ESG-стандартов, поскольку они учитывают нужды практики, в том числе в конкретных отраслях рынка, а также носят универсальный характер, то есть применимы в деятельности компаний различных регионов [Kelkar, Katole, 2023].

С учетом резкого роста количества компаний, публикующих ESG-отчетность, и увеличения внимания к ним инвесторов представляется возможным провести на их основе анализ взаимосвязи между соблюдением компаниями международных экологических стандартов и их финансовыми показателями. Такой анализ позволит понять, насколько привлекательны для потенциального инвестора те или иные международные экологические стандарты. Настоящая статья будет представлять интерес для компаний, находящихся на стадии выбора оптимального международного экологического стандарта для имплементации в свою деятельность, акторов внешней и внутренней среды компании, заинтересованных в ее устойчивом развитии, и любых лиц, исследующих воздействие соблюдения экологических стандартов на финансовую эффективность бизнеса.

Общая характеристика воздействия международных экологических стандартов на финансовые показатели компании

Каждая компания имеет ряд акторов внешней и внутренней среды, таких как менеджмент, регулятор [Preuss, 2007], инвесторы, клиенты, саморегулируемые организации [Lee, Jung, Kwak, 2016], банки и микрокредитные организации [Park, Lee, 2023], фондовые биржи [Bizoumi, Lazaridis, Stamou, 2019]. Все они в той или иной степени влияют на принятие решений в компании, но в контексте анализа воздействия соблю-

дения международных экологических стандартов на финансовую эффективность компании интерес представляют именно инвесторы, поскольку их действия влияют на рост капитализации [Bodhanwala, Bodhanwala, 2022].

Как указывают исследователи, интеграция ESG-стандартов в бизнес-процессы компании способствует улучшению ее коммуникации с данными акторами. Публикация отчетности повышает прозрачность деятельности компании в глазах лиц, взаимодействующих с ней, и, соответственно, доверие к ней. Кроме того, подробная отчетность повышает точность прогнозов финансовых аналитиков, к мнению которых прислушиваются многие инвесторы [Suttipun, 2023].

Интересы инвесторов не ограничиваются получением дивидендов. В их отношениях с компаниями, в развитие которых они вкладывают денежные средства, наблюдается присутствие и морально-этического компонента. Как отмечают М. Губарева, З. Умар, Т. Соколова и В. Антонюк, инвесторы, а также потребители товаров и услуг обращают всё большее внимание на соблюдение экологических стандартов компаниями и отдают предпочтение тем компаниям, приверженность которых концепции устойчивого развития не вызывает сомнений [For whom..., 2022].

Тенденция увеличения значения соблюдения этих стандартов для принятия решений инвесторами подтверждается исследованиями, проведенными в разных странах. К примеру, в Таиланде, где наиболее распространенным экологическим стандартом является стандарт GRI, в период с 2017 г. по настоящее время наблюдается увеличение количества компаний, которые публикуют в своей отчетности нефинансовые показатели, включая воздействие на окружающую среду [Suttipun, 2023]. При этом вместе с ростом ESG-

эффективности наблюдается уменьшение финансовых корпоративных рисков. Банки и микрокредитные организации в большей степени склонны предоставлять кредиты компаниям, соблюдающим экологические стандарты и регулярно публикующим отчетность об их соблюдении [Sutirip, 2023]. Данная тенденция представляется логичной, поскольку банки и микрокредитные организации заинтересованы во взаимодействии с контрагентами, деятельность которых прозрачна. Транспарентность позволяет дать достоверный прогноз относительно перспектив возврата компаний взятых в кредит денежных средств. Кроме того, изменение бизнес-процессов для приведения их в соответствие с экологическими стандартами требует от компании определенных затрат, и ее готовность осуществлять эти затраты дает банкам и микрокредитным организациям сигнал, что у нее нет финансовых проблем. Способность компании успешно взаимодействовать с банками и микрокредитными организациями повышает и уверенность инвесторов в ее дальнейшем развитии.

Исследователи из США приходят к схожим выводам. Отмечается, что американские компании осознают запрос акторов внешней и внутренней среды на устойчивое развитие, что мотивирует их на внесение изменений в устоявшиеся производственные процессы с целью соблюдения экологических нормативов [Hamdi, Guenich, Ben Saada, 2022]. При этом страх финансовых потерь, который испытывают некоторые компании, принимая решение об имплементации международных экологических стандартов, далеко не всегда обоснован, поскольку продуктивные отношения с акторами внешней и внутренней среды улучшают инвестиционный климат и облегчают привлечение новых денежных средств. Л. Коулман

указывает, что соблюдение этих стандартов также является важной инвестицией в будущее, поскольку существенная трансформация бизнес-процессов требует более осознанного управления и вынуждает компании отказываться от нецелесообразных, устаревших практик [Coleman, 2011].

Опыт китайских компаний демонстрирует положительное влияние соблюдения ESG-стандартов на привлечение инвестиций. При этом особенно сильный эффект наблюдается в регионах с невысоким уровнем экономического развития и среди организаций, которые предоставляют недостаточно полную финансовую информацию [Wang, Yu, Li, 2022]. Данная тенденция представляет особый интерес, поскольку демонстрирует, насколько значительным может быть эффект международных экологических стандартов. Их соблюдение компаниями обеспечивает потенциальным инвесторам достаточный уровень уверенности в экономической выгоде от инвестиций, что мотивирует инвестиционную деятельность даже в экономически недостаточно развитых регионах. Те компании, финансовая отчетность которых не вызывает доверия у инвесторов, повышают свою репутацию за счет имплементации этих стандартов в своей деятельности, следовательно, нефинансовые показатели компании, такие как воздействие на окружающую среду, могут оказывать положительное влияние на ее финансовую эффективность.

Аналогичный вывод следует из индонезийских исследований. Как отмечает А.С. Кходиджа, объем иностранных инвестиций в Индонезии относительно мал в сравнении с рядом других стран АСЕАН, но благодаря тенденции увеличения количества компаний, соблюдающих ESG-стандарты, иностранные инвесторы всё чаще осуществляют инвестиции в них [Khodijah, 2022].

Таким образом, опыт разных стран демонстрирует, что соблюдение международных экологических стандартов в целом имеет положительное влияние на взаимоотношения компании с акторами внешней и внутренней среды, в особенности инвесторами, что в конечном итоге приводит к улучшению финансовых показателей, таких как рост капитализации. Регулярная публикация отчетности о приверженности концепции устойчивого развития повышает репутацию бизнеса в глазах инвесторов и на рынке в целом. Значительность положительного эффекта соблюдения международных экологических стандартов может варьироваться в зависимости от состояния экономики региона, но в любом случае облегчает привлечение инвестиций, в том числе иностранных.

Методология исследования влияния соблюдения международных экологических стандартов на финансовую эффективность компании

Для анализа влияния соблюдения международных экологических стандартов на финансовую эффективность компании исследователи используют два основных подхода: экономический метод и «теорию сигналов». Экономический метод основан на применении экономического анализа с математическим моделированием. «Теория сигналов» распространена в менеджериальной науке и предполагает изучение реакции акторов внешней и внутренней среды компании на внедрение ею международных экологических стандартов в свою деятельность. Возможно сочетание этих подходов для получения наиболее объективного результата.

Экономический метод в первую очередь связан с анализом финансовых

данных, которые компания раскрывает в своей финансовой отчетности. Определяются, в частности, такие показатели, как рентабельность активов (ROA) и рентабельность собственного капитала (ROE) [Almeyda, Darmansya, 2019]. Математические модели позволяют представить влияние соблюдения международных экологических стандартов на финансовую эффективность компании в числовом значении. Применение данного метода дает возможность оценить степень положительного воздействия этих стандартов на финансовые показатели, что имеет значение при выборе оптимального экологического стандарта для имплементации его в деятельности компании.

«Теория сигналов» добавляет связующее звено между соблюдением международных экологических стандартов и финансовыми показателями компании. Этим звеном является реакция акторов внешней и внутренней среды на ее действия [Dewi, Harto, 2023]. Такой актор, как инвесторы, оказывает влияние на рост капитализации компании и возможность привлечения ею денежных средств, следовательно, при должном соблюдении международных экологических стандартов финансовые показатели будут улучшаться, поскольку инвесторы положительно реагируют на приверженность компании концепции устойчивого развития. «Теория сигналов» может использоваться совместно с экономическим методом для представления воздействия инвесторов на финансовую эффективность компании в числовом значении.

Метод, применяемый в настоящей статье, основан на «теории сигналов». Поскольку инвесторы чутко реагируют на действия компании, направленные на соблюдение международных экологических стандартов, и влияют на ее ключевые финансовые показатели, представляется целесообразным

использование именно «теории сигналов» для решения исследовательского вопроса. В статье анализируются некоторые данные из финансовой отчетности и ESG-отчетности ряда компаний с 2021 по 2023 г. В частности, для каждой компании проводится анализ реакции инвесторов на такие показатели, как *ROA* и *ROE*, и влияния этой реакции на капитализацию. Применение «теории сигналов» без математических моделей не является распространенным в исследованиях последних лет. Однако именно этот метод представляется наиболее подходящим для данной статьи, поскольку применение экономического метода выходит за рамки международно-правового исследования. Этот подход позволяет без использования математических моделей рассмотреть реакцию инвесторов на имплементацию международных экологических стандартов компаниями и ее влияние на капитализацию компании.

В статье рассматриваются кейсы нескольких транснациональных и национальных сырьевых компаний и компаний авиационной индустрии разных стран, а также российских сырьевых компаний и банков. Выбор сырьевой отрасли связан с ее высоким влиянием на изменение климата и, соответственно, повышенным вниманием инвесторов компаний этой отрасли к соблюдению ими экологических нормативов. При этом при выборе конкретных компаний приоритет был отдан азиатскому региону, а именно Индии и Китаю, поскольку компании из этих стран активно выходят на внешние рынки и начинают внедрять международные экологические стандарты в свою деятельность [Jiang, 2024]. По поводу авиационной индустрии исследователи отмечают, что, несмотря на наблю-

давшуюся на протяжении многих лет нерешительность крупных игроков на рынке, на данный момент имеет место тенденция значительного увеличения числа авиакомпаний, имплементирующих международные экологические стандарты в свою деятельность [Rating ESG..., 2023]. Предпочтение было отдано европейским и американским авиакомпаниям, так как для объективности анализа представляется необходимым рассмотреть опыт разных регионов. Что касается российских компаний, выбор не только сырьевой промышленности, но и банковского сектора обусловлен тем, что именно в этих двух отраслях в России на данный момент наиболее распространены ESG-стандарты. Их интеграция в предпринимательскую практику всё еще является достаточно новой тенденцией для российских компаний [Колодня, 2023].

Влияние соблюдения международных экологических стандартов на финансовые показатели компании (на примере опыта ряда компаний)

Кейсы сырьевых компаний иностранных государств

Крупная индийская сталелитейная компания *Tata Steel* регулярно публикует так называемые интегрированные отчетности, в которых финансовые показатели сочетаются с нефинансовыми. Как указывают ученые из Индии, такой подход оказывает положительное влияние на репутацию компании на рынке и в глазах ее инвесторов и контрагентов [Ashok, Dhingra, 2023]. Сама компания отмечает в интегрированной отчетности за 2018–2019 гг.⁵, что целью

5 Integrated Report & Annual Accounts 2018–19 (112th Year) // Tata Steel. – URL: <https://www.tatasteel.com/media/9238/tata-steel-ir-2018-19-220619.pdf> (дата обращения: 05.10.2024).

ее политики социальной ответственности является создание ценности для акторов внешней и внутренней среды и вовлечение их в процесс достижения устойчивого развития. Кроме того, она заявляет, что учитывает мнение своих инвесторов при принятии решений о вложениях в «зеленые» проекты, что может способствовать улучшению такого показателя, как рентабельность собственного капитала.

В 2021 г. показатель *ROE Tata Steel* составил 10,66%, а *ROA* – 4,9%, что выше, чем в 2020 г., в котором данные показатели составляли 1,59% и 2,17% соответственно⁶. Капитализация компании также показала значительный рост, составив 18,53 млрд долл., что на 83,93% больше, чем в 2020 г.⁷ В своей отчетности за 2020–2021 гг.⁸ компания указывает, что провела значительную работу над соблюдением международных экологических стандартов и *ESG*-стандартов в целом. В частности, в ее бизнес-практики были внесены изменения для соответствия стандарту ИСО 14001, который регулирует экологический менеджмент. ИСО 14001 не является *ESG*-стандартом, но в значительной степени облегчает процедуру их исполнения, так как обеспечивает наличие прозрачных процедур документирования данных о воздействии деятельности компании на окружающую среду [A Differentiation of..., 2023]. Кроме того, были улучшены системы контроля за загрязнением и управления отходами. В данной отчетности также отмечается, что, несмотря на то, что *Tata Steel* является индийской ком-

панией, она ориентируется на экологические стандарты Евросоюза (ЕС), то есть добровольно соблюдает более жесткие нормативы, чем предусмотрено национальным законодательством. Рост показателей *ROA* и *ROE* свидетельствует об эффективном использовании компанией своих активов и средств от привлеченных инвестиций. Как отмечают исследователи, соблюдение *ESG*-стандартов улучшает финансовые показатели индийских компаний, включая *Tata Steel*. Влияние соответствия этим стандартам на их *ROA* является особенно высоким [Anklesaria-Dalal, Thaker, 2019].

Данные за 2022 г. в целом подтверждают этот вывод. Так, показатель *ROE* составил 42,91%, а *ROA* – 13,12%, что с учетом постпандемийного периода и затрат на дальнейшее совершенствование системы соблюдения *ESG*-стандартов, о которых компания сообщает в своей отчетности⁹, является показателем высокой эффективности управления финансовыми ресурсами. Капитализация компании, однако, упала на 10,28%, составив 16,62 млн долл., следовательно, высокие финансовые показатели и приверженность *ESG*-стандартам не могут обеспечить полной уверенности инвесторов в будущем компании, если имеют место экономические проблемы, вызванные пандемией, и геополитическая нестабильность.

В 2023 г. ситуация была обратной: показатели *ROE* и *ROA* снизились, составив 7,27% и 4,65% соответственно, а капитализация выросла на 25,15%, до-

6 Tata Steel Ratios and Metrics // Stock Analysis. – URL: <https://stockanalysis.com/quote/nse/TATASTEEL/financials/ratios/> (дата обращения: 05.10.2024).

7 Market capitalization of Tata Steel: Companies Market Cap. – URL: <https://companiesmarketcap.com/tata-steel/market-cap/> (дата обращения: 05.10.2024).

8 Integrated Report & Annual Accounts 2020–21 // Tata Steel. – URL: https://www.tatasteel.com/media/13915/tsl_ir21_final.pdf (дата обращения: 05.10.2024).

9 Integrated Report & Annual Accounts 2021–22 // Tata Steel. – URL: <https://www.tatasteel.com/media/15928/tata-steel-ir-2021-22.pdf> (дата обращения: 05.10.2024).

стигнув 20,80 млрд долл. В отчетности за данный период¹⁰ компания сообщает о цели полного избавления от углеродного следа к 2045 г. и масштабных инвестициях в необходимые для ее осуществления технологии. В связи с этим представляется закономерным снижение *ROE* и *ROA*. Инвестиции в «зеленые» технологии способны снизить прибыль компании в краткосрочной перспективе, но при этом дают ей преимущество в долгосрочной перспективе, повышая ее репутацию в глазах инвесторов, что отражается в росте капитализации по сравнению с предыдущим годом.

Опыт китайских сырьевых компаний также актуален в контексте исследуемого вопроса, поскольку они в настоящий момент активно переходят на рельсы устойчивого развития. К примеру, энергетическая компания *Huaneng Power International* в 2021 г. претерпела падение показателей *ROE* и *ROA*, которые оказались равными -9,55% и -1,24% соответственно¹¹. Как указывает компания в *ESG*-отчетности за 2021 г.¹², на падение ее финансовых показателей оказали влияние пандемия и вызванный ею дефицит электроэнергии, несмотря на которые она приняла пятилетний план по внедрению технологий устойчивого развития и осуществила вложения в его реализацию. Капитализация компании при этом выросла на 87,59% по сравнению с 2020 г.¹³, что может свидетельствовать о том, что ее инвестиции в «зеленые» проекты и соблюдение *ESG*-стандартов дали инвесторам уверен-

ность в ее будущем. Китайские ученые, исследующие влияние *ESG*-практик на финансовую эффективность бизнеса, в том числе *Huaneng Power International*, отмечают, что соблюдение *ESG*-стандартов оказывает наибольшее влияние на компании, имеющие ярко выраженный углеродный след. Именно им приходится осуществлять наиболее крупные инвестиции в устойчивое развитие, что может одновременно снижать их *ROA* и улучшать их репутацию, давая преимущество в долгосрочной перспективе [Cai, Qian, Wang, 2023].

Аналогичная ситуация наблюдалась в 2022 г., когда показатели *ROE* и *ROA* составили -0,15% и -8,04% соответственно, а капитализация выросла на рекордные 772,36%, составив 14,18 млрд долл. *Huaneng Power* указывает в *ESG*-отчетности за 2022 г.¹⁴, что ситуация с ценами на уголь в отчетный год была несколько лучше, чем в 2021 г., а энергетический кризис в определенной степени был преодолен, но всё еще оказывает на нее влияние. Кроме того, она продолжила производить существенные вложения в «зеленые» проекты. В целом имело место небольшое улучшение финансового положения компании по сравнению с предыдущим годом, которое, однако, не обеспечило положительных финансовых показателей. Тем не менее ее стремление продолжать путь к достижению устойчивого развития явно вызвало положительную реакцию инвесторов и внесло вклад в стремительный рост капитализации, что соответ-

10 8th Integrated Report & 116th Annual Accounts for FY 2022–23 // Tata Steel. – URL: <https://www.tatasteel.com/media/18370/tata-steel-ir-2022–23.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

11 Huaneng Power International, Inc Financial Ratios // Market Screener. – URL: <https://www.marketscreener.com/quote/stock/HUANENG-POWER-INTERNATION-6497368/finances-ratios/> (дата обращения: 06.10.2024).

12 2021 Environmental, Social and Governance Report // HKEX News. – URL: <https://www1.hkexnews.hk/listedco/listconews/sehk/2022/0420/2022042001142.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

13 Market capitalization of Huaneng Power // Companies Market Cap. – URL: <https://companiesmarketcap.com/huaneng-power/marketcap/> (дата обращения: 06.10.2024).

14 2022 Environmental, Social and Governance Report // HKEX News. – URL: <https://www1.hkexnews.hk/listedco/listconews/sehk/2023/0420/20230420011467.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

ствует упомянутым выводам китайских исследователей.

В 2023 г. финансовые показатели *Huaneng Power International* стали положительными: ROE – 6,1%, ROA – 2,53%. Капитализация показала небольшой рост в 1,67%. Как отмечает компания в ESG-отчетности за 2023 г.¹⁵, росту финансовой эффективности поспособствовала общая стабилизация на энергетическом рынке Китая. Кроме того, инвестиции прошлых лет в соблюдение ESG-стандартов вылились в усовершенствованную систему менеджмента и инновационные производственные процессы, требующие меньших затрат. Небольшой рост капитализации свидетельствует об уверенности инвесторов в развитии компании.

Кейсы авиационной индустрии иностранных государств

Немецкий авиаперевозчик *Lufthansa* соблюдает стандарты GRI, SASB, TCFD и заявляет о своей приверженности принципам Глобального договора ООН. Компания регулярно публикует отчетность о соблюдении международных экологических стандартов. Соблюдая одновременно несколько международных экологических стандартов, *Lufthansa* посылает сигнал инвесторам о своей готовности прикладывать большие усилия для достижения устойчивого развития.

В 2021 г. показатели ROA и ROE *Lufthansa* составили -2,51% и -74,63% соответственно. Отрицательные зна-

чения закономерны, поскольку в своей финансовой отчетности за 2021 г.¹⁶ компания отмечает трудности, связанные с пандемией коронавируса. В связи с этим особенно примечателен небольшой рост капитализации на 5,23% по сравнению с предыдущим годом¹⁷, свидетельствующий об уверенности, по крайней мере некоторых инвесторов компании, в ее способности обеспечить стабильное развитие в период кризиса в индустрии. Представляется, что положительной реакцией инвесторов поспособствовала приверженность компании соблюдению международных экологических нормативов и готовность продолжать осуществление инвестиций в технологии устойчивого развития, о чем она сообщает в ESG-отчетности за 2021 г.¹⁸

В 2022 г. показатели ROA и ROE *Lufthansa* оказались равными 1,80% и 15,58% соответственно, то есть произошло восстановление финансового положения компании после пандемии. В ESG-отчетности за 2022 г.¹⁹ указано, что компания продолжила работу над соблюдением международных экологических стандартов и уменьшила выбросы углекислого газа на 30,6%. К 2050 г. планируется полностью избавиться от углеродного следа. Компания также заявляет, что осуществила вложения в разработку инновационных технологий для достижения этой цели. «Зеленые» инициативы в совокупности с восстановлением финансовых показателей вызвали положительную реакцию инвесторов, которая

15 2023 Environmental, Social and Governance Report // HKEX News. – URL: <https://www1.hkexnews.hk/listedco/listconews/sehk/2024/0419/2024041901222.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

16 Annual Report 2021 // Lufthansa. – URL: <https://investor-relations.lufthansagroup.com/fileadmin/downloads/en/financial-reports/annual-reports/LH-AR-2021-e.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

17 Market capitalization of Lufthansa (LHA.DE) // Companies Market Cap. – URL: <https://companiesmarketcap.com/lufthansa/marketcap/> (дата обращения: 19.01.2024).

18 Sustainability in 2021. Fact Sheet // Lufthansa. – URL: <https://www.lufthansagroup.com/media/downloads/en/responsibility/LH-Factsheet-Sustainability-2021.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

19 Sustainability 2022 // Lufthansa. – URL: <https://www.lufthansagroup.com/media/downloads/en/responsibility/LH-Factsheet-Sustainability-2022.pdf> (дата обращения: 19.01.2024).

выразилась в росте капитализации на 18,39%.

В 2023 г. в целом наблюдалась аналогичная тенденция: показатели *ROA* и *ROE* составили 2,93% и 21,31% соответственно, а капитализация выросла на 7,39%. Рост *ROA* и *ROE* не единственный фактор, оказавший положительное влияние на капитализацию. Так, в *ESG*-отчетности за 2023 г.²⁰ *Lufthansa* указывает, что ее *ESG*-рейтинги улучшились в этом периоде и стали выше средних значений в отрасли. Кроме того, она продолжила осуществлять крупные инвестиции в проекты, направленные на борьбу с изменениями климата, что вызвало положительный отклик у ее инвесторов и клиентов.

Авиакомпания *Hawaiian Airlines* с 2020 г. соблюдает стандарт *SASB* и с 2022 г. – стандарты *TCFD*²¹, то есть подала инвесторам сигнал о своем стремлении привести свою деятельность в соответствие с международными экологическими стандартами. В 2021 г. ее *ROA* и *ROE* составили -5,67% и -24,76% соответственно, что значительно выше, чем в 2020 г., когда показатель *ROA* составил -10,95%, а *ROE* – -60,75%²². В отчетности за 2021 г.²³ *Hawaiian Airlines* подчеркивает, что, несмотря на отрицательные финансовые показатели, она начала постпандемийное восстановление и продолжила улучшать свою политику в сфере соблюдения *ESG*-стандартов и защиты окружающей среды. В частности, в компании появилась должность директора по устойчивому

развитию, который курирует инициативы по внедрению «зеленых» технологий в ее деятельность. Капитализация при этом выросла на 15,54%, то есть продемонстрировала положительную динамику после падения на 39,72% в 2020 г., которая представляется закономерной в свете планомерного восстановления финансового положения и совершенствования *ESG*-политики.

Однако в 2022 г. капитализация *Hawaiian Airlines* упала на 43,93%. Показатель *ROA* при этом слегка улучшился по сравнению с 2021 г. и составил -2,73%, а *ROE* – -53,21%, продемонстрировав значительное ухудшение. Как отмечает компания в отчетности за 2022 г.²⁴, на ее финансовые показатели оказали влияние новые модификации коронавируса и плохие погодные условия, пагубно сказавшиеся на авиационной индустрии в регионе. Таким образом, в данном периоде компания в силу объективных причин не смогла осуществить эффективное управление средствами, привлеченными от инвестиций, что вызвало негативную реакцию инвесторов и падение капитализации. Переход на популярные и авторитетные стандарты *TCFD*, предполагающие более прозрачную отчетность, не смог обеспечить положительной реакции инвесторов, поскольку были затронуты их финансовые интересы.

Особый интерес представляют результаты 2023 г., когда показатели *ROA* и *ROE* *Hawaiian Airlines* ухудшились, составив -5,47% и -121,53% соответствен-

20 Sustainability in 2023. Fact Sheet // *Lufthansa*. – URL: <https://www.lufthansagroup.com/media/downloads/en/responsibility/LH-Factsheet-Sustainability-2023.pdf> (дата обращения: 06.10.2024).

21 Hawaiian Airlines 2023 Corporate Kuleana Report Highlights Path to Net-Zero Carbon Emissions by 2050 // *Hawaiian Airlines*. – URL: <https://newsroom.hawaiianairlines.com/releases/hawaiian-airlines-2023-corporate-kuleana-report-highlights-path-to-net-zero-carbon-emissions-by-2050> (дата обращения: 14.02.2024).

22 Hawaiian Holdings, Inc. Financial Ratios // *Market Screener*. – URL: <https://www.marketscreener.com/quote/stock/HAWAIIAN-HOLDINGS-INC-3064324/finances-ratios/> (дата обращения: 15.10.2024).

23 2021 Annual Report // *Hawaiian Airlines*. – URL: https://newsroom.hawaiianairlines.com/_gallery/get_file/?file_id=624e2d5c-b3aed35aa783770b&ir=1&file_ext=.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

24 2022 Annual Report // *Hawaiian Airlines*. – URL: https://newsroom.hawaiianairlines.com/_gallery/get_file/?file_id=642ca606b3aed30ec51dca63&ir=1&file_ext=.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

но, а капитализация выросла на 39% по сравнению с 2022 г. В отчетности за 2023 г.²⁵ компания отмечает чистый убыток в размере 313 млн долл. и слияние с авиакомпанией *Alaska Airlines*, которое поддержало большинство акционеров. Кроме того, положительную реакцию инвесторов вызвало дальнейшее внедрение технологий устойчивого развития в бизнес-процессы компании. Так, компания осуществила переход на устойчивое авиационное топливо. Таким образом, в 2023 г., несмотря на убытки, ряд бизнес-решений компании, среди которых инициативы по соблюдению международных экологических стандартов, обеспечил положительную реакцию инвесторов и рост капитализации.

Кейсы российских компаний

Значительную долю компаний, занимающих лидирующие позиции в российских ESG-рейтингах, составляют сырьевые компании и банки. Примерами таких компаний являются Сбербанк и «Полюс», занимающие первое и третье места соответственно в рейтинге *RAEX*²⁶.

В 2021 г. Сбербанк опубликовал Политику Сбера в области ESG и устойчивого развития²⁷ и начал публиковать годовые отчеты в соответствии с международными стандартами *GRI*. В соответствии с данной Политикой

в деятельность Сбербанка были интегрированы Цели устойчивого развития ООН, особое внимание уделяется «зеленым» финансам и соблюдению прав человека. В 2021 г. показатели *ROA* и *ROE* Сбербанка составили 3,1% и 24,2% соответственно, что выше, чем в 2020 г., когда показатель *ROA* был равен 2,3%, а *ROE* – 16,1%²⁸. В годовом отчете за 2021 г.²⁹ банк отмечает в целом положительную динамику финансовых показателей и подчеркивает ESG-трансформацию, произошедшую в его деятельности, включая утверждение климатической стратегии, снижение выбросов, развитие «зеленых» финансов и «зеленого» кредитования. Капитализация компании в 2021 г. выросла на 8,42% по сравнению с 2020 г., когда она претерпела падение на 11,93%³⁰, следовательно, инвесторы положительно отреагировали на улучшение финансового положения компании с одновременным масштабным реформированием ее деятельности с целью достижения устойчивого развития.

В 2022 г. произошел резкий спад *ROA* и *ROE* компании «Сбербанк». Эти показатели составили 0,7% и 5,2% соответственно, а капитализация упала на 44,54%. В отчетности за 2022 г.³¹ компания отмечает отрицательную динамику своих финансовых показателей, вызванную экономическими санкциями. При этом она продолжила совершенствовать свою ESG-политику,

25 2023 Annual Report // Hawaiian Airlines. – URL: https://newsroom.hawaiianairlines.com/_gallery/get_file/?file_id=660b200a3d-6332f2c0416ff5&ir=1&file_ext=.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

26 ESG-рейтинг российских компаний (январь 2024 года) // Рейтинговая группа RAEX. – URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2024.1/ (дата обращения: 10.10.2024).

27 Политика Сбера в области ESG и устойчивого развития // Сбербанк. – URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/normative_docs/ru/sber_esg_policy_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

28 Сбербанк (SBER): годовая финансовая отчетность МСФО // Smart-Lab. – URL: <https://smart-lab.ru/q/SBER/f/y/> (дата обращения: 10.10.2024).

29 Годовой отчет Сбера – 2021 // Сбербанк. – URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2022/assets/documents/sber_2021_results_ru.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

30 Market capitalization of Sberbank (SBER.ME) // Companies Market Cap. – URL: <https://companiesmarketcap.com/sberbank/marketcap/> (дата обращения: 10.10.2024).

31 Годовой отчет Сбера – 2022 // Сбербанк. – URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2023/sber-ar-2022-ru.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

сокращая выбросы и предоставляя продукты и услуги для стимулирования низкоуглеродной трансформации. Падение капитализации свидетельствует о том, что в периоды экономического кризиса успехи в области защиты окружающей среды и прав человека не могут обеспечить уверенность инвесторов в стабильном развитии компании. Однако с учетом общей для рынка тенденции роста внимания инвесторов к соответствию компаний концепции устойчивого развития представляется уместным предположить, что эффективная ESG-политика может способствовать замедлению падения капитализации во время кризиса.

В 2023 г. показатели *ROA* и *ROE* Сбербанка были равными 3,2% и 25,3% соответственно, следовательно, компания доказала свою способность адаптироваться к вызовам внешней среды, что закономерно вызвало положительную реакцию инвесторов и рост капитализации на 38,35%. В отчетности за 2023 г.³² указано, что в данном периоде в компании «Сбербанк» была создана многоуровневая система управления климатическими рисками и ресурсами, а также было продолжено сокращение выбросов. Кроме того, отмечается, что за инициативы в области «зеленого» развития бизнеса компания получила ряд наград и положительную реакцию своих инвесторов и контрагентов.

Крупнейшая в России золотодобывающая компания «Полюс» в 2021 г.

имела *ROA* и *ROE*, равные 28% и 64,6% соответственно³³. Высокий показатель *ROE* означает, что компания достаточно эффективно распоряжается привлеченными инвестициями. Кроме того, в 2021 г. она опубликовала подробную ESG-отчетность³⁴, соответствующую стандартам *GRI*, *TCFD*, Целям устойчивого развития ООН и Глобальному договору ООН. В этой отчетности особое внимание уделено инициативам по соблюдению прав человека, охране труда, соблюдению международных экологических стандартов. Однако несмотря на масштабную работу с акторами внешней и внутренней среды по вопросам устойчивого развития, капитализация компании «Полюс» в 2021 г. снизилась на 13,56%³⁵. В 2021 г. имело место мировое снижение цен на золото³⁶, которое снизило уверенность инвесторов в стабильном развитии золотодобывающей компании. Данный кейс является еще одним примером ситуации, когда инициативы по соблюдению международных экологических стандартов и ESG-стандартов не могут оказать существенного влияния на капитализацию компании вследствие экономических кризисов в индустрии.

В 2022 г. имела место аналогичная тенденция: показатели *ROA* и *ROE* компании «Полюс» составили 16% и 30% соответственно, то есть были положительными, но ниже, чем в прошлом году, а капитализация уменьшилась на 44,93%. В отчетности за 2022 г.³⁷ от-

32 Годовой отчет 2023 // Сбербанк. – URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2024/sberbank-2023-ru.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

33 Полюс (PLZL): годовая финансовая отчетность МСФО // Smart-Lab. – URL: <https://smart-lab.ru/q/PLZL/f/y/> (дата обращения: 10.10.2024).

34 Отчет об устойчивом развитии за 2021 год // Полюс. – URL: https://sustainability.polyus.com/upload/files/esg-data-and-reports/POLYUS_Sustainability_Report_2021_RUS_01.11.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

35 Market capitalization of Polyus (PLZL.ME) // Companies Market Cap. – URL: <https://companiesmarketcap.com/polyus/market-cap/> (дата обращения: 10.10.2024).

36 Цены на золото в 2021 году показали худшую динамику с 2015 года // GMK Center. – URL: <https://gmcenter.ru/news/cepy-na-zoloto-v-2021-godu-pokazali-hudshuju-dinamiku-s-2015-goda/> (дата обращения: 10.10.2024).

37 Консолидированная финансовая отчетность ПАО «Полюс» за год, закончившийся 31 декабря 2022 года // Полюс. – URL: <https://polyus.com/ru/investors/disclosure/ifrs-financials/> (дата обращения: 10.10.2024).

мечается негативный эффект экономических санкций, в том числе возможные проблемы с получением купонных выплат по еврооблигациям, то есть были напрямую затронуты интересы инвесторов. В свете данных проблем работа с акторами внешней и внутренней среды для достижения устойчивого развития, о которой компания сообщает в своей ESG-отчетности³⁸, не смогла обеспечить положительную реакцию инвесторов, достаточную для нивелирования влияния экономического кризиса на капитализацию.

В 2023 г., несмотря на резкое снижение показателя *ROE*, составившего –266,5%, капитализация компании «Полюс» выросла на 23,22%. Показатель *ROA* при этом был равен 18,2%. В 2023 г. мировые цены на золото возросли³⁹, что оказало положительное влияние на золотодобывающую компанию. Кроме того, как указано в ESG-отчетности за 2023 г.⁴⁰, компания повысила свою инвестиционную привлекательность, используя низкоуглеродные технологии и раскрывая прозрачную информацию о воздействии своей деятельности на окружающую среду. Следовательно, в условиях относительно стабильного финансового положения компании соблюдение международных экологических стандартов вызывает положительный отклик у инвесторов и может способствовать росту капитализации.

Рассмотренные в настоящей статье кейсы в целом демонстрируют положительный эффект соблюдения международных экологических стандартов и ESG-стандартов, их содержащих, на капитализацию компании. Однако

необходимо отметить, что такое влияние в первую очередь проявляется в условиях относительной экономической стабильности на рынке и положительных финансовых показателей компании. В периоды кризисов, когда в зоне риска оказывается финансовый интерес инвесторов, эффективная ESG-политика потенциально может несколько сгладить падение капитализации, но не способна предотвратить его.

Заключение

В настоящей статье был проведен анализ опыта ряда сырьевых компаний, компаний авиационной индустрии и банковского сектора России и зарубежных стран. Конкретного наиболее «полезного» для финансового положения компании международного экологического стандарта выявлено не было. Инвесторы в целом положительно реагируют на любые ESG-инициативы компаний, среди которых важную роль играет защита окружающей среды и эффективное использование ресурсов. Однако в случаях кризисов, таких как пандемия коронавируса или мировое снижение цен на золото, в затронутых отраслях положительная реакция инвесторов не может «спасти» капитализацию от падения. В относительно благоприятных условиях ESG-инициативы повышают инвестиционную привлекательность бизнеса и вызывают положительный отклик у инвесторов, выражающийся в росте капитализации.

Международные ESG-стандарты, такие как *GRI* и *TCFD*, стимулируют эффективное взаимодействие компаний с акторами внешней и внутренней сре-

38 Отчет об устойчивом развитии за 2022 год // Полюс. – URL: https://sustainability.polyus.com/upload/files/otchet_ob_ustoychivom_razviti_i_za_2022_god-new.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

39 Gold Market Commentary: Gold hit new highs in 2023 // World Gold Council. – URL: <https://www.gold.org/goldhub/research/gold-market-commentary-december-2023> (дата обращения: 10.10.2024).

40 Отчет об устойчивом развитии за 2023 год // Полюс. – URL: <https://sustainability.polyus.com/upload/files/otchet-ob-ustoychivom-razviti-i-za-2023-god.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

ды, повышают их репутацию на рынке. Представляется, что распространение международных экологических стандартов в предпринимательской практике будет продолжаться, поскольку в благоприятных экономических условиях их имплементация и соблюдение способны обеспечить компании ощутимое преимущество на рынке.

Список литературы

Колодняя Г.В. ESG-трансформации в российском бизнесе // Экономика: теория и практика. – 2023. – Т. 69, № 1. – С. 10–16. – DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_10.

A Differentiation of the Benefits of ISO 14001 Adoption in Manufacturing Companies / Fura B. [et al.] // Humanities and Social Sciences. – 2023. – Vol. 30, N 4, Part 1. – P. 49–70. – DOI: 10.7862/rz.2023.hss.42.

Almeyda R., Darmansyah A. The Influence of Environmental, Social, and Governance (ESG) Disclosure on Firm Financial Performance // IPTEK Journal of Proceedings Series. – 2019. – N 5. – P. 271–277. – DOI: 10.12962/j23546026.y2019i5.6340.

Anklesaria-Dalal K., Thaker N.A. ESG and Corporate Financial Performance: A Panel Study of Indian Companies // The IUP Journal of Corporate Governance. – 2019. – Vol. 18, N 1. – P. 1–16. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371177996_ESG_and_Corporate_Financial_Performance_A_Panel_Study_of_Indian_Companies (дата обращения: 05.10.2024).

Apergis N., Poufinas T., Antonopoulos A. ESG scores and cost of debt // Energy Economics. – 2022. – Vol. 112. – DOI: 10.1016/j.eneco.2022.106186.

Ashok S., Dhingra D. Application of Integrated Reporting – A Case Study of Tata Steel // Lee K.H., Senaratne S., Gunaratne N. Integrated Reporting (IR) for

Sustainability. Eco-Efficiency in Industry and Science. – Cham : Springer, 2023. – P. 141–159. – DOI: 10.1007/978-3-031-41833-4_6.

Bizoumi T., Lazaridis S., Stamou N. Innovation in Stock Exchanges: Driving ESG Disclosure and Performance // Journal of Applied Corporate Finance. – 2019. – Vol. 31, N 2. – P. 72–79. – DOI: 10.1111/jacf.12348.

Bodhanwala S., Bodhanwala R. Exploring relationship between sustainability and firm performance in travel and tourism industry: a global evidence // Social Responsibility Journal. – 2022. – Vol. 18, N 7. – P. 1251–1269. – DOI: 10.1108/SRJ-09-2020-0360.

Cai Z.D., Qian M.Y., Wang L.J. Comprehensive ESG Score and Financial Performance of Carbon-Neutral Concept Enterprises // Open Journal of Business and Management. – 2023. – Vol. 11, N 1. – P. 133–148. – DOI: 10.4236/ojbm.2023.111008.

Coleman L. Losses from Failure of Stakeholder Sensitive Processes: Financial Consequences for Large US Companies from Breakdowns in Product, Environmental, and Accounting Standards // Journal of Business Ethics. – 2011. – Vol. 98, N 2. – P. 247–258. – DOI: 10.1007/s10551-010-0544-8.

Dewi A.K., Harto P. The Effect of Environmental, Social, and Governance (ESG) Disclosure on the Company's Market Value In Indonesia // Jurnal Pamator: Jurnal Ilmiah Universitas Trunojoyo. – 2023. – Vol. 16, N 3. – P. 608–619. – DOI: 10.21107/pamator.v16i3.19923.

For whom does it pay to be a moral capitalist? Sustainability of corporate financial performance of ESG investment / Gubareva M. [et al.] // PLoS ONE. – 2022. – Vol. 18, N 5. – DOI: 10.1371/journal.pone.0285027.

Hamdi K., Guenich H., Ben Saada M. Does corporate financial performance promote ESG: Evidence from US firms //

Cogent Business & Management. – 2022. – Vol. 9, N 1. – P. 1–18. – DOI: 10.1080/23311975.2022.2154053.

Herman B.D. Meta Ethics: How Ignoring Stakeholder Interests Endangers Meta/Facebook // Journal of Leadership, Accountability and Ethics. – 2022. – Vol. 19, N 3. – P. 58–72. – DOI: 10.33423/jlae.v19i3.5442.

Jiang P.-C. National ESG index update: An assessment of the G20 countries // Innovation and Green Development. – 2024. – Vol. 3, N 2. – Article 100147. – DOI: 10.1016/j.igd.2024.100147.

Kelkar V., Katole H.J. An overview of non-financial reporting practices around the world // The Online Journal of Distance Education and e-Learning. – 2023. – Vol. 11, N 2. – P. 2699–2710. – URL: <https://www.tojdel.net/journals/tojdel/articles/v11i02c/v11i23-08.pdf> (дата обращения: 07.11.2024).

Khodijah A.S. The Influence of Environmental, Social, and Governance Performance on Foreign Investment // Journal of Accounting and Investment. – 2022. – Vol. 24, N 1. – P. 64–83. – DOI: 10.18196/jai.v24i1.16033.

Lee E., Jung C.S., Kwak J. The Role of Trade Associations in Environmental Compliance Under Limited Enforcement:

The case of small businesses // Environmental Policy and Guidance. – 2016. – Vol. 26, N 5. – P. 422–436. – DOI: 10.1002/eet.1723.

Park Y.S., Lee H.S. The Roles of Finance in ESG Management // Asia-Pacific Journal of Financial Studies. – 2023. – Vol. 52, N 2. – P. 354–373. – DOI: 10.1111/ajfs.12436.

Preuss L. Buying into our future: sustainability initiatives in local government procurement // Business Strategy and the Environment. – 2007. – Vol. 16, N 5. – P. 354–365. – DOI: 10.1002/bse.578.

Rating ESG key performance indicators in the airline industry / Caraveo Gomez Llanos A.F [et. al] // Environment, Development and Sustainability. – 2023. – P. 1–25. – DOI: 10.1007/s10668-023-03775-z.

Suttipun M. ESG Performance and Corporate Financial Risk of the Alternative Capital Market in Thailand // Cogent Business & Management. – 2023. – Vol. 10, N 1. – P. 1–13. – DOI: 10.1080/23311975.2023.2168290.

Wang W., Yu Y., Li X. ESG performance, auditing quality, and investment efficiency: Empirical evidence from China // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.948674.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.05

The Impact of International Environmental Standards on Corporate Financial Performance: An Economic and Legal Analysis

Vadim A. GABRIELOV

PhD Student of the Department of International Law
National Research University Higher School of Economics
Myasnickaya Street 20, Moscow, Russian Federation, 101000
E-mail: vadim-gabrielov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5796-7851

CITATION: Gabrielov V.A. (2024). The Impact of International Environmental Standards on Corporate Financial Performance: An Economic and Legal Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 74–91 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.05

Received: 30.07.2024.

Revised: 07.11.2024.

ABSTRACT. *The article focuses on analyzing the relationship between investor reactions to a company's compliance with international environmental standards and its financial performance. This analysis helps determine whether investor responses to a company's actions or inactions regarding such compliance affect its financial efficiency. Using the experiences of Russian and foreign companies as examples, the article describes how adherence to international environmental standards influences business-investor relations and how investor reactions to companies complying with these standards may contribute to the growth of their market capitalization. The analysis examines the connection between investor responses to ESG reports published by companies and performance indicators such as ROA, ROE, and market*

capitalization, drawing on examples from several resource companies, the aviation industry, and the banking sector. The author concludes that compliance with international environmental standards has a positive impact on a company's financial performance, provided that the company maintains relatively stable financial conditions and operates in a favorable economic environment. However, during market crises – such as the pandemic or the imposition of economic sanctions – an effective ESG policy cannot fully prevent a decline in market capitalization. According to the author, the trend of popularizing international environmental standards within the business community is likely to continue, as compliance with such standards can offer companies a tangible market advantage under favorable external conditions.

KEYWORDS: ESG, international environmental standards, international law, sustainable development, sustainable investment, capitalization growth, green investment, ROA, ROE.

References

- A Differentiation of... (2023). Fura B. et al. A Differentiation of the Benefits of ISO 14001 Adoption in Manufacturing Companies. *Humanities and Social Sciences*. Vol. 30, no. 4, part 1, pp. 49–70. DOI: 10.7862/rz.2023.hss.42.
- Almeyda R., Darmansya A. (2019). The Influence of Environmental, Social, and Governance (ESG) Disclosure on Firm Financial Performance. *IPTEK Journal of Proceedings Series*. No. 5, pp. 278–290. DOI: 10.12962/j23546026.y2019i5.6340.
- Anklesaria-Dalal K., Thaker N.A. (2019). ESG and Corporate Financial Performance: A Panel Study of Indian Companies. *The IUP Journal of Corporate Governance*. Vol. 18, no. 1, pp. 1–16. Available at: https://www.researchgate.net/publication/371177996_ESG_and_Corporate_Financial_Performance_A_Panel_Study_of_Indian_Companies, accessed 05.10.2024.
- Apergis N., Poufinas T., Antonopoulos A. (2022). ESG scores and cost of debt. *Energy Economics*. Vol. 112. DOI: 10.1016/j.eneco.2022.106186.
- Ashok S., Dhingra D. (2023). Application of Integrated Reporting – A Case Study of Tata Steel. In: Lee K.H., Senaratne S., Gunarathne N. (eds.). *Integrated Reporting (IR) for Sustainability. Eco-Efficiency in Industry and Science*. Cham: Springer, pp. 141–159. DOI: 10.1007/978-3-031-41833-4_6.
- Bizoumi T., Lazaridis S., Stamou N. (2019). Innovation in Stock Exchanges: Driving ESG Disclosure and Performance. *Journal of Applied Corporate Finance*. Vol. 31, no. 2, pp. 72–79. DOI: 10.1111/jacf.12348.
- Bodhanwala S., Bodhanwala R. (2022). Exploring relationship between sustainability and firm performance in travel and tourism industry: a global evidence. *Social Responsibility Journal*. Vol. 18, no. 7, pp. 1251–1269. DOI: 10.1108/SRJ-09-2020-0360.
- Cai Z.D., Qian M.Y., Wang L.J. (2023). Comprehensive ESG Score and Financial Performance of Carbon-Neutral Concept Enterprises. *Open Journal of Business and Management*. Vol. 11, no. 1, pp. 133–148. DOI: 10.4236/ojbm.2023.111008.
- Coleman L. (2011). Losses from Failure of Stakeholder Sensitive Processes: Financial Consequences for Large US Companies from Breakdowns in Product, Environmental, and Accounting Standards. *Journal of Business Ethics*. Vol. 98, no. 2, pp. 247–258. DOI: 10.1007/s10551-010-0544-8.
- Dewi A.K., Harto P. (2023). The Effect of Environmental, Social, and Governance (ESG) Disclosure on the Company's Market Value in Indonesia. *Jurnal Pamator: Jurnal Ilmiah Universitas Trunojoyo*. Vol. 16, no. 3, pp. 608–619. DOI: 10.21107/pamator.v16i3.19923.
- For whom... (2022). Gubareva M. et al. For whom does it pay to be a moral capitalist? Sustainability of corporate financial performance of ESG investment. *PLoS ONE*. Vol. 18, no. 5. DOI: 10.1371/journal.pone.0285027.
- Hamdi K., Guenich H., Ben Saada M. (2022). Does corporate financial performance promote ESG: Evidence from US firms. *Cogent Business & Management*. Vol. 9, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1080/23311975.2022.2154053.
- Herman B.D. (2022). Meta Ethics: How Ignoring Stakeholder Interests Endangers Meta/Facebook. *Journal of Leadership, Accountability and Ethics*. Vol. 19, no. 3, pp. 58–72. DOI: 10.33423/jlae.v19i3.5442.
- Jiang P.-C. (2024). National ESG index update: An assessment of the G20 countries. *Innovation and Green Develop-*

ment. Vol. 3, no. 2, article 100147. DOI: 10.1016/j.igd.2024.100147.

Kelkar V., Katole H.J. (2023). An overview of non-financial reporting practices around the world. *The Online Journal of Distance Education and e-Learning*. Vol. 11, no. 2, pp. 2699–2710. Available at: <https://www.tojdel.net/journals/tojdel/articles/v11i02c/v11i23-08.pdf>, accessed 07.11.2024.

Khodijah A.S. (2022). The Influence of Environmental, Social, and Governance Performance on Foreign Investment. *Journal of Accounting and Investment*. Vol. 24, no. 1, pp. 64–83. DOI: 10.18196/jai.v24i1.16033.

Kolodnjaja G.V. (2023). ESG-transformation in Russian business. *Economics: Theory and Practice*. Vol. 69, no. 1, pp. 10–16 (in Russian). DOI: 10.31429/2224042X_2023_69_10.

Lee E., Jung C.S., Kwak J. (2016). The Role of Trade Associations in Environmental Compliance Under Limited Enforcement: The Case of Small Businesses. *Environmental Policy and Guidance*. Vol. 26, no. 5, pp. 422–436. DOI: 10.1002/eet.1723.

Park Y.S., Lee H.S. (2023). The Roles of Finance in ESG Management. *Asia-Pacific Journal of Financial Studies*. Vol. 52, no. 2, pp. 354–373. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajfs.12436>.

Preuss L. (2007). Buying into our future: sustainability initiatives in local government procurement. *Business Strategy and the Environment*. Vol. 16, no. 5, pp. 354–365. DOI: 10.1002/bse.578.

Rating ESG... (2023). Caraveo Gomez Llanos A.F. et al. Rating ESG key performance indicators in the airline industry. *Environment, Development and Sustainability*. P. 1–25. DOI: 10.1007/s10668-023-03775-z.

Suttipun M. (2023). ESG Performance and Corporate Financial Risk of the Alternative Capital Market in Thailand. *Cogent Business & Management*. Vol. 10, no. 1, pp. 1–13. DOI: 10.1080/23311975.2023.2168290.

Wang W., Yu Y., Li X. (2022). ESG performance, auditing quality, and investment efficiency: Empirical evidence from China. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.948674.

УДК 339.543

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.06

Совершенствование регулирования международной торговли в условиях перехода к зеленой экономике

Юлия Сергеевна ТИЩЕНКО

аспирант, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института
Российская таможенная академия

Комсомольский проспект, д. 4, г. Люберцы, Московская область, Российская
Федерация, 140015

E-mail: yus.krasnoslobodceva@customs-academy.ru

ORCID: 0009-0005-4463-2100

ЦИТИРОВАНИЕ: Тищенко Ю.С. Совершенствование регулирования международной торговли в условиях перехода к зеленой экономике // Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 92–110.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.06

Статья поступила в редакцию 29.07.2024.

Исправленный текст представлен 30.09.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены ключевые текущие и перспективные направления развития международной торговли в условиях перехода к концепции зеленой экономики. Исследование текущего состояния перехода к зеленой экономике показывает, что, несмотря на существование достаточно обширного перечня исследований и теоретических разработок, во-первых, остается до конца неясным, какую продукцию следует относить к категории экологических товаров, составляющих основу «зеленой» торговли, а во-вторых, до сих пор не предпринято действенных шагов по внедрению каких-либо правил и основ регулирования международной торговли в условиях перехода к зеленой экономике. Автором высказывается мнение о том, что необходимо категорирование товаров с точки зрения экологии для лучшего

регулирования международной торговли в современных условиях. В качестве наиболее универсального и эффективного регулятора международной торговли в данной статье рассматривается Гармонизированная система описания и кодирования товаров. Цель исследования состоит в разработке предложений и рекомендаций по совершенствованию регулирования внешней торговли в условиях перехода к зеленой экономике на примере модернизации Гармонизированной системы описания и кодирования товаров. Предложены практические рекомендации по разработке подхода к внедрению ключевых положений зеленой экономики в таможенную деятельность. Выводы статьи имеют теоретическое значение, поскольку содержат формулировку общего подхода к стратегическому пересмотру Гармонизированной системы,

а также прикладное значение, поскольку содержат практические рекомендации по включению терминов и их определений в тексты Гармонизированной системы описания и кодирования товаров и иных международных документов в сфере международной торговли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Гармонизированная система описания и кодирования товаров, зеленая экономика, устойчивое развитие, циркулярная экономика, стратегический пересмотр, экологические товары, таможенное регулирование.*

Введение

На сегодняшний день активно проводятся исследования степени негативного воздействия деятельности человека на окружающую среду. При этом под такой деятельностью понимается производство и потребление товаров, в том числе их трансграничное перемещение. Высказываются мнения о переходе на осознанное потребление, а также на использование энергосберегающих технологий. Важную роль в вопросах экологии также играет тема отходов, которые стремятся безопасно утилизировать либо использовать во вторичном производстве. Идеи экологичной торговли получили свою реализацию в концепции так называемой зеленой экономики, которая призвана трансформировать сложившиеся производственные модели под цели устойчивого развития и «зеленого роста». Концепция способствует улучшению экологии, снижению риска природных катастроф и обеспечению устойчивого развития общества.

Важным шагом навстречу устойчивому развитию в рамках экологической повестки стал запуск проекта «Зеленая таможня» на площадке Всемирной таможенной организации (ВТамО), который представляет собой иннова-

ционную и актуальную инициативу, направленную на содействие развитию экологически устойчивых таможенных процедур. Основная цель этой программы заключается в улучшении экологической безопасности и содействии устойчивому развитию внешнеэкономической деятельности посредством внедрения новых методов и технологий. Одним из вопросов, обсуждаемых в рамках инициативы, стало обновление Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (ГС).

ГС является одним из важнейших торговых инструментов, который обеспечивает не только таможенное регулирование трансграничного перемещения товаров, но и упрощает ведение статистики мировой торговли товарами. Исходя из этого, справедливо отметить, что одним из приоритетных направлений совершенствования регулирования международной торговли должно стать обновление ГС. В целом исследование теоретических аспектов разработки и ведения ГС в рамках современной экологической повестки имеет большое практическое значение для участников внешнеэкономической деятельности, таможенных органов и научного сообщества, поскольку будет способствовать выявлению проблемных аспектов и выработке практических рекомендаций по модернизации номенклатуры.

Развитие международной торговли в условиях мировой экологической повестки

В последнее время вопросы экологии всё чаще рассматриваются в контексте международной торговли. Действительно, значительные объемы производства и расширение транспортной инфраструктуры в рамках международных цепей поставок, генерируемые торговой деятельностью, породили ряд глобальных экологических проблем.

Таблица 1. Международные инициативы в области экологической повестки в торговле

Table 1. International initiatives in the field of environmental agenda in trade

Инициатива	Описание
Межправительственные органы	
Комитет по торговле и окружающей среде ВТО	создан для продвижения устойчивого развития
Центр по окружающей среде и торговле ООН	механизм осуществления деятельности Программы ООН в области торговли
Документы и инициативы	
Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН	цель 12 призывает к ответственному производству и потреблению, включая учет влияния торговли на окружающую среду
Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП)	разрешение проблем окружающей среды на международном уровне путем поощрения «зеленых» инициатив в торговле
Соглашение об Изменении климата, торговле и устойчивости (ACCTS)	включает отмену тарифов на товары природоохранного назначения, обязательства по предоставлению экологических услуг, субсидии на ископаемое топливо, разработку программ добровольной экомаркировки
Инициативы стран АТЭС	с 2016 г. АТЭС взял на себя обязательство снизить тарифы до 5% на 54 товара стоимостью около 300 млрд долл. для поощрения региональной «зеленой» торговли

Источник: составлено автором.

По мнению различных ученых, торговля как таковая представляет угрозу для окружающей среды, поскольку в условиях рыночной экономики производители озадачены увеличением прибыли, они в наименьшей степени обеспокоены наносимым их деятельностью ущербом для окружающей среды [Нигоян, 2022; Пакина, Горбанёв, 2019; Norouzi, 2021]. В то же время создаются юридические лазейки, способствующие процветанию протекционизма под маской озабоченности вопросами экологии.

На протяжении ряда последних лет проходили многочисленные дебаты в отношении совместимости вопросов охраны окружающей среды и правил международной торговли. На сегодняшний день переговоры и регулиро-

вание подобных вопросов происходят преимущественно в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). В Марракеше в апреле 1994 г. было подписано Решение о торговле и окружающей среде, в котором указывается на недопустимость противоречий между развитием мировой торговли и поддержанием и защитой окружающей среды¹.

В последнее время растет внимание к вопросам защиты окружающей среды и устойчивого развития в международной торговой повестке. Приведем некоторые примеры таких инициатив, которые условно можно разделить на два направления: создание специализированных органов по содействию «зеленой» торговле и документы и соглашения, направленные на реализацию экологической повестки (таблица 1).

1 Решение ВТО по торговле и окружающей среде (Марракеш, 14 апреля 1994 года). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/499018845> (дата обращения: 12.06.2024).

В 1984 г. впервые была представлена концепция зеленой экономики, которая определялась как «система экономической деятельности, связанной с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, которая приводит к улучшению благосостояния человека в долгосрочной перспективе, не обременяя будущие поколения значительными экологическими рисками и экологическим дефицитом» [Porter, Vanderlinde, 1995]. Суть зеленой экономики заключается в достижении роста благосостояния общества и его членов при одновременном уменьшении негативного воздействия на окружающую среду за счет снижения уровня потребления различных экологических ресурсов.

В обобщающем докладе для представителей властных структур «Навстречу зеленой экономике» Программы ООН по окружающей среде зеленая экономика определяется как экономика, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение. Это «низкоуглеродная, ресурсоэффективная и социально инклюзивная экономика»².

В ежегодном докладе UNEP в 2009 г. отмечалось, что зеленая экономика – это «система экономических мероприятий, связанных с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, которая приводит к повышению благосостояния человека в долгосрочной перспективе, не подвергая будущие поколения значительным экологическим рискам или экологическо-

му дефициту»³. В определении термина «зеленая экономика» сделан акцент на экономический аспект устойчивого развития, который состоит в том, что экономический рост и охрана окружающей среды могут быть взаимодополняющими стратегиями. В общем виде концепция зеленой экономики представлена на рисунке 1.

Обобщая характеристики и цели зеленой экономики, выдвинутые в различных докладах и публикациях, можно в общем виде определить зеленую экономику как «модель экономического развития, основанную на устойчивом развитии, комплексном подходе к процессу принятия решений, улучшении качества жизни в условиях ресурсосбережения и ресурсоэффективности с использованием новых технологий и инноваций» [Dai, Zhang, Zhang, 2021].

В попытке сократить выбросы загрязняющих веществ и сделать производство более экологичным ВТО выдвинула важность экологических товаров и услуг на передний план глобальных переговоров. После десятилетних дискуссий 46 стран – членов ВТО начали переговоры о принятии Соглашения об экологических товарах (EGA) в 2014 г., целью которого является отмена тарифов на ряд важных экологических продуктов⁴. Ожидаемым результатом является увеличение использования инвестиционного потенциала таких товаров. Экологичные, или зеленые, товары предназначены для минимизации негативного воздействия на окружающую среду на протяжении всего жизненного цикла, в том

2 Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication – A Synthesis for Policy Makers // UNEP Report. – 2011. – 52 p. – URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/12099/GLOCIGESummaryPolicyMakers.pdf?sequence=1&3BisAllowed=> (дата обращения: 21.06.2024).

3 Глобальный зеленый новый курс // Доклад UNEP. – 2009. – 42 с. – URL: https://www.unclearn.org/wp-content/uploads/library/unep90_rus.pdf (дата обращения: 03.06.2024).

4 Environmental goods agreement. – URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/envir_e/ega_e.htm (дата обращения: 15.07.2024).

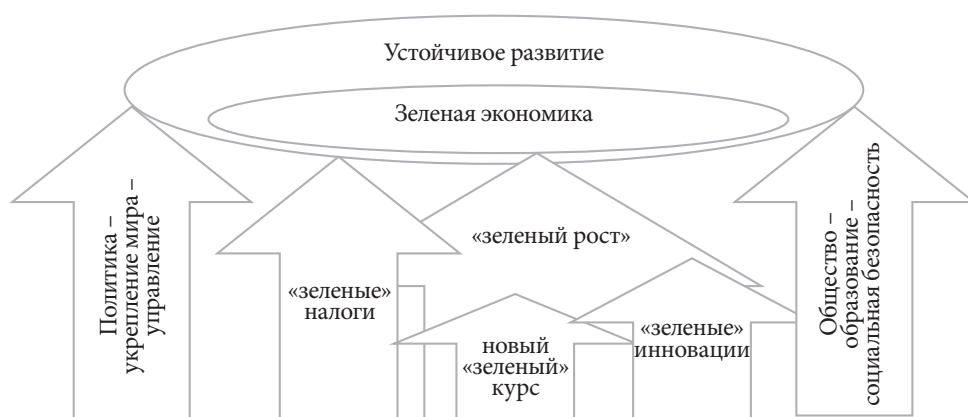

Рисунок 1. Концепция зеленой экономики

Figure 1. The concept of green economy

Составлено автором на основе: Глобальный зеленый новый курс. – UNEP, 2009. – 42 с. – URL: https://www.unclearn.org/wp-content/uploads/library/unep90_rus.pdf (дата обращения: 03.06.2024).

числе при их утилизации. Термин «экологичный товар» относится к продукту, который имеет, согласно EGA, несколько из приведенных характеристик:

- натуральные ингредиенты заменены искусственными ингредиентами;
- в процессе производства практикуется экономичное использование энергии и водоснабжения;
- не образует токсичных побочных продуктов;
- получен в непосредственной близости от используемых ресурсов (то есть исключается фактор длительной транспортировки);
- включает в себя упаковку, безопасную для окружающей среды;
- безопасен для окружающей среды;
- является возобновляемым и биоразлагаемым;
- не изготовлен из вредных (токсичных) материалов;
- имеет меньшую долю или вообще не имеет в составе пластика.

При этом необходимо понимать, что на 100% экологически чистый товар произвести практически невоз-

можно, поскольку процесс его производства так или иначе будет иметь воздействие на окружающую среду. Однако снизить степень такого влияния вполне реально.

Для идентификации экологических товаров сегодня используются так называемые эко-лейблы, содержащие информацию о степени влияния товара на окружающую среду. Такая маркировка раскрывает особенности способа и технологии производства таких товаров, их переработки, упаковки или транспортировки, а также включает в себя руководство по утилизации. Использование эко-лейблов создает благоприятную репутацию компании (*eco-friendly*), соответствует экологическим и социальным ценностям потребителей при принятии решения о покупке, стимулирует производителей более тщательно соблюдать экологические нормы и стандарты. Однако стоит отметить, что одной из основных проблем повсеместного внедрения эко-лейблов является отсутствие единого международного стандарта

для их регулирования. Помимо этого, для внедрения эко-лейблов многим развивающимся странам в ряде отраслей требуется техническая поддержка, включая проведение испытаний, экологический аудит, анализ жизненного цикла продукта, сертификация и участие в международных технических комитетах [Deere Birkbeck, 2021].

В то же время для перехода к зеленой экономике PAGE (*Partnership for action on green economy*/«Партнерство для действий по зеленой экономике») разработала методологию измерения прогресса зеленой экономики (GEP), чтобы помочь странам оценить общий прогресс и обеспечить возможность сравнения прогресса между странами. Среди экономических критериев, составляющих оценку прогресса, стоит обратить на «зеленую» торговлю как показатель доли экспорта экологических товаров в общем объеме экспорта страны. В данном контексте под экологичными товарами понимаются товары из списков стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). АТЭС утвердило в 2011 г. список из 54 экологических товаров, которые непосредственно и положительно способствуют достижению целей «зеленого» роста и устойчивого развития. Список охватывает некоторые товарные субпозиции групп 44, 84, 85 и 90 ГС в редакции 2007 г.⁵ Отметим, что список не обновлялся с момента принятия. В свою очередь ОЭСР составила «Общий список экологических товаров» (ОСЭТ) из 268 шестизначных позиций ГС, хотя при этом около 60% этих товаров относятся к семи отрас-

лям, определенным как отрасли с высоким уровнем выбросов CO₂.

Вопрос «зеленых» (или экологических) товаров также рассматривается в рамках концепции экономики замкнутого цикла (ЭЦЗ, циркулярная экономика), которая основана на повторном использовании, восстановлении и переработке ресурсов с целью минимизировать отходы, снизить потребление новых материалов и уменьшить негативное воздействие на окружающую среду. В циркулярной экономике процессы превращения отходов в ресурсы становятся основой для устойчивого развития, где экономические потребности удовлетворяются с учетом возобновляемых ресурсов и минимального воздействия на окружающую среду [Ильина, 2022]. В рамках данной концепции под экологичными товарами понимаются циркулярные (восстановленные) товары, которые можно условно разделить на четыре группы⁶:

1. Товары, бывшие в употреблении (могут быть переработаны для повторного использования, ремонта, восстановления или модернизации, могут предназначаться к эксплуатации в качестве вторичного сырья).

2. Восстановленные (отремонтированные) товары.

3. Вторичное сырье (материалы, обычно применяемые в производственном процессе в качестве замены или дополнения к новым материалам).

4. Отходы и лом.

Производство циркулярных товаров способствовало созданию соответствующих бизнес-моделей, в основу которых, как правило, заложена концепция *cradle to cradle* (C2C, «от колы-

5 ANNEX C – APEC List of Environmental Goods. – URL: https://www.apec.org/meeting-papers/leadersdeclarations/2012/2012_aelm/2012_aelm_annexc (дата обращения: 15.07.2024).

6 International Institute for Sustainable Development Published by the International Institute for Sustainable Development. Code Shift: The environmental significance of the 2022 amendments to the Harmonized System // IISD report. – 2020. – 30 p. – URL: <https://www.iisd.org/system/files/publications/code-shift-2022-harmonizedsystem.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

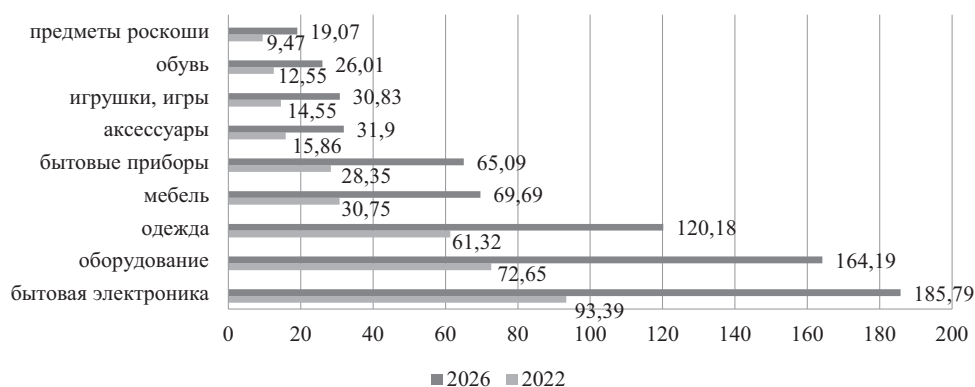

Рисунок 2. Динамика торговли циркулярными товарами (2022–2026)

Figure 2. Dynamics of trade in circular goods (2022–2026)

Составлено автором на основе: Top 8 Circular Economy Trends & Innovations in 2023 // StartUs insights. – 2021. – June 6. – URL: <https://www.startus-insights.com/innovators-guide/top-8-circular-economy-trends-innovations-in-2021/> (дата обращения: 15.07.2024).

бели к колыбели»)), которая предполагает, что процесс утилизации товара по окончании срока службы превращается в процесс его дальнейшей переработки для последующего потребления в новом качестве. В рамках таких бизнес-моделей, как апсайклинг и даунсайклинг, происходит вторичная переработка продукции, в результате которой получается продукт более высокого или более низкого качества по сравнению с исходным. Также существует концепция промышленного симбиоза, где побочные продукты одной компании используются в качестве ресурсов для производства другой компании, образуя замкнутый цикл.

Аналитики прогнозируют значительный рост объемов торговли циркулярными товарами к 2026 г. по сравнению с 2022 г. (рисунок 2) [Ediboğlu, 2020]. По их оценке, произойдет увеличение объемов торговли различными категориями товаров, которые могут быть классифицированы как «бывшие в употреблении товары», более чем в 2 раза. Соответственно, мировая торговля данными товарами аналогичным образом покажет двукратное увеличение.

Спрос на циркулярные товары особенно высок в развивающихся странах, что объясняется возможностью покупки качественных бывших в употреблении товаров по более низкой цене, чем новых товаров с низким качеством за ту же стоимость [Кузнецова, 2023]. Однако торговля такими товарами может столкнуться с рядом препятствий, таких как высокие импортные пошлины, нетарифные торговые ограничения (например, запрет на импорт или экспорт) и сложные административные процедуры.

Среди мер, отвечающих целям перехода к зеленой экономике, принято выделять сокращение выбросов CO₂ в атмосферу, торговлю экологичными товарами, переход к циркулярной экономике и возобновляемым источникам энергии. При этом можно заключить, что существуют три категории товаров в рамках зеленой экономики: «зеленые» (не наносящие ущерб окружающей среде, способствующие ее защите), циркулярные (восстановленные, переработанные) и экологически чувствительные (несущие угрозу окружающей среде).

Роль Гармонизированной системы описания и кодирования товаров как инструмента таможенного регулирования международной торговли в условиях перехода к зеленой экономике

В условиях повышенного интереса к проблемам экологии, которые во многом вызваны ростом товарооборота во внешней торговле на фоне развития технологий и увеличения масштабов производства, возрастает роль таможенной службы, которой отводится регулирование товаропотока через таможенные границы государств и выявление экологически опасных и, наоборот, экологически чистых товаров для применения к ним соответствующих мер регулирования. На сегодняшний день выработано два подхода к учету экологических товаров и стимулированию их производства. Первый подход заключается в снижении (отмене) тарифов на экологические категории товаров на основе их выборки среди товаров, поименованных в ГС. Другой подход заключается в выделении таких товаров на уровне ГС в отдельные классификационные группировки, что позволит более точно классифицировать товары в международной торговле и целенаправленно применять меры таможенно-тарифного регулирования.

По мере увеличения нормативных правовых документов в сфере охраны окружающей среды, направленных на ограничение или запрет перемещения экологически вредных товаров через таможенные границы государств, а также на содействие поставкам «зеленых» товаров, будет возрастать ответственность и функционал таможенных органов. Из этого следует, что способность правительств эффективно кон-

тролировать торговые потоки на основе экологических характеристик, а также анализа последствий от их реализации (утилизации) будет зависеть от ресурсного обеспечения таможенных служб, которое могло бы позволить им корректно устанавливать свойства товаров и их влияние на окружающую среду [Игнатова, Ногай, 2021]. Однако такой контроль со стороны таможенных органов представляется весьма затруднительным, поскольку зачастую характеристики экологичности могут относиться не к самому товару как таковому, а к способу его производства, проверка которого не входит в компетенцию таможенной службы.

В свою очередь, регулирование торговли «зелеными» товарами является предметом активного обсуждения в рамках инициативы ВТамО «Зеленая таможня», запущенной в 2004 г. как беспрецедентное неформальное партнерство международных организаций, сотрудничающих в целях предотвращения незаконной торговли экологически чувствительными товарами и веществами (такими как токсичные химикаты, вещества, разрушающие озоновый слой, виды, находящиеся под угрозой), а также содействия легальной торговле [Тищенко, 2023а]. Основными направлениями и целями «зеленого перехода» в таможенной сфере, согласно направлениям деятельности ВТамО в рамках проекта «Зеленая таможня», можно назвать:

- возрастание роли таможенных служб на фоне увеличения количества двусторонних экономических соглашений;
- увеличение количества мер по защите окружающей среды, связанных с торговлей (например, оценка рисков помещения товаров под различные таможенные процедуры, разрешительный порядок импорта и экспорта, запреты и квоты);

- необходимость мониторинга потоков «зеленых» товаров;
- прозрачность и прослеживаемость цепочек поставок;
- классификация экологических товаров;
- упрощение соблюдения экологических требований для товаров, предназначенных для повторного использования, восстановления или переработки.

В данном контексте важное значение приобретает актуализация товарной номенклатуры ГС, которая позволила бы упростить процесс идентификации и классификации товаров в целях содействия экологической безопасности. В связи с этим одним из направлений работы ВТамО стало обсуждение возможности включения вопросов экологии в повестку сессий Комитета по ГС (КГС) в связи со стратегическим пересмотром ГС⁷. Для достижения этой цели Директорат по тарифам и торговле при финансовой поддержке Европейского союза организовал серию симпозиумов на тему «Экологизация ГС» с октября 2022 г. по январь 2023 г., чтобы подробно обсудить преимущества модификации ГС с целью идентификации экологических товаров, эффективности в реализации экологической политики, связанной с торговлей по всему миру.

Одним из существенных препятствий для торговли товарами в рамках зеленой экономики является невозможность их идентификации ввиду отсутствия четких критериев отнесения товаров к таковым (и, соответственно, определение таких

товаров), а значит, невозможность их выделения в номенклатуре ГС [Тищенко, 2023b], что влечет за собой недостоверное таможенное декларирование и создание серых зон. Данный факт объясняется отсутствием международных стандартов, в которых содержались бы терминология и результаты испытаний по определению степени переработки товаров. Кроме того, не разработан надежный инструмент, позволяющий с точностью определить назначение материалов: для переработки, восстановления, модернизации, ремонта или захоронения [Kellenberg, 2012]. В данном контексте также важным становится вопрос о том, является ли информация, содержащаяся в наименованиях товарных позиций и субпозиций ГС, исчерпывающей с точки зрения возможности использования товаров для вторичной переработки или восстановления.

Рассмотрим текущую версию ГС 2022 г.⁸ Во-первых, нужно отметить ряд поправок, которые были приняты для седьмой редакции ГС в рамках экологической повестки. Одним из таких изменений стало включение белка насекомых в группы 02, 04 и 16. Также ГС 2022 г. заменяет субпозицию «неэлектрические изделия из графита или другого углерода» (6815.10) новым, расширенным набором субпозиций, включающих углеродные волокна (6815.11), полотна из углеродных волокон (6815.12) и прочие изделия из углеродных волокон (6815.13). Такая расширенная спецификация позволяет собрать больше информации о торговле изделиями из углеродного

7 Успешное завершение Всемирной конференции «Зеленая таможня» // Региональное бюро по созданию потенциала для ВТамО. Регион Европы. – 2022. – 5 июля. – URL: <https://rocb-europe.org/ru/uspeshnoezavershenie-vsemirnoy-konferentsii-zelenaya-tamozhnya> (дата обращения: 15.07.2024).

8 Таможенная «перекодировка». О том, что изменилось в седьмой редакции ТН ВЭД, как правильно классифицировать товар и почему не стоит «играть в молчанку» с таможен // Логистика в России. – 2022. – 19 января. – URL: https://logirus.ru/articles/ved/tamozhennaya_perekodirovka.html (дата обращения: 04.07.2024).

волокна, материала, который всё чаще используется в качестве заменителя более тяжелых металлов или стеклянных композитов при производстве самолетов, автомобилей и лопастей ветряных турбин.

На сегодняшний день в ГС выделены отдельные товарные позиции для химических веществ, перечисленных в Приложении III к Роттердамской конвенции, и созданы гармонизированные списки таких веществ для упрощения контроля за их перемещением.

ГС также дифференцирует продукты в зависимости от того, как они были произведены, но только для некоторых промышленных товаров: солнечные водонагреватели (8419.12 и 8419.19), каталитические нейтрализаторы (8421.32), светочувствительные полупроводники (8541.42 и 8541.43, 8501.71, 8501.80), печи и сушильные шкафы для переработки отходов или загрязняющих веществ (8514.10, 8514.20 и 8514.30), светодиоды (8541.41, 8539.51, 8539.52), а также некоторые типы светильников, предназначенные для использования со светодиодами, электроавтомобили (8701, 8704), масс-спектрометры (9027.81, 9027.89).

Кроме того, среди 5612 кодов ГС 2022 г. предусмотрен только один код для восстановленного товара – шины с восстановленным протектором (товарная позиция 40.12) и одна товарная позиция 63.09 для товаров, бывших в употреблении (одежда и прочие изделия, бывшие в употреблении). Стоит отметить, что товары, бывшие в употреблении, могут быть выделены в национальных номенклатурах на основе ГС. Например, в Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) содержатся коды для бывших в употреблении двигателей (детализация субпозиций

8407.10, 8408.10, 8408.90), оборудования субпозиции 8443.13, транспортных средств субпозиции 8607.19 и музыкальных инструментов субпозиции 9201.10.

Также в 31 из 99 групп ГС содержатся субпозиции, в которых классифицированы различные виды отходов и лома. Стоит отметить, что редакция ГС 2022 г. содержит новую товарную позицию 85.49 (и примечания 6 к Разделу 16) для отходов и лома электротехнических и электронных изделий, которая представляет собой одну из наиболее быстрорастущих категорий отходов. Это крупное изменение способствует повышению прозрачности торговых потоков таких отходов, поддержке таможенного контроля в отношении этого опасного товара через границы и получению точных данных о торговле. При этом электронные отходы также могут быть ключевым компонентом трансформации экономики в циркулярную: имея высокое экономическое значение, они легко перерабатываются и позволяют извлекать высококачественные драгоценные металлы.

Особый интерес представляет используемый в ГС термин «отходы городского хозяйства» (субпозиция 3825.10), к которым относятся отходы, собираемые с объектов городской инфраструктуры и уличный мусор.

Также отметим, что субпозиции ГС для пластиковых отходов подразделены только по трем типам полимеров (этилен, винилхлорид, стирол). Следовательно, различия между техническими характеристиками конкретных полимеров, содержащихся в отходах, не определены, вследствие чего многие виды пластиковых отходов отнесены к категории «прочие». Это означает, что многие виды пластиковых отходов, как подлежащих утилизации, так и пригодных для вторичной пере-

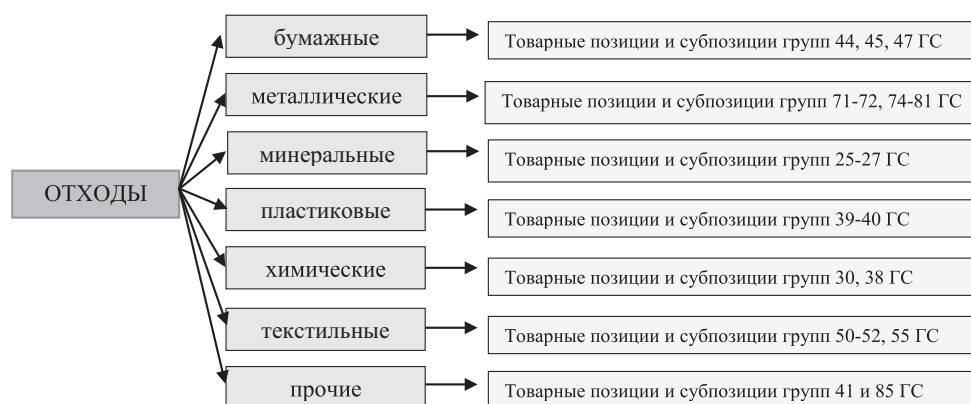

Рисунок 3. Типология отходов по кодам ГС согласно Д. Келленбергу

Figure 3. Typology of waste according to HS codes according to D. Kellenberg

Составлено автором по: [Kellenberg, 2012, p. 68–87].

работки, при сборе торговых данных считаются равнозначными, что усложняет задачу дальнейшего совершенствования регулирования государствами торговли пластиковыми отходами.

Кроме этого, также в ГС не выделяются отходы:

- образованные из опасных веществ;
- загрязненные опасными веществами;
- из смешанных или остаточных веществ;
- содержащие CO_2 или другие вредные химические добавки.

Также в ГС не отражено различие между отходами и остатками от процесса производства с возможным потенциалом цикличности (то есть вторичное сырье). По мнению американского исследователя Д. Келленберга, инструмент ГС может помочь идентифицировать 62 типа отходов, которые можно сгруппировать в более широкие категории отходов (рисунок 3): химические, металлические, бумажные, пластмассовые, текстильные и другие (Kellenberg D., 2012).

Однако такая группировка имеет теоретическую значимость и охватывает не все виды отходов, обрабатываемых в международной торговле. Также стоит отметить, что существуют три возможных варианта обращения с отходами: переработка, экспорт, утилизация внутри страны. Отходы экспортируются по двум возможным причинам: для переработки в материалы в иностранном государстве или для утилизации в иностранном государстве. Данные характеристики важны для торговли в рамках ЭЗЦ, поэтому представляется целесообразным детализировать отходы (по крайней мере, наиболее востребованные в промышленных отраслях) по назначению, то есть разделять отходы для утилизации и отходы для последующей переработки (вторичное сырье).

Важную работу в данном направлении ведет Секретариат Базельской конвенции (Конвенция), поскольку одной из проблем на текущий момент является отсутствие гармонизации между классификационными кодами ГС и списками, закрепленными в Конвенции. Классификация отходов в ГС

рассматривает их как товары (объекты, имеющие ценность). При этом целью Конвенции является правильное захоронение (утилизация) отходов, которые содержатся в ее списках. Иными словами, отходы не рассматриваются как объекты торговли, а, наоборот, обесцениваются. Данное противоречие создает определенные сложности для таможенных служб при классификации отходов. Попытки, направленные на лучшее согласование кодов ГС и положений Конвенции, предпринимаются с 2013 г. В частности, в повестку дня сессий Подкомитета по пересмотру ГС ВТАМО 2022–2023 гг. Секретариатом Базельской конвенции были вынесены такие вопросы, как возможные поправки к ГС в отношении отработанных пневматических шин и в отношении пластиковых отходов. Целью поправки в отношении пневматических шин было изменение примечаний к группе 40 таким образом, чтобы можно было различать отработанные шины и шины, бывшие в употреблении и пригодные для дальнейшего использования, для чего договаривающиеся стороны Конвенции о ГС предлагали различные отличительные критерии, характеризующие степень износа шин. В отношении пластиковых отходов предлагалось установить критерии или предельную величину, что указывало бы на «опасный характер» таких отходов и позволило бы их правильно утилизировать.

Следовательно, необходимо разработать некоторые практические рекомендации, которые позволили бы усовершенствовать ГС и адаптировать ее к торговле в рамках зеленой экономики с целью отражения новых экономических реалий в фундаментальном торговом инструменте.

Стратегический пересмотр ГС в условиях перехода к зеленой экономике

На основании проведенного в работе анализа можно заключить, что на сегодняшний день экоповестка приобрела особую роль и значимость во внешнеэкономической деятельности. Особое внимание уделяется трансграничному перемещению опасных с экологической точки зрения товаров, а также подчеркивается значительный вклад таможенной службы в переходе к зеленой экономике [Ронжина, Курбанов, Рагимов, 2021]. Однако в условиях наметившегося переосмысления принципов производства и торговли товарами наблюдается ряд существенных противоречий, препятствующих активной деятельности в данном направлении.

Первый и основной вопрос заключается в отсутствии четкого определения терминов «экологические товары», «циркулярные товары» и «экологически чувствительные товары». Как уже было отмечено, под циркулярными товарами понимаются товары, полученные в процессе переработки либо бывшие в употреблении. Экологически чувствительные товары и экологические товары выделены в отчете канадского Международного института устойчивого развития 2020 г. как группы товаров, контроль за которыми способен обеспечить экологическую безопасность⁹.

Под экологически чувствительными товарами понимают: 1) потенциально опасные химические вещества (регулируются Монреальским протоколом, Роттердамской конвенцией); 2) тропическую древесину (породы древесины, торговля которыми регулируется Кон-

9 Code Shift: The environmental significance of the 2022 amendments to the Harmonized System // IISD report. – 2020. – 30 p. – URL: <https://www.iisd.org/system/files/publications/code-shift-2022-harmonizedsystem.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

Таблица 2. Категории товаров в рамках зеленой экономики и их определения
Table 2. Categories of goods within the green economy and their definitions

Категория товаров	Определение термина	Примеры
Экологически чувствительные товары	товары, избыточное производство или потребление которых может нанести непоправимый ущерб окружающей среде	• потенциально опасные химические вещества (списки Монреальского протокола, Роттердамской конвенции); • тропическая древесина (список СИТЕС) • редкие виды флоры и фауны (Международная Красная книга) • опасные отходы (список Базельской конвенции)
Экологические товары	товары, предназначенные для производства экологически чистых товаров или получения альтернативных ресурсов	на сегодняшний день это товары из списка АТЭС, однако он нуждается в обновлении; к таким товарам следует отнести солнечные панели, печи и сушильные шкафы для переработки отходов или загрязняющих веществ, светодиоды (позволяют экономить электроэнергию), а также альтернативные продукты питания (белковые продукты на растительной основе, съедобные насекомые и изделия из них)
Циркулярные товары	товары, предназначенные для повторного использования	• товары, бывшие в употреблении; • восстановленные (отремонтированные); • вторичное сырье; • отходы и лом

Источник: составлено автором.

венцией о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС); 3) опасные отходы (регулируемые Базельской конвенцией). Иными словами, к данной категории отнесены товары, избыточное производство или потребление которых может привести к необратимым последствиям в отношении состояния экологии.

Экологическими товарами обычно считаются товары, которые фигурируют в большом проценте номинальных списков, разработанных странами АТЭС и странами – членами ВТО для целей торговых переговоров. Следует отметить, что существующие списки включают только товары, которые были произведены или обработаны относительно экологически чистым способом (например, с использованием возобновляемых источников энергии), но в остальном неотличимы от продуктов, произведенных или обработанных любым другим относительно «загряз-

няющим» способом (например, с использованием ископаемого топлива). Отсюда следует, что произвести идентификацию товара по данному критерию крайне затруднительно.

В связи с изложенным для активного использования рассмотренных терминов в торговой практике необходимо юридическое закрепление их определений в международных документах и, в частности, в ГС. В таблице 2 нами предложены наиболее универсальные, с нашей точки зрения, определения, раскрывающие сущность товаров в рамках концепции зеленой экономики.

Логичное разграничение категорий товаров позволило бы разработать новый подход к их таможенно-тарифному регулированию.

Другой важной проблемой является хаотичность внесения поправок в ГС, касающихся вопросов экологии, что приводит к отсутствию торговой статистики, важной для отраслей про-

мышленности, и увеличению вероятности возникновения трудностей с классификацией. На сегодняшний день принимаемые изменения включают в себя поправки, которые выделяют некоторые отдельные товары из существующих субпозиций. При этом отсутствует какая-либо систематичность и логика во внесении таких поправок. По нашему мнению, данная проблема также связана с отсутствием терминов, введение которых позволило бы несколько упорядочить сами поправки и трансформировать ГС в соответствии с целями экологизации.

В данном контексте предлагается провести анализ субпозиций ГС, выделенных на национальном уровне договаривающимися сторонами, в Конвенции о ГС с целью выявления уже поименованных циркулярных, экологических и экологически чувствительных товаров. Также представляется целесообразным выделить категории товаров, которые поставятся на мировой рынок для повторного использования путем взаимодействия региональных таможенных служб и бизнес-сообщества. Например, это могут быть детские аттракционы, передвижные трибуны, товары для украшения улиц и помещений, игровые и торговые автоматы, оборудование, товары групп 93 и 94 и т.д. [Тищенко, 2023b]. На основании полученных данных следует провести работу по выделению новых субпозиций на уровне ГС, а также реструктуризации некоторых товарных групп. Кроме того, требуется введение таких терминов, как «отходы», «вторичное сырье», «восстановленные товары».

Важная часть работы таможенных органов также связана с идентификацией рассматриваемых товаров на границе с целью их классификации. Идентификация товара в рамках перехода к зеленой экономике может быть осложнена ввиду отсутствия общепри-

нятых стандартов и критериев оценки пригодности такого товара для повторного использования. Для этого требуется создание международных стандартов, которые будут включать уровень качества отходов и лома для использования в качестве вторичного сырья, точную информацию о возрасте повторно используемых товаров и т.д. Также целесообразно внедрить систему прослеживаемости, которая позволит иметь доступную информацию о всех циклах использования конкретного товара и позволит оценить возможность его применения в дальнейшем.

В совокупности перечисленные выше меры будут способствовать развитию зеленой экономики и экологизации ГС с учетом реалий и перспектив развития международной торговли в современных условиях.

Заключение

Обеспечение экологической безопасности является задачей всего мирового сообщества. В последнее время этому вопросу уделяется всё больше внимания ввиду усиленного загрязнения окружающей среды различными производствами. Одним из направлений по переходу на новую экономическую модель, подразумевающую вторичную переработку, сокращение выбросов опасных веществ и усиленный контроль за соблюдением численности редких видов флоры и фауны, стала экологизация ГС в рамках проекта «Зеленая таможня» ВТамО. Многие значимые с точки зрения защиты окружающей среды товары были выделены на уровне субпозиций в седьмой редакции ГС 2022 г. Тем не менее в ходе исследования было установлено, что такие поправки не систематизированы, а в самой номенклатуре отсутствуют какие-либо термины, определяющие категории товаров в рамках зеленой экономики, несмотря на то, что такое

Рисунок 4. Этапы экологизации ГС в рамках зеленой экономики

Figure 4. Stages of greening the civil engineering system within the framework of the green economy

Источник: составлено автором.

категорирование проводится международными организациями и интеграционными объединениями стран (например, список экологических товаров АТЭС).

В совокупности нам удалось сформулировать три наиболее значимых проблемных аспекта:

1. Отсутствие категорирования товаров в рамках зеленой экономики и нормативного закрепления соответствующих терминов.

2. Отсутствие систематичности внесения поправок в ГС с целью от-

ражения товаров, способствующих обеспечению экологической безопасности.

3. Отсутствие терминов, отражающих виды циркулярных товаров («вторичное сырье», «восстановленные товары»), и выделение субпозиций для таких товаров.

В связи с возрастающим значением вопросов обеспечения экологической безопасности предлагается сформировать новый подход к стратегическому пересмотру ГС, как представлено на рисунке 4.

Данные этапы должны осуществляться в рамках ВТамО, поскольку проблема экологии является глобальной. Однако, по нашему мнению, Российская Федерация могла бы выступить с соответствующей инициативой на очередном симпозиуме ВТамО по экологизации ГС либо в рамках работы Комитета по ГС.

Таким образом, введение новой терминологии будет способствовать развитию зеленой экономики путем деления товаров на важные категории для упрощения их идентификации, классификации и прослеживаемости. Создание на основе существующих списков различных международных конвенций и организаций единых перечней «зеленых» товаров позволит упростить статистический анализ и требования к маркировке и разрешительным документам.

Анализ и обобщение данных по странам о выделенных кодах для циркулярных товаров позволит применить в ГС существующие успешные практики различных стран и выделить (поименовать) действительно важные для экологии товары. Создание классификационных кодов для циркулярных товаров в зависимости от их вида и назначения дальнейшего (вторичного) использования, введение терминов в их отношении позволит модернизировать товарную номенклатуру под новые реалии.

Применение на практике приведенных рекомендаций будет способствовать совершенствованию товарной номенклатуры и выведет данный инструмент регулирования внешней торговли на качественно новый уровень. Кроме того, выделение в ГС отдельных кодовых позиций для «экологических товаров» и их категорий будет способствовать уточнению статистических данных о торговле такими товарами, а также поможет странам применять иные меры регулирования внешней торговли в условиях перехода к зеленой экономике.

Список литературы

Игнатова И.В., Ногай Н.А. Сравнительное исследование практики реализации международной инициативы «Зеленая таможня» // IV Сибирские правовые чтения: государство и право в условиях глобальных ограничений : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (г. Тюмень, 30 октября 2020 г.). – Тюмень, 2021. – С. 107–112.

Ильина Е.А. Циркулярная экономика: концептуальные подходы и механизмы их реализации // Организатор производства. – 2022. – № 3. – С. 21–30.

Кузнецова Н.А. Экономика: основные элементы и возможности // Экономика высокотехнологичных производств. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 121–132.

Нигоян М.Н. Состояние окружающей среды и мировая торговля // Вестник науки. – 2022. – № 10 (55). – С. 18–22.

Пакина А.А., Горбанёв В.А. Перспективы зеленой экономики как новой парадигмы развития // Вестник МГИМО. – 2019. – № 5 (68). – С. 134–155.

Ронжина Н.А., Курбанов И.Н., Рагимов У.У. Международное сотрудничество таможенных органов в целях обеспечения экологической безопасности // Инновации в науке и практике. Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, г. Уфа. – Уфа, 2021. – С. 88–93.

Тищенко Ю.С. Совершенствование Гармонизированной системы описания и кодирования товаров в условиях экономики замкнутого цикла // Логистика. – 2023а. – № 11 (204). – С. 44–50.

Тищенко Ю.С. Совершенствование деятельности таможенных органов по защите окружающей среды в рамках проекта «Зеленая таможня» // Научные труды Российской таможенной академии. – 2023b. – Вып. 2 – С. 107–114.

Dai Z., Zhang Y., Zhang R. The Impact of Environmental Regulations on Trade Flows: A Focus on Environmental Goods Listed in APEC and OECD // *Frontiers in Psychology*. – Vol. 12. – 10 p. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.773749.

Deere Birkbeck C. Greening International Trade: Pathways Forward Global Governance Centre and the Forum on Trade. – Geneva : Environment & the SDGs (TESS), 2021. – 84 p. – URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/36281/GITPF.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

Ediboğlu E. WTO's Environmental Goods: Technical and Legal Scope // 15th International Symposium on Applied Informatics and Related Areas. November 12, 2020. – Székesfehérvár,

2020. – P. 52–56. – URL: https://www.researchgate.net/publication/357969157_WTO's_Environmental_Goods_Technical_and_Legal_Scope (дата обращения: 12.08.2024).

Kellenberg D. Trading wastes // *Journal of Environmental Economics and Management*. – 2012. – Vol. 64, N 1. – P. 68–87. – DOI: 10.1016/j.jeem.2012.02.003.

Norouzi N. Green Economy: A Necessary Decision to be Taken // *Universal Journal of Finance and Economics*. – 2021. – Vol. 1, N 1. – P. 3–12. – DOI: 10.31586/ujfe.2021.108.

Porter M.E., Vanderlinde C. Toward a new conception of the environment competitiveness relationship // *Journal of Economic Perspective*. – 1995. – Vol. 9, N 4. – P. 97–118.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.06

Enhancing the Regulation of International Trade amid the Transition to a Green Economy

Yulia S. TISHCHENKO

Postgraduate Student, Junior Researcher of the Research Institute
Russian Customs Academy
Komsomolsky Avenue, 4, Lyubertsy Moscow region, Russian Federation, 140015
E-mail: yus.krasnoslobodceva@customs-academy.ru
ORCID: 0009-0005-4463-2100

CITATION: Tishchenko Yu.S. (2024). Enhancing the Regulation of International Trade amid the Transition to a Green Economy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 92–110 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.06

Received: 29.07.2024.
Revised: 30.09.2024.

ABSTRACT. *The article examines key current and prospective directions in the development of international trade within the context of the transition to a “green economy.” An analysis of the current state of this transition reveals that, despite a substantial body of research and theoretical work, two key issues remain unresolved. First, it is still unclear which products should be classified as “eco-friendly goods,” which form the basis of “green” trade. Second, no effective measures have yet been implemented to establish rules or frameworks for regulating international trade during the transition to a green economy. The author posits that categorizing products from an ecological perspective is necessary for more effective regulation of international trade under contemporary conditions. The Harmonized System of Description and Coding of Goods is presented as the most universal and effective tool for regulating of international trade. The*

study aims to develop proposals and recommendations for improving foreign trade regulation amid the shift to a green economy, illustrated through the modernization of the Harmonized System of Description and Coding of Goods. Practical suggestions are offered for integrating key principles of the green economy into customs activities. The article’s conclusions have theoretical significance in that they propose a general approach to revising of the Harmonized System strategically. They also hold practical value by offering recommendations for incorporating relevant terms and definitions into the Harmonized System of Description and Coding of Goods and other international trade documents.

KEYWORDS: *Harmonized System of Description and Coding of Goods, green economy, sustainable development, circular economy, strategic review, environmental goods, customs regulation.*

References

Dai Z., Zhang Y., Zhang R. (2021). The Impact of Environmental Regulations on Trade Flows: A Focus on Environmental Goods Listed in APEC and OECD. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12, 10 pp. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.773749.

Deere Birkbeck C. (2021). *Greening International Trade: Pathways Forward* Global Governance Centre and the Forum on Trade. Geneva: Environment & the SDGs (TESS), 84 pp. Available at: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/36281/GITPF.pdf>, accessed 12.08.2024.

Ediboğlu E. (2020). WTO's Environmental Goods: Technical and Legal Scope. In: *15th International Symposium on Applied Informatics and Related Areas*. Székesfehérvár, pp. 52–56. Available at: https://www.researchgate.net/publication/357969157_WTO's_Environmental_Goods_Technical_and_Legal_Scope, accessed 12.08.2024.

Ignatova I.V., Nogai N.A. (2021). Comparative study of the practice of implementing the international initiative “Green Customs”. In: *IV Siberian Legal Readings: State and Law in the Conditions of Global Restrictions. A Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference (Tyumen, October 30, 2020)*. Tyumen, pp. 107–112 (in Russian).

Ilyina E.A. (2022). Circular economy: conceptual approaches and mechanisms for their implementation. *Production Organizer*. No. 3, pp. 21–30 (in Russian).

Kellenberg D. (2012). Trading wastes. *Journal of Environmental Economics and Management*. Vol. 64, no. 1, pp. 68–87. DOI: 10.1016/j.jeem.2012.02.003.

Kuznetsova N.A. (2023). Circular economy: main elements and opportunities. *Economics of High-tech Industries*. Vol. 4, No. 2, pp. 121–132 (in Russian).

Nigoyan M.N. (2022). State of the environment and world trade. *Bulletin of Science*. No. 10 (55), pp. 18–22 (in Russian).

Norouzi N. (2021). Green Economy: A Necessary Decision to be Taken. *Universal Journal of Finance and Economics*. Vol. 1, no. 1, pp. 3–12. DOI: 10.31586/ujfe.2021.108.

Pakina A.A., Gorbanev V.A. (2019). Prospects for the green economy as a new development paradigm. *MGIMO Bulletin*. No. 5 (68), pp. 134–155 (in Russian).

Porter M.E., Vanderlinde C. (1995). Toward a new conception of the environment competitiveness relationship. *Journal of Economic Perspective*. Vol. 9, no. 4, pp. 97–118.

Ronzhina N.A., Kurbanov I.N., Ragimov U.U. (2021). International cooperation of customs authorities in order to ensure environmental safety. In: *Innovations in Science and Practice. Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the 7th International Scientific and Practical Conference in Ufa*. Ufa, pp. 88–93 (in Russian).

Tishchenko Yu.S. (2023a). Improving the activities of customs authorities to protect the environment within the framework of the Green Customs project. *Scientific Works of the Russian Customs Academy*. Issue 2, pp. 107–114 (in Russian).

Tishchenko Yu.S. (2023b). Improving the Harmonized System for Description and Coding of Goods in the Circular Economy. *Logistics*. No. 11 (204), pp. 44–50 (in Russian).

США: новые реалии

УДК 342.7(73)

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.07

«Налог на выход» в США: правовое регулирование и его влияние на права человека

Эмиль Шамилевич САЛЯХУТДИНОВ

налоговый консультант

Общество с ограниченной ответственностью «ДРТ Консалтинг»

ул. Лесная, д. 5, г. Москва, Российская Федерация, 125047;

обучающийся единого трека «магистратура – аспирантура» факультета права
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Большой Трёхсвятительский переулок, д. 3, г. Москва, Российская Федерация,
109028

E-mail: emil.shamilevich.01@bk.ru

ORCID: 0009-0001-9794-861X

ЦИТИРОВАНИЕ: Саляхутдинов Э.Ш. «Налог на выход» в США: правовое регулирование и его влияние на права человека // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 111–126.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.07

Статья поступила в редакцию 14.10.2024.

Исправленный текст представлен 30.11.2024.

АННОТАЦИЯ. В условиях увеличения глобальной подвижности налогоплательщиков и их активов актуализируется вопрос налогообложения при миграции из одной налоговой юрисдикции в другую. Статья посвящена анализу режима «налога на выход» (exit tax) на примере США, где налог взимается с граждан при выходе из национальной налоговой юрисдикции. В статье представлен обзор системы налогообложения в США, эволюции законодательства США относительно режима «налога на выход» и его влияния на права человека. США облагает мировые доходы граждан и резидентов, включая налоги на доход, наследство

и дарение, в то время как иностранцы-нерезиденты платят налоги только с доходов, полученных в США. Различия в налогообложении могут склонить некоторых граждан США отказаться от гражданства, чтобы уплачивать налоги как иностранцы-нерезиденты. Право на отказ от гражданства является международно признанным и его ограничение должно быть строго обоснованным. Результаты статьи показывают, что введение «налога на выход» может существенно ограничить право на отказ от гражданства, создавая практические сложности для экспатриантов. Среди таких трудностей можно выделить дополнительные ад-

министративные барьеры и необходимость отчуждения активов для исполнения налоговых обязательств. Автор приходит к выводу, что это ставит под сомнение эффективность данного налога для пополнения бюджета, поскольку он ограничивает права граждан и нарушает баланс между интересами государства и правами человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *налоговая система США, режим «налога на выход», экспатриация, принцип гражданства, права и свободы человека, право на отказ от гражданства, эволюция режима «налога на выход», налоговые последствия при отказе от гражданства.*

Введение

Каждое государство обладает фискальным суверенитетом и имеет возможность определить объем своей фискальной юрисдикции. Однако налоговая система должна быть спроектирована таким образом, чтобы не нарушать основные права и свободы человека.

Режим «налога на выход», как следует из термина «выход», включает в себя все виды налогов, которые взимаются при выходе из-под национальной налоговой юрисдикции государства. Цель статьи состоит в анализе налоговой ситуации, связанной с режимом «налога на выход» в США и его воздействием на права человека. Право на отказ от гражданства является всемирно признанным правом каждого человека. Ограничение этого права должно быть строго обоснованным и связанным с защитой государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности общества. В соответствии с международным правом

в сфере прав человека утверждается, что «каждый человек имеет право покидать любую страну, в том числе свою собственную, а также имеет право отказаться от своего гражданства и изменить его»¹. Налоговая политика государства оказывает значительное воздействие на экономическое и социальное развитие общества, поэтому важно учитывать интересы и права граждан, а также цели и ценности общества при разработке таких налоговых стратегий.

Степень научной разработанности тематики режима «налога на выход» остается низкой, особенно в русскоязычных публикациях. Отсутствуют исследования, посвященные этому режиму и его влиянию на права человека.

Система налогообложения в США

В США применяют принцип гражданства в налогообложении своих физических лиц, то есть доходы физических лиц облагаются независимо от места жительства и местонахождения источника получения доходов [Steven, 2009].

Принцип гражданства в США был введен во время Гражданской войны в США (1861–1865) для ее финансирования [William, Manolakas, 2012]. В законодательство США был введен подоходный налог, в соответствии с которым доход гражданина, проживающего на территории или за пределами территории США, подлежит налогообложению независимо от источника дохода. Однако собираемость налога с граждан США, проживающих за пределами территории страны, была затруднена и незначительна. Например, с 1863 по 1865 г. граждане США, проживающие за гра-

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – 5 апреля. – Статья 13.

ницей, заплатили всего 230 470 долл. из более чем 84 млн долл. собранного подоходного налога, или 0,003% [Avi-Yonah, 2010].

В 1913 г. была принята Шестнадцатая поправка к Конституции США, в соответствии с которой было установлено, что «Конгресс имеет право устанавливать и взимать налоги с доходов, каким бы ни был их источник, не распределяя эти налоги между отдельными штатами и без учета какой-либо переписи или исчисления населения»².

В 1924 г. в деле *Кук против Тейта* (Cook v. Tait) Верховный суд США подтвердил конституционность налогообложения доходов по всему миру граждан США независимо от постоянного места жительства. В данном судебном деле гражданин США имел постоянное место жительства в Мексике и оспаривал конституционность полномочий Конгресса США облагать налогом доходы от недвижимого и личного имущества, расположенного в Мексике. Верховный суд отметил, что «объем и степень полномочий США по налогообложению основаны на презумпции, что государство по своей природе приносит преимущества гражданину США и его собственности, где бы они ни находились»³. Граждане США, проживающие за границей, сохраняют все преимущества своего гражданства и поэтому обязаны выполнять свои гражданские обязанности. Это включает в себя доступ к правовой защите со стороны США за пределами их территории, свободу перемещения, участие в политической жизни и возможность трудоустройства внутри страны.

Режим налогообложения на основе гражданства распространяется также на налог на наследство и дарение в США. Граждане, проживающие за пределами США, облагаются налогом на дарение при передаче имущества в дар, независимо от того, где фактически находится имущество, а также налогом на наследство на стоимость налогооблагаемого имущества на момент их смерти [Walker, 2005].

Введение принципа налогообложения на основе гражданства направлено на предотвращение утечки налоговой базы из-за эмиграции в страны с более низкой налоговой нагрузкой, что побуждает граждан США отказываться от своего гражданства в пользу других юрисдикций.

В ответ на данную тенденцию с целью предотвращения экспатриации по налоговым мотивам был введен режим «налога на выход» [Kirsch, 2004].

В США действуют две системы налогообложения: одна применяется к гражданам и резидентам США, а другая – к нерезидентам-иностранцам. Налогообложение иностранцев-нерезидентов зависит от источника и характера их доходов. Иностранцы-нерезиденты облагаются подоходным налогом по фиксированной ставке 30% своего годового или периодического дохода, который не связан с предпринимательской деятельностью или торговлей в США. Доходы, полученные иностранцем-нерезидентом за пределами США, не облагаются налогом [Farkas-DiNardo, 2023].

Также иностранцы-нерезиденты подлежат налогообложению наследства (estate tax) «на имущество, находящееся в США, включая как движимое,

2 Constitution of the United States // The Bill of Rights & All Amendments. – URL: <https://constitutionus.com/> (дата обращения: 14.10.2024).

3 Cook v. Tait, 265 U. S. 47 // U.S. Supreme Court. – 1924. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/265/47/> (дата обращения: 14.10.2024).

так и недвижимое имущество, а также акции в американских компаниях»⁴. Кроме того, чтобы предотвратить безналоговую передачу имущества иностранцами-нерезидентами при жизни, США также облагают налогом на дарение (*gift tax*) имущество таких лиц, если оно находится на территории США⁵. В свою очередь, налогообложение иностранцев-резидентов происходит так же, как у граждан США, то есть они облагаются налогами на свои мировые доходы по прогрессивной шкале. Резиденты также обязаны уплачивать налоги на дарение и наследство вне зависимости от местонахождения имущества, что ставит их в равные условия с гражданами США в отношении налоговых обязательств [Farkas-DiNardo, 2023].

Таким образом, США облагает доходным налогом, налогом на наследство и налогом на дарение своих граждан и резидентов по всему миру, в то время как иностранцы-нерезиденты облагаются налогом только на доходы из источников в США. Следовательно, статус лица как гражданина, резидента или иностранца-нерезидента имеет ключевое значение для его налоговых обязательств перед государством. Различия в налогообложении могут склонить некоторых граждан США отказаться от гражданства, чтобы уплачивать налоги как иностранцы-нерезиденты. Для предотвращения налоговой экспатриации был разработан альтернативный метод налогообложения – «налог на выход», который применяется к лицам, отказывающимся от гражданства США.

Механизм налогообложения при выходе из гражданства

Закон «О налоге на иностранных инвесторов». В 1966 г. в США был принят закон «О налоге на иностранных инвесторов» (*The Foreign Investors Tax Act of 1966*, закон об инвесторах)⁶. Этот закон изменил ст. 877 Налогового кодекса США, устанавливающую обязанность бывших граждан США уплачивать подоходный налог на доходы из источников в США, а также на доходы, связанные с торговлей или предпринимательской деятельностью в США, в течение 10 лет после отказа от гражданства, если такое прекращение было осуществлено с целью избежания уплаты налогов. Перечень таких доходов шире и отличается от доходов, облагаемых налогом для иностранцев-нерезидентов. Кроме того, закон об инвесторах изменил ст. 2107 Налогового кодекса США, запретив гражданам США отказываться от гражданства и становиться иностранцами-нерезидентами, с целью взимания с них налога на наследство в США [Snyder, 2023].

Таким образом, «налог на выход» взимался только с тех граждан, которые отказывались от гражданства с целью избежания уплаты налогов. Бремя доказывания лежало на налоговой службе США, которая должна была предоставить доказательства того, что отказ от гражданства привел к существенным налоговым выгодам для лица. Однако сложности доказывания возникли из-за субъективной оценки налоговых мотивов лица. Со временем было признано, что ст. 877 Налогового кодекса США не обеспечивает четкого

4 Internal Revenue Code Sec // Bloomberg Tax. – Art. 2101, 2106. – URL: <https://irc.bloombergtax.com/public/uscode/toc/irc> (дата обращения: 14.10.2024).

5 Internal Revenue Code Sec // Bloomberg Tax. – Art. 2501. – URL: <https://irc.bloombergtax.com/public/uscode/toc/irc> (дата обращения: 14.10.2024).

6 Foreign Investors Tax Act of 1966 // Senate Finance Committee. – 1966. – URL: <https://www.finance.senate.gov/imo/media/doc/HrgForInvest.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).

определения этих мотивов при отказе от гражданства и неэффективна с точки зрения распределения времени и ресурсов [Farkas-DiNardo, 2023].

Закон «О мобильности и подотчетности медицинского страхования». В 1996 г. в США приняли закон «О мобильности и подотчетности медицинского страхования» (*The Health Insurance Portability and Accountability Act*, закон о медицинском страховании)⁷. Согласно этому закону доходы бывших граждан США, полученные из источников в США, облагались подоходным налогом в течение 10 лет, если они отказались от гражданства с целью уклонения от уплаты налогов. Также была введена ст. 877 (e) Налогового кодекса США, которая распространила этот налоговый режим на иностранцев-резидентов, постоянно проживающих в США [William, Manolakas, 2012].

В закон о медицинском страховании США была внесена презумпция, согласно которой физическое лицо автоматически признавалось отказавшимся от гражданства в целях уклонения от налогообложения. Это исключало необходимость проведения субъективной оценки налоговых мотивов. Для применения данной презумпции были определены критерии [Farkas-DiNardo, 2023]:

- физическое лицо признается отказавшимся от гражданства США или утратившим статус резидента в целях уклонения от налогообложения, если среднегодовая сумма уплаченного федерального подоходного налога за предшествующие 5 лет превышает 100 тыс. долл. США (критерий налоговой ответственности/*tax liability test*);
- физическое лицо признается отказавшимся от гражданства США или утратившим статус резидента в це-

лях уклонения от налогообложения, если на момент прекращения гражданства или резидентства его собственный капитал превышал 500 тыс. долл. США (критерий чистой стоимости активов/*net worth test*).

В связи с установлением презумпции уплаты «налога на выход» появилась возможность избежать налогообложения для граждан с невысоким уровнем дохода. При этом бывшие граждане США, подпадавшие под критерии презумпции, имели право в течение одного года после прекращения гражданства подать в Налоговую службу США опровержение того, что отказ от гражданства был связан с уклонением от уплаты налогов. Однако такое опровержение принималось только при соблюдении следующих условий [William, Manolakas, 2012]:

- физическое лицо обладало двойным гражданством, и страной его нового постоянного проживания являлась страна второго гражданства;
- физическое лицо переезжает на постоянное место жительства в государство, в котором оно родилось;
- физическое лицо находилось на территории США не более 30 дней в год в течение 10 лет, предшествующих дате отказа от гражданства;
- физическое лицо оформило отказ от гражданства США до достижения совершеннолетия (18 лет).

В указанный период были внесены изменения в иммиграционное законодательство, которые ужесточили последствия отказа от гражданства. В соответствии со ст. 1182 (a) Закона об иммиграции и гражданстве от 30 сентября 1996 г. (*Immigration and Nationality Act*) бывшим гражданам США, которые «отказались от своего гражданства США с целью уклонения

7 Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 // Assistant Secretary for Planning and Evaluation (ASPE). – 1996. – URL: <https://aspe.hhs.gov/reports/health-insurance-portability-accountability-act-1996> (дата обращения: 14.10.2024).

от уплаты налога, не будет разрешен повторный въезд в США по решению Генерального прокурора США»⁸.

Определение факта уклонения от уплаты налогов в рамках иммиграционных процедур не соответствовало презумпции, установленной для налоговых целей, и основывалось на субъективной оценке Генерального прокурора США [Tang, 2006].

Таким образом, закон о медицинском страховании установил презумпцию для определения случаев отказа от гражданства по налоговым мотивам. Физическое лицо, соответствующее установленным критериям, автоматически признается отказавшимся от гражданства в целях уклонения от налогообложения. В результате состоятельное лицо, эмигрирующее из США даже без налоговых мотивов, признается подпадающим под данную презумпцию и обязано уплачивать подоходный налог, а также налоги на наследство и дарение в США в течение 10-летнего периода после прекращения гражданства. При последующем возвращении в США Генеральный прокурор США, установив наличие налогового мотива, вправе запретить такому лицу въезд в страну на постоянной основе.

Закон «О создании рабочих мест в США». В 2004 г. Конгресс США принял закон «О создании рабочих мест в США» (*American Jobs Creation Act*, закон о рабочих местах)⁹. После введения данного закона режим «налога на выход» для бывших граждан США сохранился в прежнем виде и предусматривал обязанность уплаты подоходного налога, налога на имущество и налога на дарение в течение 10-летнего периода после прекращения гражданства США.

Данный закон полностью упразднил возможность подачи в Налоговую службу США заявления об опровержении налогового мотива. Для применения режима «налога на выход» физическому лицу необходимо соответствовать одному из трех следующих критериев [Farkas-DiNardo, 2023]:

- среднегодовая сумма уплаченного федерального подоходного налога за 5 лет, предшествующих дате прекращения гражданства США или утраты статуса резидента, превышает 124 тыс. долл. США;
- собственный капитал физического лица на момент прекращения гражданства США или утраты статуса резидента превышает 2 млн долл. США;
- физическое лицо не представило подтверждение исполнения всех налоговых обязательств перед США за предшествующие 5 лет либо не смогло предоставить соответствующие документальные доказательства.

Таким образом, наличие налогового мотива при отказе от гражданства утратило свое значение в случаях, когда физическое лицо соответствует хотя бы одному из установленных критериев. При таких обстоятельствах на данное лицо распространяется режим налогообложения при отказе от гражданства в течение 10-летнего периода после даты прекращения гражданства США.

Однако в законе о рабочих местах были предусмотрены исключения, согласно которым физическое лицо, даже соответствующее объективным критериям, могло быть освобождено от уплаты «налога на выход» при соблюдении следующих условий [William, Manolakas, 2012]:

8 Immigration and Nationality Act of 1996 // Congress US. – 1996. – URL: <https://www.congress.gov/104/crpt/hrpt469/CRPT-104hrpt469-pt1.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).

9 American Jobs Creation Act of 2004 // Congress US. – 2004. – URL: <https://www.congress.gov/108/plaws/publ357/PLAW-108publ357.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).

- физическое лицо обладает двойным гражданством и не имеет «существенных контактов с США» (*substantial contacts*); при этом отсутствие «существенных контактов с США» признается в случае, если физическое лицо никогда не являлось налоговым резидентом США, не получало паспорт США и пребывало на территории США не более 30 дней в течение каждого календарного года за 10-летний период;

- физическое лицо получило гражданство США по рождению, при этом ни один из его родителей не являлся гражданином США, такое лицо не достигло совершеннолетия (18 лет) и пребывало на территории США не более 30 дней в течение каждого календарного года за 10-летний период.

Физическое лицо освобождается от уплаты «налога на выход» в случае, если оно соответствует любому из указанных выше исключений и представило подтверждение исполнения всех налоговых обязательств за 5-летний период, предшествующий дате прекращения гражданства США.

Таким образом, положения закона о рабочих местах внесли определенные изменения в режим налогообложения при отказе от гражданства. Во-первых, мотив отказа от гражданства утратил юридическое значение, и любое физическое лицо, соответствующее хотя бы одному из трех установленных критериев, подпадает под действие данного налогового режима. Во-вторых, предусмотренные законом исключения из применения «налога на выход» существенно ограничены и распространяются только на отдельные категории лиц с двойным гражданством.

Закон «О налогообложении героев». В 2008 г. был принят закон «О налогообложении героев» 2008 г. (*The Heroes Earnings Assistance and Relief Tax Act*, закон *HEART*), который внес существенные изменения в режим «налога на выход». Закон *HEART* ввел новую систему налогообложения при отказе от гражданства, заменив десятилетний период налоговых обязательств на систему единовременного налогообложения по рыночной стоимости. Согласно новым правилам, физические лица, подпадающие под действие данного режима, обязаны уплатить налог, исчисленный на основе рыночной стоимости принадлежащего им имущества на момент прекращения гражданства (*mark-to-market exit tax system*). Согласно данной системе налог исчисляется с чистой нереализованной прибыли от имущества исходя из его предполагаемой реализации по справедливой рыночной стоимости за день до даты прекращения гражданства. При этом законодательством предусмотрено уменьшение налоговой базы на сумму 600 тыс. долл. США¹⁰.

Аналогично положениям закона о рабочих местах новые правила распространяются на граждан США и иностранных граждан, имеющих статус налогового резидента, при условии их соответствия трем установленным критериям, указанным выше [Steven, 2009].

Исключения из категории лиц, которые подпадают под режим «налога на выход», применяются в двух случаях¹¹:

- физическое лицо, обладающее двойным гражданством, сохраняет гражданство и статус налогового резидента другой страны на момент пре-

10 Staff of Joint Committee on Taxation. Technical Explanation of H. R. 6081, the «Heroes Earnings Assistance and Relief Tax Act of 2008», as Scheduled for Consideration by the House of Representatives, 2008. – 52 p. – URL: <https://www.jct.gov/getattachment/20cfb0f1-760b-470c-a037-7ba776a58b9f/x-44-08-1295.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).

11 Там же. – URL: <https://www.jct.gov/getattachment/20cfb0f1-760b-470c-a037-7ba776a58b9f/x-44-08-1295.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).

кращения гражданства США, при этом срок его проживания на территории США не должен превышать 10 лет в течение 15-летнего периода, завершающегося годом прекращения гражданства США или утраты статуса налогового резидента;

- физическое лицо, являющееся гражданином США, которое оформило отказ от гражданства до достижения совершеннолетия (18 лет), при условии, что срок его проживания на территории США не превышал 10 лет до даты прекращения гражданства США или утраты статуса налогового резидента.

Таким образом, закон *HEART* установил новую систему налогообложения при отказе от гражданства, основанную на оценке рыночной стоимости имущества и активов на день прекращения гражданства. Физическое лицо признается плательщиком данного налога в момент прекращения гражданства США или утраты статуса налогового резидента. При этом налогообложению подлежит чистая нереализованная прибыль от имущества, определяемая исходя из его предполагаемой реализации по справедливой рыночной стоимости за день до даты прекращения гражданства.

Права человека и налоговые последствия при отказе от гражданства

В настоящее время «налог на выход» введен в действие, помимо США, в Австралии, Канаде, Германии, Нидерландах, Норвегии, Испании, Польше и других странах.

Рассматриваемый налоговый режим непосредственно затрагивает фундамен-

тальное право человека на изменение гражданства. С одной стороны, данный режим налогообложения препятствует использованию отказа от гражданства как инструмента уклонения от налоговых обязательств, с другой – создает определенные ограничения для реализации права физических лиц на смену гражданства.

Всеобщая декларация прав человека закрепляет основополагающие права, принадлежащие всем людям. Декларация устанавливает, что никто не может быть произвольно лишен гражданства или права на его изменение. Это право традиционно включает в себя возможность добровольного отказа от гражданства («экспатриации»). Несмотря на рекомендательный характер Всеобщей декларации прав человека, значительная часть провозглашенных в ней прав впоследствии была инкорпорирована в обязательные нормы Международного пакта о гражданских и политических правах (Пакт)¹². Пакт не содержит прямого указания на право изменения гражданства, однако закрепляет «право каждого человека покидать любую страну, включая свою собственную». В дальнейшем Комитет по правам человека дал расширительное толкование данного права, установив, что оно не ограничивается конкретной целью или продолжительностью пребывания за пределами страны и распространяется как на краткосрочные поездки, так и на постоянную эмиграцию [Worster, 2017].

Пакт допускает возможность ограничения некоторых закрепленных в нем прав. При этом такие ограничения должны быть обоснованы необходимостью обеспечения в демократическом обществе «государственной

12. Международный пакт о гражданских и политических правах (вместе с Факультативным протоколом). Принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения»¹³. Право на выезд из страны может быть ограничено в случаях признания лица недееспособным, нахождения под следствием, отбывания уголовного наказания, исполнения воинской обязанности или наличия неисполненных налоговых обязательств [Nowak, 2005].

Комитет по правам человека в своем решении установил, что требования о получении выездных или транзитных виз могут являться нарушением права на свободный выезд из страны. При этом Комитет также отметил, что «дополнительные сборы или административные расходы, связанные с осуществлением этого права (например, плата за выдачу паспорта), выходящие за рамки обычных административных расходов, также являются нарушениями, поскольку они не являются необходимыми»¹⁴.

Право на отказ от гражданства является общепризнанным и устоявшимся в международном праве. Однако возникает вопрос о допустимости и основаниях его возможного ограничения. Следует отметить, что ни одно государство не признает право на прекращение гражданства в качестве императивной нормы международного права (*jus cogens*), следовательно, данное право может подлежать определенным ограничениям.

В законодательстве различных государств установлены обоснованные ограничения права на прекращение гражданства, прежде всего направленные

на предотвращение безгражданства (апатризма). Такие ограничения правомерны, поскольку государства несут международно-правовые обязательства по предотвращению случаев безгражданства. К дополнительным основаниям ограничения данного права относятся недостижение совершеннолетия, наличие неоконченного уголовного производства, неисполненные обязательства перед государством (включая воинскую обязанность и налоговые обязательства), а также сообщения национальной безопасности.

Например, в Конституции Российской Федерации также установлено, что «гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его»¹⁵. Выход из гражданства Российской Федерации ограничен в случае наличия определенных обстоятельств: если гражданин Российской Федерации имеет неисполненные обязательства перед Российской Федерацией, подвергается исполнительному производству на территории Российской Федерации, является обвиняемым в уголовном деле либо не обладает гражданством (подданством) иностранного государства или возможностью его получения¹⁶.

По заявлению Государственного департамента США, установленный режим «налога на выход» полностью соответствует международным стандартам в области прав человека. В официальных разъяснениях ведомство подчеркнуло, что налоговая нагрузка на лиц, отказывающихся от граждан-

13 Там же. Статья 12.

14 Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта // Комитет по правам человека. – 2010. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g10/415/27/pdf/g1041527.pdf?token=eyJFeYSOb3hNtEpaUr&fe=true> (дата обращения: 14.10.2024).

15 Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2024).

16 Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 18. – Ст. 3215.

ства США или утрачивающих статус налогового резидента, не превышает объема налоговых обязательств, которые возникли бы у них при сохранении статуса гражданина или налогового резидента США. Таким образом, позиция США заключается в том, что установленный режим налогообложения при отказе от гражданства не нарушает фундаментальное право на изменение гражданства, поскольку налоговая нагрузка на лиц, прекращающих гражданство, остается соразмерной их предшествующим налоговым обязательствам [Berg, 2012].

По нашему мнению, приведенный аргумент основан на некорректном сравнении. Право на прекращение гражданства предполагает возможность приобретения статуса иностранного гражданина, не имеющего правовых связей с государством прежнего гражданства. Следовательно, корректным представляется сравнение налоговых обязательств лиц, отказавшихся от гражданства, с налоговыми обязательствами иных иностранных граждан, а не с налоговым режимом, применяемым к гражданам или налоговым резидентам страны.

В последние годы в США отмечается тенденция к увеличению числа случаев прекращения гражданства США. Данный процесс обусловлен комплексом экономических и политических факторов, среди которых особое значение имеют возрастающие издержки на соблюдение налогового законодательства для американских граждан, а также общее усиление налогового бремени. При этом следует отметить, что прекращают гражданство преимущественно лица, уже постоянно проживающие или длительно находящиеся за пределами США. Например, в 2020 г. около 4 тыс. физических лиц оформили отказ от гражданства США [Organ, 2022].

Установленный режим налогообложения при отказе от гражданства не создает прямых препятствий для реализации права на прекращение гражданства. Вместе с тем согласно нормам международного права процедура отказа от гражданства не должна сопровождаться обременительными последствиями или значительными административными издержками. В связи с этим применение «налога на выход» к лицам, утратившим статус гражданина или налогового резидента США, может рассматриваться как несоответствующее международно-правовым нормам, гарантирующим право на прекращение гражданства.

Как отмечалось ранее, право на прекращение гражданства может быть ограничено, однако требует рассмотрения вопроса об обоснованности применения «налога на выход» в качестве такого ограничения. Данный налоговый режим не препятствует отказу от гражданства в случаях, связанных с предотвращением апатризма, недееспособностью, исполнением воинской обязанности или наличием уголовного преследования. Кроме того, данный налог не является следствием неисполнения ранее возникших налоговых обязательств, которые могли бы служить законным основанием для ограничения права на прекращение гражданства. Напротив, само прекращение гражданства порождает новое налоговое обязательство, что противоречит принципу свободы изменения гражданства.

Схожую позицию относительно противоречия «налога на выход» фундаментальным правам высказывают и европейские исследователи. Так, отмечается, что в контексте законодательства Европейского союза данный вопрос следует рассматривать через призму ст. 21 Договора о функционировании ЕС, закрепляющей принцип

свободы передвижения лиц. Согласно законодательству Польши, установление дополнительных налоговых обременений при смене резидентства может рассматриваться как необоснованное ограничение данного права, так как право на свободное перемещение и проживание на территории государств – членов ЕС гарантируется вне зависимости от экономических критериев [Trzcina, 2020]. Имплементация «налога на выход» в рамках испанского законодательства о противодействии налоговому мошенничеству также не обеспечивает должного баланса между фискальными интересами государства и фундаментальными правами граждан. По мнению исследователя, установленный режим налогообложения недостаточно гармонизирован с принципами свободного передвижения, закрепленными в праве Европейского союза, и создает необоснованные ограничения данного права [De Juan, 2021].

Вместе с тем следует отметить существование альтернативной позиции в научном сообществе относительно целесообразности «налога на выход». Введение данного налогового режима рассматривается как эффективный инструмент защиты национальной налоговой базы, способствующий предотвращению налоговых злоупотреблений, оттоку капитала и обеспечению стабильности государственных доходов [Fachrizal, Hanum, 2024]. Однако его реализация требует взвешенного подхода для обеспечения баланса частных и публичных интересов [Андреева, 2021].

Режим «налога на выход» несет потенциал возникновения других проблемных ситуаций:

- создает проблему двойного налогообложения; это происходит в двух случаях: когда бывший гражданин или резидент США уплачивает налог

на наследство или дарение на то же имущество в иностранном государстве либо когда иностранное государство облагает налогом ту же прибыль при последующем отчуждении актива; в результате при фактической продаже или ликвидации активов в будущем их стоимость повторно облагается налогом в иностранном государстве;

- сопряжен с проблемой оценки и ликвидности активов, что может стать причиной разногласий между налогоплательщиками и налоговыми органами; сложность заключается в том, что налог исчисляется на основе предполагаемой стоимости активов за день до отказа от гражданства; определение реальной стоимости активов с ограниченной ликвидностью по такому принципу вызовет затруднения, что приведет к судебным спорам между налогоплательщиками и налоговым органом;

- выбор момента отказа от гражданства существенно влияет на налоговые обязательства в рамках режима «налога на выход»; при ожидаемом росте стоимости активов налогоплательщика данный налог стимулирует к скорейшему отказу от гражданства, позволяя избежать налогообложения будущего прироста стоимости активов; перспектива получения значительного наследства также может ускорить решение об отказе от гражданства; в итоге потенциальная налоговая экономия часто становится определяющим фактором при отказе от гражданства.

Таким образом, режим налогообложения при отказе от гражданства («налог на выход») создает существенные ограничения для реализации фундаментального права на изменение гражданства, устанавливая дополнительные финансовые обязательства. Особенно значительным данное обременение становится для физических лиц, владеющих существенными активами

или капиталом, подлежащими налогообложению при прекращении гражданства.

Введение такого налогового режима может приводить к отказу граждан от намерения изменить гражданство из-за высоких налоговых обязательств, что фактически ограничивает их конституционное право. Более того, данный механизм создает дополнительные практические препятствия, включая усложнение административных процедур и необходимость реализации активов для исполнения налоговых обязательств.

Заключение

«Налог на выход» служит инструментом предотвращения уклонения от налоговых обязательств при отказе от гражданства или прекращении налогового резидентства. Основная цель данного механизма – налогообложение нереализованного прироста стоимости активов налогоплательщика на момент его выхода из налоговой системы США. Механизм действия налога на выход:

- при отказе от гражданства или прекращении статуса налогового резидента США применяют специальные правила налогообложения ко всем мировым активам лица;
- определение налоговой базы осуществляется на момент прекращения гражданства (утраты статуса налогового резидента) путем переоценки рыночной стоимости активов физического лица, включая акции, недвижимое имущество, инвестиционные инструменты и иные ценные бумаги;
- налогообложение нереализованного дохода осуществляется на основе условной реализации активов на момент прекращения гражданства (утраты статуса налогового резидента), при этом налоговая база определяется как прирост стоимости активов за период

их нахождения в собственности физического лица;

- налоговая база определяется как прирост стоимости активов, превышающий установленный законодательством необлагаемый минимум (в США – 600 тыс. долл.); прирост стоимости в пределах данной суммы освобождается от налогообложения;

- налогообложение осуществляется по ставке, применяемой к доходам от прироста капитала (*capital gains tax*), при этом налоговая база исчисляется исходя из условной реализации активов по рыночной стоимости на момент прекращения гражданства.

Право на прекращение гражданства является общепризнанным фундаментальным правом человека. Ограничение данного права допускается исключительно в целях защиты государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности общества и должно быть надлежащим образом обосновано. Хотя режим «налога на выход» не создает прямых препятствий для реализации права на прекращение гражданства, международно-правовые нормы устанавливают, что данная процедура не должна сопровождаться чрезмерными административными барьерами или необоснованными финансовыми обременениями. В связи с этим установление дополнительных налоговых обязательств для лиц, реализующих право на прекращение гражданства, может рассматриваться как несоответствующее международным стандартам в области прав человека.

Введение «налога на выход» поднимает существенные этические вопросы в контексте соблюдения принципа уважения личной автономии, который является одним из основополагающих принципов гуманизма и демократии [Полянина, 2013]. Данный принцип предполагает признание за каждым

гражданином права на свободное самоопределение, включая выбор гражданской принадлежности.

Государственное вмешательство посредством установления дополнительных налоговых обязательств может рассматриваться как необоснованное ограничение личной автономии, поскольку создает искусственные барьеры для реализации права на прекращение гражданства. В связи с этим применение «налога на выход» требует достижения оптимального баланса между публичными интересами государства в обеспечении финансовой стабильности и фундаментальными правами граждан на самоопределение.

Список литературы

- Андрианова Н.Г. Установление «налога на выход» как потенциально возможный путь расширения российских мер по деофшоризации // Юрист. – 2021. – № 4. – С. 55–58.
- Полянина А.К. Принцип автономии личности в конституционном праве // Право и политика. – 2013. – № 13. – С. 1842–1848. – DOI: 10.7256/1811-9018.2013.13.9824.
- Appleby A.D. No Migration Without Taxation: State Exit Taxes // Harvard Journal on Legislation. – 2022. – Vol. 60, N 12. – P. 55–100.
- Avi-Yonah R.S. The Case Against Taxing Citizens // Tax Notes International. – 2010. – Vol. 58, N 5. – P. 389–394.
- Berg M.E. Bar the Exit (Tax)! Section 877A, the Constitutional Prohibition Against Unapportioned Direct Taxes and the Realization Requirement // Tax Lawyer. – 2012. – Vol. 6, N 2. – P. 181–216.
- De Juan J.C. La transposición interna de exit tax armonizado por la directiva contra la elusión fiscal en el sistema tributario español // Crónica Tributaria. – 2021. – Vol. 181, N. 4. – P. 11–40. – Исп. яз. – DOI: 10.47092/CT.21.4.1.
- Fachrizal S., Hanum I.U. Exit tax adoption to protect Indonesia's tax base: Are we ready? // Scientax. – 2024. – Vol. 5, N 2. – P. 116–130. – DOI: 10.52869/st.v5i2.449.
- Farkas-DiNardo E. Is the Nation of Immigrants Punishing Its Emmigrants: A Critical Review of the Expatriation Rules Revised by the American Jobs Creation Act of 2004 // Florida Tax Review. – 2023. – Vol. 7, N 1. – P. 7–43.
- Kirsch M. Alternative Sanctions and the Federal Tax Law: Symbols, Shaming, and Social Norm Management as a Substitute for Effective Tax Policy // Iowa Law Review. – 2004. – Vol. 89, N 3. – P. 865–939.
- Nowak M. U.N. Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary. – Kehl, Germany : N.P. Engel Publishers, 2005. – 1277 p.
- Organ P.R. Citizenship and taxes // International Tax and Public Finance. – 2022. – Vol. 31, N 2. – P. 404–453. – DOI: 10.1007/s10797-022-09767-5.
- Snyder L. The Myths and Truths of Extraterritorial Taxation // Cornell Journal of Law and Public Policy. – 2023. – Vol. 32, N 2. – P. 187–266.
- Staff of the Joint Committee on Taxation. Review of the Present-law Tax and immigration Treatment of Relinquishment off Citizenship and Termination of Long-term Residency, 2003. – 321 p. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CPRT-JCS-2-03/pdf/GPO-CPRT-JCS-2-03.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).
- Staff of the Joint Committee on Taxation. Technical Explanation of H.R. 6081, the «Heroes Earnings Assistance and Relief Tax Act of 2008», as Scheduled for Consideration by the House of Representatives, 2008. – 52 p. – URL: <https://www.jct.gov/getattachment/20cfb0f1-760b-470c-a037-7ba776a58b9f/x-44-08-1295.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).
- Steven A.J. Surviving a Heart Attack: Expatriation and the Tax Policy Implica-

tions of the New Exit Tax // Akron Tax Journal. – 2009. – Vol. 24, N 2. – P. 37–68.

Tang E. Solving Taxpatriation: “Realizing” It Takes More Than Amending the Alternative Tax // Brooklyn Journal of International Law. – 2006. – Vol. 31, N 2. – P. 615–645.

Trzcina S. Assessment on the compliance of Polish exit tax with EU law // Prawo Budżetowe Państwa i Samorządu. – 2020. – Vol. 8, N 4. – P. 95–111. – DOI: 10.12775/PBPS.2020.025.

Walker A. The Tax Regime for Individual Expatriates: Whom To impress? // Tax Lawyer. – 2005. – Vol. 58, N 2. – P. 555–598.

William L.D., Manolakas C. The Exit Tax: A Move in the Right Direction // William & Mary Business Law Review. – 2012. – Vol. 3, N 2. – P. 341–417.

Worster W. Human Rights Law and the Taxation Consequences for Renouncing Citizenship // St. Louis University Law Journal. – 2017. – Vol. 62, N 1. – P. 85–101.

USA: New Realities

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.07

The United States ‘Exit Tax’: Legal Framework and Its Implications for Human Rights

Emil Sh. SALIAKHUTDINOV

Tax Consultant

Limited Liability Company “BST Consulting”

Lesnaya Street, 5, Moscow, Russian Federation, 125047;

Student of the “Master-PhD” Program of the Faculty of Law

National Research University Higher School of Economics

Bolshoi Tryokhsvyatitsky Lane, 3, Moscow, Russian Federation, 109028

E-mail: emil.shamilevich.01@bk.ru

ORCID: 0009-0001-9794-861X

CITATION: Saliakhutdinov E.Sh. (2024). The United States ‘Exit Tax’: Legal Framework and Its Implications for Human Rights. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 111–126 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.04

Received: 14.10.2024.

Revised: 30.11.2024.

ABSTRACT. *Amid increasing global mobility of taxpayers and their assets, the issue of taxation upon migration between tax jurisdictions has become particular-*

ly relevant. This article is dedicated to an analysis of the “exit tax” regime in the United States, where a tax is levied on citizens as they exit the national tax jurisdiction.

The article provides an overview of the U.S. taxation system, the evolution of legislation regarding the exit tax regime, and its impact on human rights. The U.S. taxes the worldwide income of its citizens and residents – including income, inheritance, and gift taxes – while non-resident foreigners are taxed only on income earned within the U.S. These differences in taxation may prompt some U.S. citizens to renounce their citizenship in order to be taxed as non-resident foreigners. The right to renounce citizenship is internationally recognized, and any restriction on this right must be strictly justified. The findings of this article suggest that the introduction of the exit tax may significantly constrain the right to renounce citizenship, creating practical obstacles for expatriates. Among these are additional administrative barriers and the necessity to liquidate assets to meet tax obligations. The author concludes that these measures cast doubt on the effectiveness of the tax in terms of budgetary gains, as it restricts individual rights and disrupts the balance between state interests and human rights.

KEYWORDS: U.S. tax system, exit tax regime, expatriation, principle of citizenship, human rights and freedoms, right to renounce citizenship, evolution of the exit tax regime, tax implications of renouncing citizenship.

References

- Andrianova N.G. (2021). The establishment of an “exit tax” as a potential way to broaden Russian deoffshorization measures. *Jurist*. No. 4, pp. 55–58 (in Russian).
- Appleby A.D. (2022). No Migration Without Taxation: State Exit Taxes. *Harvard Journal on Legislation*. Vol. 60, no. 12, pp. 55–100.
- Avi-Yonah R.S. (2010). The Case Against Taxing Citizens. *Tax Notes International*. Vol. 58, no. 5, pp. 389–394.
- Berg M.E. (2012). Bar the Exit (Tax)! Section 877A, the Constitutional Prohibition Against Unapportioned Direct Taxes and the Realization Requirement. *Tax Lawyer*. Vol. 6, no. 2, pp. 181–216.
- De Juan J.C. (2021). The internal transposition of the exit tax harmonized by the anti-tax avoidance directive into the Spanish tax system. *Crónica Tributaria*. Vol. 181, no. 4, pp. 11–40 (in Spanish). DOI: 10.47092/CT.21.4.1.
- Fachrizal S., Hanum I.U. (2024). Exit tax adoption to protect Indonesia's tax base: Are we ready? *Scientax*. Vol. 5, no. 2, pp. 116–130. DOI: 10.52869/st.v5i2.449.
- Farkas-DiNardo E. (2023). Is the Nation of Immigrants Punishing Its Emigrants: A Critical Review of the Expatriation Rules Revised by the American Jobs Creation Act of 2004. *Florida Tax Review*. Vol. 7, no. 1, pp. 7–43.
- Kirsch M. (2004). Alternative Sanctions and the Federal Tax Law: Symbols, Shaming, and Social Norm Management as a Substitute for Effective Tax Policy. *Iowa Law Review*. Vol. 89, no. 3, pp. 865–939.
- Nowak M. (2005). *U.N. Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary*. Kehl, Germany: N.P. Engel Publishers, 1277 pp.
- Organ P.R. (2022). Citizenship and taxes. *International Tax and Public Finance*. Vol. 31, no. 2, pp. 404–453. DOI: 10.1007/s10797-022-09767-5.
- Polyanina A.K. (2013). The Principle of Personal Autonomy in Constitutional Law. *Law and politics*. No. 13, pp. 1842–1848 (in Russian). DOI: 10.7256/1811-9018.2013.13.9824.
- Snyder L. (2023). The Myths and Truths of Extraterritorial Taxation. *Cornell Journal of Law and Public Policy*. Vol. 32, no. 2, pp. 187–266.
- Staff of the Joint Committee on Taxation (2003). *Review of the Present-law Tax and immigration Treatment of Relinquishment off Citizenship and Termination of*

Long-term Residency. 321 pp. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CPRT-JCS-2-03/pdf/GPO-CPRT-JCS-2-03.pdf>, accessed 14.10.2024.

Staff of Joint Committee on Taxation (2008). *Technical Explanation of H.R. 6081, the «Heroes Earnings Assistance and Relief Tax Act of 2008», as Scheduled for Consideration by the House of Representatives*. 52 pp. Available at: <https://www.jct.gov/getattachment/20cfb0f1-760b-470c-a037-7ba776a58b9f/x-44-08-1295.pdf>, accessed 14.10.2024.

Steven A.J. (2009). Surviving a Heart Attack: Expatriation and the Tax Policy Implications of the New Exit Tax. *Akron Tax Journal*. Vol. 24, no. 2, pp. 37–68.

Tang E. (2006). Solving Taxpatriation: “Realizing” It Takes More Than Amen-

ding the Alternative Tax. *Brooklyn Journal of International Law*. Vol. 31, no. 2, pp. 615–645.

Trzcina S. (2020). Assessment on the compliance of Polish exit tax with EU law. *Prawo Budżetowe Państwa i Samorządu*. Vol. 8, no. 4, pp. 95–111. DOI: 10.12775/PBPS.2020.025.

Walker A. (2005). The Tax Regime for Individual Expatriates: Whom To impress? *Tax Lawyer*. Vol. 58, no. 2, pp. 555–598.

William L.D., Manolakas C. (2012). The Exit Tax: A Move in the Right Direction. *William & Mary Business Law Review*. Vol. 3, no. 2, pp. 341–417.

Worster W. (2017). Human Rights Law and the Taxation Consequences for Renouncing Citizenship. *St. Louis University Law Journal*. Vol. 62, no. 1, pp. 85–101.

Политические процессы в меняющемся мире

УДК 325.83

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.08

Правительства в изгнании – суверенитет без территории?

Иван Дмитриевич ЛОШКАРЁВ

кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7507-1669

Данила Владимирович ПРОТАСОВ

стажер Института международных исследований
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
E-mail: danilshabashi@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-2172-2589

ЦИТИРОВАНИЕ: Лошкарёв И.Д., Протасов Д.В. Правительства в изгнании – суверенитет без территории? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 127–146.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.08

Статья поступила в редакцию 05.09.2024.
Исправленный текст представлен 18.12.2024.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются становление и развитие феномена правительств в изгнании. Вестфальский мировой порядок утвердился во всём мире и диктует априорность территориальной сущности государства. Правительственный аппарат, как составляющая государства, также априори территориален. Правительства в изгнании выступают в качестве исключения из общего правила, поскольку претендуют на обладание суверенитетом. Авторы анализируют причины возникновения,

а также функции правительств в изгнании в историческом контексте. В общей сложности рассматриваются 44 случая правительств в изгнании. В качестве определяющих черт правительств в изгнании авторы выделяют следующие: нахождение за рубежом, желание вернуться на родину, заявление об обладании суверенитетом над определенной декларируемой территорией. Авторы рассматривают данный феномен в своем историческом развитии по следующим параметрам: связь с территорией происхождения, доступ

к декларируемой территории, наличие конкурирующих проектов в изгнании, зависимость возникновения от вооруженных конфликтов, длительность существования и их успешность, за показателем которой берется «возвращение» из изгнания. В статье делается вывод, что правительства в изгнании являются самостоятельным феноменом международных отношений. По своему функционалу подобные правительства имеют сходства с партийными оппозиционными структурами за рубежом. От простой партийной структуры подобные организации отличает признание за собой исключительного права на суверенитет над определенной территорией. Подобный суверенитет является интерсубъективным, а успех функционирования подобных структур во многом зависит от расширения этого интерсубъективного пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правительства в изгнании, государство, суверенитет, вестфальский миропорядок, территориальность, исход, альтернативные правительства, легитимность, интерсубъективность.

Введение

В данной статье авторы ставят перед собой цель обобщить и систематизировать информацию за 1914–2024 гг. о правительствах в изгнании. Отбор кейсов происходил по нескольким критериям, а именно: позиционирование того или иного политического актора в качестве исполнительного или представительского органа власти¹, выполнение некоторых функций государства (в особенности дипломатических), несоответствие места пребывания и тер-

ритории происхождения (потенциального возвращения), официальное оспаривание легальности и полномочий постоянных или временных органов государственной власти на всей территории происхождения актора или ее части.

В исследовательском плане статья опирается на два метода: отслеживание каузальных механизмов (англ. *process tracing*) и сравнение групп кейсов. С одной стороны, это позволит найти сходные и повторяющиеся характеристики различных кейсов правительств в изгнании и предложить предварительные теоретические обобщения. С другой – проследить развитие и усложнение феномена правительств в изгнании за счет разделения кейсов по хронологическому и генеалогическому принципам [Bennett, George, 2005, p. 81–83, 205–206]. Применение метода отслеживания каузальных механизмов подразумевает включение кейсов в более широкий теоретический контекст, поскольку кейсы ценны не сами по себе, а только в некоторой теоретической рамке [Bennett, George, p. 207]. Поэтому в тексте феномен правительств в изгнании увязывается со сложным комплексом взаимоотношений государственного суверенитета и территории.

Вестфальский мировой порядок представляет из себя конфигурацию государств и правил их взаимодействия. Ключевое отличие вестфальского миропорядка от всех ему преследующих – это внедрение принципа *государственного суверенитета* [Лебедева, 2020, с. 27]. Безусловно, этот процесс «суверенизации» территорий растянулся на несколько столетий и окончательно завершился к концу XIX столетия, когда конфигурация государств в результате

¹ Этот критерий позволяет не учитывать различные эмигрантские объединения и «советы оппозиции», которые нередко выступают против органов власти территории происхождения, но не заявляют о себе как об альтернативном проекте государственности.

войн и колонизации включила в себя практически всё планетарное пространство [Куприянов, 2019; Тешке, 2011].

В современной политической науке дефиниции государств даются в привязке к наличию четко обозначенной территории. Так, Р. Гилпин определяет государство как централизованный аппарат управления, осуществляющий контроль над определенной территорией [Gilpin, 1981, p. 122]. В свою очередь, Р. Арон говорит, что государство – «это фрагмент земной коры, на котором находятся люди и объекты» [Aron, 2017, p. 181]. Согласно А. Вендту, именно наличие территории управления становится отличительной чертой государства в сравнении со всеми прочими структурами, будь то церковь или торговая организация [Wendt, 1999, p. 211]. Таким образом, территориальность, или пространственность, можно считать *априорным* понятием, необходимым для любого дальнейшего исследования государств.

Выделяют значительное число признаков государства. В частности, с юридической точки зрения к ним относятся публичность власти, территориальное деление, наличие налоговой и финансовой системы, правовое регулирование отношений, отделенность от общества, нацеленность на создание и распределение ресурсов [Дмитриев, Миронов, 2010; Павлов, 2018]. В политической науке понятие государства связано в первую очередь с определенной светской системой управления, сложенной для реализации коллективных целей и воплощаемой теми или иными институтами [Скиннер, 2002]. Д. Хелд отмечал, что к признакам государства прежде всего относится правовое и конституционное устройство, господствующее положение над другими институтами («суперструктура»), наличие аппарата управления, а также ряд уникальных функций: регулирование и защита ин-

дивидуальных прав, поддержка коммуникации в обществе, отражение интересов отдельных групп индивидов (если не всего общества) [Held, 2000, p. 11–55]. Согласно классическому определению Дж. Неттла, государство характеризуют коллективная природа, автономность от других институтов, деперсонализация выполняемых функций, целостность участия в международных взаимодействиях (государство как единый актор), формирование у граждан субъективной привязанности (лояльности) [Nettl, 1968]. Т. Скочпол расширила это определение, указав, что государства – это «официальные» коллективные сущности, которые стремятся к получению контроля над территориями и людьми, а также выполняют функции, выходящие за пределы интересов общества или его отдельных элементов [Skocpol, 1985]. Таким образом, в определениях государства нередко выделяют важную особенность – отделенность как от внутренних влияний (другие институты, общество, индивиды), так и от внешних (другие государства).

Суверенитет интегрален, то есть включает в себя целую совокупность различных «независимостей»/«контролей над». В частности, Ч. Тилли в своем определении государства подчеркивал, что суверенность означает территориально определенное господство над другими агентами принуждения, а не их отсутствие [Тилли, 2009, с. 78]. Его мнение разделяет М.В. Ильин, который подчеркивает, что территория и использование ее ресурсов являются опорой суверенитета как такового [Ильин, 2005, с. 23]. С.Д. Краснер выделяет четыре вида суверенитета: внутренний, «вестфальский», суверенитет взаимозависимости и международный [Krasner, 2004]. По сути, каждый из предложенных С.Д. Краснером видов суверенитета также *априорно* включает в себя территорию.

Тем не менее практика международных отношений показывает множество различных аномалий в подобном подходе. Самым ярким таким исключением можно назвать кондоминиум, то есть территорию владения сразу нескольких суверенов. К таким случаям относятся, например, англо-египетское управление Суданом (1899–1956) или китайско-японский сюзеренитет над островами Рюкю (1611–1879).

Не менее заметна другая аномалия – территории под управлением международных организаций. В данном случае суверенитет принадлежит политическим институтам, которые по определению не покушаются на суверенитет государств и зависят от их решений. Например, под прямым управлением Лиги Наций находились Вольный город Данциг (1920–1939), Мемель (1920–1923), Саарский бассейн (1920–1935). В свою очередь, Совет по опеке ООН ведал в общей сложности 11 территориями (1946–1994), включая современные Камерун, Папуа – Новую Гвинею и Палау. Однако не всегда международные организации с территориальными полномочиями принадлежат к универсальным региональным или глобальным организациям. Так, с 1995 г. округом Брчко в Боснии и Герцеговине фактически управляет многосторонний Совет по выполнению Дейтонского мирного соглашения, базирующийся в Лондоне.

Еще одна аномалия – передача суверенитета по отраслевому принципу. В частности, в 1950–1975 гг. вопросы внешней политики и обороны в ведение Индии передало княжество Сикким – ныне один из индийских штатов. Аналогично нахождение в свободной ассоциации с Новой Зеландией означает для островов Кука и Ниуэ передачу вопросов внешней политики и обороны в ведение Веллингтона

(хотя эти территории самостоятельно входят в международные организации, в частности, в Тихоокеанское сообщество). Подобный статус в отношениях с США – свободную ассоциацию – получили в 1986 г. Маршалловы Острова, Микронезия и Палау, которые при этом остаются членами ООН (в отличие от новозеландского варианта делегирования суверенитета).

Таким образом, суверенитет может быть множественным, многоуровневым и отчасти отраслевым. По этой причине, по всей видимости, суверенитет стоит рассматривать, скорее, в категориях «больше» – «меньше». То есть привязка государственного суверенитета к территории и суверенитета к государственной территории может усиливаться или ослабевать. В частности, Т. Бирстекер и С. Вебер признавали возможность существования несuverенных территориальных государств (Тайвань) или суверенных нетерриториальных государств (Палестина) [Biersteker, Weber, 1996, р. 19]. Поскольку не только суверенитет, но и привязка к территории может быть рассмотрена в шкале «больше» – «меньше», возможно дальнейшее расширение типологии Бирстекера и Вебера (таблица 1).

В нашей типологии наименее очевидными оказываются политии с частичным суверенитетом и незафиксированным территориальным охватом. По всей вероятности, наиболее явным феноменом такого типа можно считать правительства в изгнании. Примечательность этого явления для понимания связи государства, территории и суверенитета объясняется тем соображением, что такие политические единицы обладают как минимум претензией на государственность и суверенитет, но лишены территории. Претензия на контроль над территорией принципиально отличает пра-

Таблица 1. Четыре типа взаимоотношений государства, территории и суверенитета
Table 1. Four types of relationships between the state, territory and sovereignty

Государство суверенно, пространственно зафиксировано (страны с высоким или средним уровнем дохода, не состоящие в экономических и валютных союзах)	Государство суверенно, пространственно не зафиксировано (непризнанные политии; имперские политии)
Государство частично суверенно, пространственно зафиксировано (государство в «свободной ассоциации», государство – спутник великой державы, страны – члены экономических и валютных союзов, несостоявшиеся/слабые/«хрупкие» государства, в том числе Палестина)	Государство частично суверенно, пространственно не зафиксировано

Источник: составлено авторами.

вительства в изгнании от «виртуальных» государств, которые также могут воспроизводить отдельные практики государственных институтов, но, по сути, стремятся *находиться* на какой-либо территории, а не восстановить над ней контроль [Фёдоров, 2017].

В самом общем виде правительство в изгнании – это политическая организация, которая в силу тех или иных причин не обладает возможностью физического нахождения на заявляемой территории и, соответственно, лишена инструментов управления ею. Конечной целью такого правительства становится возвращение или получение властных полномочий для реализации суверенных прав на декларируемой территории. Без намерения вернуться к браздам правления над родиной подобные институты становятся попросту способами самоорганизации диаспоры. При этом само место образования правительства в изгнании в относительном выражении не обладает существенным конституирующим значением: такие политические единицы могут впервые провозглашаться как на декларируемой территории, так и вне ее (как, например, возникшее в Париже и переехавшее в Лондон польское правительство В. Сикорского – С. Миколайчика).

Один из первых случаев появления правительства в изгнании произошел

за столетие до заключения Вестфальского мира – в период Итальянских войн. Тосканское герцогство в 1555 г. оккупировало Республику Сиену. Семьсот сиенских семей не признали потери своей родины, продолжив борьбу от имени республики. Семьи бежали в город Марчиано и сражались вплоть до своего окончательного поражения в 1559 г. [Shaw, 2000].

Те или иные аристократические семьи или отдельные претенденты достаточно часто выдвигали претензии на престол, находясь за пределами родной страны. Самыми яркими тому примерами могут послужить Стюарты в изгнании (1701–1807) или Бурбоны во время Наполеоновских войн [Mansel, 2013]. Логично, что с отходом от династической трактовки суверенитета происходит смена уходящих в изгнание институтов: на смену «дворам в изгнании» и дворянским корпорациям приходят бюрократические институты – правительства. Тем не менее уже в «аристократический» период наметились основные смысловые причины существования (*raison d'être*) подобных структур: либо территория полностью входит в состав другого государства, либо на искомой родине происходит несовместимая с выживанием предыдущих правящих структур трансформация политического ландшафта.

Мировые войны как импульс для развития правительств в изгнании

Феномен правительств в изгнании как таковой зарождается в период Первой мировой войны. В результате оккупации Сербии и 99% бельгийских территорий правительства и армии этих двух стран были вынуждены вести освободительную борьбу, находясь на территории, подконтрольной странам-союзникам (1914–1918). Бельгийское правительство находилось в Сент-Адресе, сербское – на о. Корфу [Oppenheimer, 1942, p. 586].

Далее. На пространстве бывшей Российской империи во время Гражданской войны образовалось целое созвездие национальных и региональных республик – от экзотической Алаш-Орды до Ухтинской Республики. Договор о создании СССР подписали РСФСР, БССР, УССР и ЗСФСР. Однако органы власти Украинской, Белорусской и Грузинской народных республик не признавали смену своих правительств на советские и включение территорий в состав СССР, в связи с чем в разные годы убыли в изгнание. Правительство ГНР в изгнании не вело активной деятельности и было расформировано в 1952 г. [Kekela, 2023, p. 248–252]. Напротив, Рада БНР, созданная в марте 1918 г. в оккупированном немцами Минске, на данный момент остается старейшим правительством в изгнании².

Украинский аналог представляет интерес по двум соображениям. Во-первых, в один период с УНР недолго существовало квазигосударство Западно-Украинская Народная Республика. Это квазигосударство также сформировало правительство в изгнании, однако фактическая территория ЗУНР

была передана Польше по соглашению Й. Пилсудского и С. Петлюры [Малюта, 2007, с. 288–299]. Во-вторых, во время Второй мировой войны произошла не-санкционированная попытка партизана националистического толка Т. Бульбы-Боровца вторгнуться на территорию Советской Украины с целью восстановления структур УНР. Как объяснялся сам Т. Бульба-Боронец, в установлении новых форм государственности нет необходимости, так как «с 1918 г. действует законное правительство» [Бульба-Боронец, 1981, с. 113–115].

Деятельность трех антисоветских правительств сводилась к попыткам контактировать с другими государствами и международными структурами в целях поддержания собственной легитимности, интерпретируемой представлением себя как наследников бывших государственных образований. Так, власти БНР и ГНР в изгнании направляли резолюции в Лигу Наций с просьбой признать независимость их стран, а представители УНР в изгнании выступали перед парламентами южноамериканских стран со сходными намерениями [Малюта, 2007, с. 293–294].

Во время Второй мировой войны произошел настоящий всплеск подобных аномалий. В результате оккупации со стороны стран Оси целый ряд государств получил свои правительства в изгнании. Среди них – Бельгия, Чехословакия, Греция, Нидерланды, Люксембург, Филиппины, Польша, Югославия, Франция (имеются в виду силы «Свободной Франции»)³. С внешней легитимностью и международной признанностью этих правительств всё обстояло куда прозрачнее: союзные им страны не признавали гитлеровской оккупации, так что правительства в изгнании, как правило, обладали полной

2 Rada of The Belorussian Democratic Republic site. – URL: <https://www.radabnr.org/english/> (дата обращения: 17.12.2024).

3 После 1942 г. организация стала называться «Сражающаяся Франция».

легальностью своего правительственного статуса (международный суверенитет). Примечательно, что при потере оккупированных территорий страны Оси также устанавливали правительства в изгнании, из которых какое-либо послевоенное развитие получила лишь Белорусская центральная рада (в противовес Раде БНР) [Кодин, 2021, с. 276].

Из общего правила внегосударственности выпадают бельгийское, нидерландское и французское правительства: эти структуры имели в своем подчинении колониальные территории, пользовались их ресурсной базой. В частности, правительство де Голля формально перестало быть «в изгнании» после установления контроля над Чадом, Убанги-Шари (ныне ЦАР), а затем и Алжиром. Тем не менее это не была территория страны-метрополии (фактически – территория происхождения), так что фактор несовпадения декларируемого и реального пространственного охвата сохранял свое значение. Обобщая: контроль над какой-либо территорией не снимает вопрос о нахождении политической организации в изгнании, поскольку главенствующим принципом остается установление желаемого формата властных отношений на заявленной территории происхождения.

За исключением польского и югославского, все правительства стран антигитлеровской коалиции в итоге смогли вернуться на родину. В Польше и Югославии же были установлены социалистические правительства. Югославское правительство в изгнании смогло договориться с партизанами Тито и частично (8 человек, включая премьер-министра Ивана Шубашича) войти в послевоенный кабинет, в связи с чем оно было распущено. В Польше ситуация обстояла иначе: в стране сформировалось социалистическое правительство, которое игнорировало

своих визави в изгнании. Не приняв провозглашение Польской Народной Республики (1944), польское правительство в изгнании продолжило свою деятельность [Rojek, 2004, p. 33].

Интересен прецедент прибалтийских стран. При вхождении республик в состав СССР в 1940 г. не оказалось организованной группы лиц, способной создать альтернативные правительства в изгнании. С другой стороны, в соответствии с доктриной Стимсона, США обязывались не признавать вхождение стран Прибалтики в состав СССР [Короткова, 2015]. Выходом из этого противоречия стали дипломатические представительства прибалтийских стран, исполнявшие функции правительств в изгнании. Параллельно «дипломатическому правительству» работали эстонские и литовские структуры изгнанных правительств, которые были основаны на оккупированных Германией территориях в 1943–1944 гг. и с наступлением советских войск покинули территорию своих стран. Легальность и институциональная преемственность двух прибалтийских правительств в изгнании оспаривалась многими представителями диаспоры [Made, 2008]. Пример стран Прибалтики показывает, что после окончания Второй мировой войны институциональная преемственность уступает свое значение *символической* преемственности.

Таким образом, две мировые войны послужили импульсом «расцепки» государственных институтов и территории, внешнего или международного суверенитета (признание остальными государствами) и остальных его типов, связанных с контролем над территорией. Более того, помимо кристаллизации самого механизма правительств в изгнании, в этот период происходит закрепление и нормализация самой возможности перехода политических организаций в изгнание.

Новые механизмы появления правительств в изгнании

После 1950-х годов количество подобных случаев многократно увеличилось, что неизбежно привело к появлению новых причин и траекторий развития. Так, механизм провозглашения правительства в изгнании стал популярной формой внешнего проявления для организаций, выступающих за создание *нового* государства. Правительства в изгнании ранее не существовавших государств претендуют на государственность под предлогом нелегитимности и незаконности контроля определенной территории другим государством. Иначе говоря, в идеальном пространстве искомая территория остается «серой» зоной без какого-либо правительства. Поскольку управление другого государства рассматривается как нелегитимное, организации подобного рода заявляют о себе как о правительстве, которое вынуждено временно пребывать за рубежом.

В первой половине XX в. к подобным изгнанным правительствам можно отнести Азад Хинд и Временное правительство Кореи. Правительство Индии в изгнании получило признание со стороны стран Оси, но по понятным причинам не смогло стать правящей силой в постколониальный период [Roy, 2008]. Корейское правительство оказалось более успешным, поскольку смогло создать армию, принявшую участие в борьбе с Японией. Позже многие члены освободительной организации вошли в различные составы правительства Республики Корея [Park, 2009, p. 85–92].

Антиколониальная борьба породила целый ряд правительств в изгнании, например Временное правительство Республики Алжир (базировалось в Каире, смогло *вернуться* и получить независимость) [Misra, 1962, p. 130–132], правительство в изгнании Республики Кабинда (базируется в Париже, после провозглашения независимости Анголы перешло к тактике партизанской борьбы) [Martin, 2019, p. 221–225], Временное правительство Республики Бангладеш (располагалось в Калькутте, после победы в войне за независимость участвовало в конструировании институтов власти [Lifschultz, Bird, 1979]), правительство Восточного Туркестана в изгнании (находится в Вашингтоне)⁴, Временное правительство Кабилии (пребывает в Париже)⁵ и Объединенное освободительное движение Западного Папуа (базируется на Вануату)⁶.

Кроме того, к изгнанным правительствам ранее не существовавших государств может быть отнесено правительство Сахарской Арабской Демократической Республики. Правительство САДР базируется в лагере беженцев в Алжире и контролирует небольшие области заявленной территории. Оно получило признание со стороны 41 государства [Farah, 2010, p. 62–66].

Интересным прецедентом является до сих пор действующее правительство в изгнании Южных Молуккских островов. С 1950 по 1963 г. на территории островов было создано непризнанное де-факто государство, правительство которого после военного поражения было вынуждено уйти в изгнание⁷. Несколько другой кейс – созданное

4 East Turkistan Government in exile site. – URL: <https://east-turkistan.net/> (дата обращения: 11.04.2024).

5 Portail du Gouvernement provisoire kabyle. – URL: <https://www.kabylie-gouv.org/> (In French) (дата обращения: 11.04.2024).

6 United Liberation Movement for West Papua site. – URL: <https://www.ulmwp.org/> (дата обращения: 11.04.2024).

7 Government of Republic of the South Moluccas in exile official website. – URL: <https://www.republikmalukuselatan.nl/en/> (дата обращения: 11.04.2024).

в 2023 г. правительство Биафры в изгнании. В отличие от ранее перечисленных случаев новообразованная организация не обладает какой-либо институциональной преемственностью по отношению к де-факто государству Биафра (1967–1970)⁸. Как показывают ранее упомянутые случаи, проявление насилия в борьбе за независимость правительственных организаций подобного рода ранжируется от привлечения к проблеме мирового сообщества до вооруженной борьбы.

Еще один каузальный механизм возникновения искомых организаций – это революции, которые вынудили многие правительства предреволюционных режимов отправиться в изгнание. Так, после Исламской революции в Иране среди иранской диаспоры было создано сразу нескольких структур, конкурирующих между собой за звание легитимного представительства граждан Ирана. Ими являются монархический Национальный совет за свободные выборы Ирана, Национальный Совет Сопротивления Ирана и Движение национального сопротивления Ирана. Стоит отметить, что второе из перечисленных правительств обладает куда большими ресурсами влияния (из-за коалиционного состава организации), лоббирует свои интересы в Европарламенте и Сенате США. В свое время Национальный совет сопротивления Ирана как официальный представитель подписывал от лица Ирана мирные соглашения с Ираком [Piazza, 1994, p. 9–43].

Кроме иранских организаций, к постреволюционным правительствам относятся Регентский совет Эфиопии, Роялистское правительство Лаоса⁹, Коалиционное правительство Демократической Кампучии (организация занимала место Камбоджи в ООН) [Etcheson, 1987, p. 187], Временное национальное правительство Республики Вьетнам¹⁰. В 1990-е годы Регентский совет Эфиопии отошел от политической борьбы и переформатировался в организацию культурного представительства диаспоры эфиопов и эритрейцев¹¹. Таким образом, возможно и своеобразное «примирение».

Помимо революций, предполагающих коренные изменения в общественном устройстве, к появлению правительств в изгнании может привести политическая турбулентность на определенной территории. Иначе говоря, необходимость формирования правительства в изгнании может обуславливаться потерей контроля над территорией – оставаться на территории происхождения становится невозможно. Таким образом, для политических функционеров оказывается более безопасным и выгодным стратегически «отступление» – вне зависимости от количества контролируемых квадратных километров. По этой причине были образованы Президентский руководящий Совет Йемена¹², Сирийский национальный Совет [Ходынская-Голицева, 2018, с. 18], Кветская Шудра (имеется в виду правительственная структура Талибана [организация, запрещенная

8 Biafra Republic Government in exile official website. – URL: <https://www.biafrarepublicgov.org/> (дата обращения: 17.12.2024).

9 Pillamarri A. Khamphoui Sisavatdy Laos Prime Minister in Exile // The Diplomat. – 2014. – July 24. – URL: <https://thediplomat.com/2014/07/interview-laos-prime-minister-in-exile/> (дата обращения: 11.04.2024).

10 Provisional National Government of Vietnam is a terrorist organisation // VietnamPlus. – 2018. – January 30. – URL: <https://en.vietnamplus.vn/provisional-national-government-of-vietnam-is-a-terrorist-organisation/125822.vnp> (дата обращения: 11.04.2024).

11 Ethiopian Crown Council official site. – URL: <https://ethiopiancrown.org/the-crown-council-today/> (дата обращения: 11.04.2024).

12 Ghobari M., Tolba A., Yemen president cedes power to council as Saudi Arabia pushes to end war // Reuters. – 2022. – April 8. – URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/yemen-president-relieves-deputy-his-post-2022-04-07/> (дата обращения: 11.04.2024).

в России] на территории Пакистана в 2001–2021 гг.) [Dressler, Forsberg, 2009, р. 1], Правительство национального единства Мьянмы¹³. Историческим «образцом» для этой группы может послужить республиканское правительство Испании (1939–1977) [Hoyas de Puente, 2018, р. 1–3]. В большинстве своем эти политические единицы вернулись на территорию происхождения, но часто не в правительственном статусе (Испания, Сирия, Афганистан).

Особенности режима также могут создать обстоятельства невозможности функционирования той или иной структуры, претендующей на власть, в рамках текущей системы. Так, партийная оппозиция в той или иной стране при собственных неудачах на родине и плохой репутации текущего режима на международной арене может объявить себя легитимным правительством в изгнании. Например, к таковому можно отнести партии «Бонго должен уйти» Габона [Pambou, 2015, р. 57], Партию прогресса в Экваториальной Гвинее¹⁴, Координационный Совет белорусской оппозиции¹⁵.

Аннексии или включения в состав той или иной страны в современный период редки, но всё еще имеют место. С этой точки зрения интерес представляют два кейса: аннексия Кувейта со стороны Ирака и вхождение Тибета в состав КНР. Территория Кувейта была захвачена в 1990–1991 гг. Ираком, в результате чего было создано Временное правительство свободного Кувейта, которое пользовалось признанием всех

государств. В 1991 г. после поражения вооруженных сил Ирака правительство смогло вернуться в Кувейт [Гассиев, 2014, с. 96].

Случай Тибета интересен с точки зрения институционального развития. Правительство Индии выделило правительству Тибета в изгнании ряд административных полномочий по управлению территориями, где разместились тибетские беженцы. Тибетская администрация выпускает свои паспорта и «Зеленые книги», обладает собственным парламентом. Голосование по тибетским округам из-за очевидных физических преград невозможно, поэтому округа формируются за счет потомков тех, чьи предки ранее населяли ту или иную территорию [McConnell, 2013, р. 968–977]. Фактически Индия позволила создать правительству Тибета в изгнании «государство в государстве». В 2011 г. Далай-лама отошел от руководящей роли, сохранив лишь духовные полномочия¹⁶. Сложность совмещения духовной и политической роли заключалась в нежелании других стран портить отношения с КНР при взаимодействии с буддистским духовенством.

Общее и особенное

Обобщая ранее рассмотренные примеры правительств в изгнании, можно найти нечто общее для каждого. При фактическом отсутствии контроля над определенной территорией правительство в изгнании признает лишь соб-

13 Opponents of Myanmar coup form unity government, aimed for «federal democracy» // Reuters. – 2021. – April 16. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/opponents-myanmar-coup-announce-unity-government-2021-04-16/> (дата обращения: 11.04.2024).

14 Spain erases Equatorial Guinea from its memory // Atalayar. – 2024. – February 24. – URL: <https://www.atalayar.com/en/articulo/politics/spain-erases-equatorial-guinea-from-its-memory/20240224120000197189.html> (дата обращения: 11.04.2024).

15 Coordination Council for the Transfer of Power // Belarusian opposition official site. – URL: <https://rada.vision/en> (дата обращения: 11.04.2024).

16 Burke J., Branigan T. Dalai Lama to retire from political life // The Guardian. – 2011. – March 10. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/10/dalai-lama-retires-from-political-life-tibet> (дата обращения: 11.04.2024).

ственную легитимность и легальность управления над искомой территорией. Иначе говоря, такие правительства управляют территорией в *идеальном пространстве*, тогда как физическое пространство ставит преграды для перехода виртуального в реальное. Такое нормативное восприятие территориальных отношений приводит к тому, что деятельность правительств в изгнании сводится к достижению признания со стороны других стран своего права на управление территорией (международный суверенитет по С. Краснеру), а также к непосредственному возвращению на родину, то есть к расширению числа сторонников существующего интерсубъективно государства и к уменьшению границы между виртуальностью и реальностью.

Вполне логично, что такое аномальное положение детерминирует повышенное внимание к символической стороне своей деятельности. Символическая и культурная функции, придающие характер легитимности, становятся чуть ли не основной функцией изгнанного правительства. Так, Райзман [Reisman, 1991, р. 245] утверждает, что в отсутствие юридического признания правительства в изгнании используют соответствующие символы легитимности, чтобы поддержать свои правительственные притязания и взаимодействия с международным сообществом. Важность символической стороны вопроса доказывает, например, факт ритуализированной передачи символов власти от изгнанных правительств к национальным правительствам Украины, Польши и Эстонии в 1990-х годах.

Соображение о владении территорией в виртуальном политическом

пространстве может послужить одним из ответов на вопрос о соотношении суверенитета и территории. Если выделять признание со стороны других стран как неосновную составляющую понятия суверенитета, можно с уверенностью сказать, что такие правительства могут обладать категорией суверенитета, но лишь в ограниченном смысле. Территория, так или иначе, остается одним из важнейших ресурсов поддержания жизнеспособности суверенной организации. Вне территории правительства в изгнании оказываются в зависимости от действий государств-сторонников. Во многом их единственным материальным ресурсом остаются финансы. Кувейтское правительство (1990–1991)¹⁷ и правительства стран Бенилюкса [Van der Wee, 2009, р. 231–243] во время Второй мировой войны смогли привезти с собой значительные финансовые ресурсы. Говоря о роли территории, достаточно сказать, что каждое подобное правительство стремилось к возвращению на определенную территорию.

Как полная *внетерриториальность*, так и наличие какой-либо территории под контролем еще не отнимают у подобного формирования статуса правительства в изгнании. Возвращение ставится основной целью, вопрос исполнимости подобного стремления во многом зависит от сложившейся международной ситуации, хрупкости или жесткости структур, физически контролирующих территорию. Таким образом, территориальность остается априорной категорией и для правительств в изгнании, придавая их деятельности смысл через идею возвращения на территорию.

17 Mufson S. Kuwait shapes plans to rebuild financial system, fund recovery // The Washington Post. – 1991. – February 26. – URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1991/02/27/kuwait-shapes-plans-to-rebuild-financial-system-fund-recovery/f44eb296-6c59-464f-80b0-0c58763261ec/> (дата обращения: 11.04.2024).

Таблица 2. Сравнительный анализ правительств в изгнании

Table 2. Comparison of governments in exile

Параметр, критерии оценки	Численность по критериям; всего кейсов по 44 странам (100%)
Связь с территорией происхождения	институциональная – 24 (55%) символическая – 20 (45%)
Фактический доступ к территории происхождения (повстанцы, подконтрольные регионы, никакого)	ограниченный – 12 (27%) отсутствующий – 32 (73%)
Появление в результате вооруженного конфликта	деколонизация – 11 (25%) революция – 12 (27%) оккупация – 2 (5%) эмиграция на время войны или аннексии – 16 (36%) самопровозглашение правительства вооруженной оппозицией – 3 (7%)
Возвращение из изгнания	состоялось – 20 (45%) не состоялось – 24 (55%)
Наличие конкурирующего политического проекта в изгнании	наличие – 5 (11%) отсутствие – 39 (89%)
Длительность существования	больше 10 лет – 24 (55%) 5–10 лет – 4 (9%) меньше 5 лет – 16 (36%)

Источник: составлено авторами.

Нами было выявлено 44 случая существования правительств в изгнании в 1914–2024 гг. По основным характеристикам это явление демонстрирует самостоятельность с точки зрения формы и содержания деятельности (таблица 2). В среднем такое правительство обладает институциональной преемственностью с предыдущей политической системой и, скорее, неэффективно (главная цель правительств в изгнании – возвращение), действует более 10 лет. Правительства в изгнании не являются временным отклонением от логики развития той или иной системы, но чаще представляют собой устойчивый способ институционализации политических акторов, претендующих на легальный и легитимный характер власти.

Более полному пониманию функциональной составляющей правительств в изгнании способствует рассмотрение причин их появления и альтернативность проектов внутри

института. Наиболее распространены причинами являются внешняя агрессия (война или экспансия другого государства), а также революция внутри страны. В подавляющем большинстве случаев правительства не имеют конкурирующих организаций вне своего государства. В совокупности перечисленные факторы позволяют говорить о том, что законные правительства выстраивают коммуникацию с соотечественниками за рубежом и обычно способны удовлетворить какие-либо их минимальные запросы. В иных случаях правительства в изгнании – это один из возможных способов консолидации оппозиции либо сил сопротивления внутри и за пределами представляемого государства. Ввиду полного отсутствия доступа к территории в большей части случаев эффективность сопротивления явно низкая, что показывает лишь 45% «успешных», то есть вернувшихся, правительств.

Таблица 3. Декларируемая форма правления правительств в изгнании по периодам возникновения

Table 3. Declared form of rule of the governments in exile by periods of emergence

Период возникновения	Монархия	Президентская республика	Парламентская республика	Смешанная республика
1914–1945	6 ¹⁸	4	6	4
1946–1991	2 ¹⁹	3	1	4
1992–2024	2	5	3	2
Всего	11	12	10	11

Источник: составлено авторами.

С точки зрения попыток правительств в изгнании воспроизвести деятельность государственных институтов отдельного внимания заслуживает декларируемая ими форма правления (таблица 3). В период мировых войн более частым было обращение к монархической форме правления, что было связано с эмиграцией монархов во время вооруженного конфликта и их попытками восстановить свои права после завершения иностранной оккупации.

Хотя доля монархических правительств в изгнании постепенно сокращается, чаще их замещают президентские или смешанные республики, институциональные рамки которых позволяют сохранить иерархическую структуру лидерства. Обычно это подразумевает наличие одного четкого руководителя правительства в изгнании, такое лицо может находиться на формальной должности десятилетиями и олицетворять собой весь политический проект (например, польский президент в изгнании Аугуст Залеский (1947–1972), президент Южно-Молуккских островов Йохан Манусам (1966–1992)). Данная тенденция часто не совпадает с политическим развитием на территории происхождения.

Формы правления правительств в изгнании и государств, полный или частичный контроль над которыми хотели бы получить правительства в изгнании, некомплементарны (монархия – республика, суперпрезидентство – парламентаризм). Это создает дополнительные сложности для реализации конечной цели правительств в изгнании.

Заключение

На современном этапе развития феномена (после возвращения кувейтского правительства) можно говорить о снижении роли правительств в изгнании в системе международных отношений. Изолированные внешнеполитически государства (например, Ирак при бааситах, Камбоджа при правительстве Пол Пота), обладающие альтернативным правительством в изгнании, стали редкостью. В связи с этим всем прочим правительствам становится невыгодным признание на официальном уровне того или иного изгнанного правительства. Исключением из правила можно назвать правительство САДР, а также президентство Венесуэлы в изгнании (2020–2023).

18 +1 спорный случай Бельгии во время Второй мировой войны (король не участвовал в деятельности правительства в изгнании и пребывал в Брюсселе).
19 Кейс иранского монархического правительства в изгнании – до 2013 г.

Хотя правительства в изгнании являются определенным отклонением от логики развития вестфальских межгосударственных отношений, они всё же стремятся к устранению подобной инаковости и переходу в типичное «вестфальское государство» *с территорией и суверенитетом*. Правительства в изгнании стали, по сути, партиями за границей, которые идентифицируют себя как правительство с целью придания большего веса своим претензиям. Подобное положение всё еще детерминировано территориальностью: причина существования пролегает в невозможности находиться на *территории*, а экзистенциальный смысл – в возвращении. Успешность же и эффективность работы такого правительства зависят от отношений с территориальными образованиями, то есть с государствами, как контролирующими указанную территорию, так и другими.

Список литературы

- Гассиев М.В. Актуальность критериев Монтевидео для исследования института признания государств в международном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 93–96.
- Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. Признаки государства: понимание и интерпретации // Государство и право. – 2010. – № 10. – С. 5–16.
- Ильин М.В. Суверенитет: вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука. – 2005. – № 4. – С. 10–28.
- Кодин Е.В. Абрамчик и Островский: борьба за лидерство в среде белорусской послевоенной эмиграции // Славянский альманах. – 2021. – № 1–2. – С. 272–290. – DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.03.
- Короткова М.В. Политика США по непризнанию вхождения прибалтийских республик в состав СССР // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства. – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2015. – С. 208–213.
- Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 11–23. – DOI: 10.20542/afij-2019-4-11-23.
- Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 24–35. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03.
- Павлов С.Ю. Признаки государства: основные концепции в современной отечественной юридической науке // Сибирское юридическое обозрение. – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 406–410. – DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-406-410.
- Скиннер К. The state // Понятие государства в четырех языках : сб. ст. / под ред. О. Хархордина. – Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге; Москва : Летний сад, 2002. – С. 12–74.
- Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 416 с.
- Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. – Москва : Территория будущего, 2009. – 358 с.
- Фёдоров О.С. Характеристика проектов создания новых виртуальных государств // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2017. – № 2. – С. 129–135.
- Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующемся миропорядке: роль эмигрантских оппозиционных структур (2011–2015 гг. – Сирийский национальный совет, Национальная коалиция) // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 1. – С. 17–25.

Бульба-Боровець Т. Армія без держави: слава і трагедія українського повстанського руху. – Вінніпег : Накладом тов-ва «Волинь», 1981. – 327 с. – Укр. яз.

Малюта О. Органи влади ЗУНР та УНР в екзилі у 20-40-і рр. XX ст.: боротьба за національну державність як форму організації повсякденного життя української еміграції // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. – 2007. – Вип. 12. – С. 287–308. – Укр. яз.

Aron R. *Peace and War: A Theory of International Relations*. – London : Routledge, 2008. – 820 p.

Bennett A., George A.L. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. – Cambridge : MIT Press, 2005. – 331 p.

Biersteker T.J., Weber C. The social construction of state sovereignty // *Cambridge Studies in International Relations*. – 1996. – Vol. 46, N 1. – P. 1–21.

Dressler J., Forsberg C. The Quetta Shura Taliban in Southern Afghanistan // *Institute for the Study of War: Military Analysis and Education for Civilian Leaders*. – 2009. – December 21. – 11 p. – URL: https://www.understandingwar.org/sites/default/files/QuettaShuraTaliban_1.pdf (дата обращения: 11.04.2024).

Etcheson C. Civil war and the coalition government of Democratic Kampuchea // *Third World Quarterly*. – 1987. – Vol. 9, N 1. – P. 187–202.

Farah R. Sovereignty on borrowed territory: Sahrawi identity in Algeria // *Georgetown Journal of International Affairs*. – 2010. – Vol. 11, N 2. – P. 59–66.

Gilpin R. *War and Change in World Politics*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 272 p.

Held D. *Political Theory and the Modern State. Essays on State, Power, and Democracy*. – Cambridge : Polity Press, 2020. – 276 p.

Hoyos de Puente J. Return projects in the Spanish Republican exile's political cultures // *Culture & History Digital Jour-*

nal. – 2018. – Vol. 7, N 1. – Article 002. – DOI: 10.3989/chdj.2018.002.

Kekelia E. National memory in exile: The case of the Georgian émigré community, 1921–2018 // *Nations and Nationalism*. – 2023. – Vol. 29, N 1. – P. 246–263. – DOI: 10.1111/nana.12870.

Krasner S.D. Sharing sovereignty: New institutions for collapsed and failing states // *International Security*. – 2004. – Vol. 29, N 2. – P. 85–120.

Lifschultz L., Bird K. Bangladesh: Anatomy of a Coup // *Economic and Political Weekly*. – 1979. – Vol. 14, N 49. – P. 1999–2014.

Made V. The Estonian Government-in-Exile: A controversial project of state continuation // *The Baltic Question During the Cold War* / Ed. by J. Hiden, V. Made, D.J. Smith. – London : Routledge, 2008. – P. 145–155.

Mansel P. Courts in Exile: Bourbons, Bonapartes and Orléans in London, from George III to Edward VII // *A History of the French in London: Liberty, Equality, Opportunity* / Ed. by D. Kelly, M. Cornick. – London : University of London Press, 2013. – P. 100–101.

Martin J.F. The front (s) for the liberation of Cabinda in Angola: A phantom insurgency // *Secessionism in African Politics: Aspiration, Grievance, Performance, Disenchantment* / Ed. by L. De Vries, P. Englebert, M. Schomerus. – Berlin : Springer, 2018. – P. 207–227.

McConnell F. Citizens and refugees: constructing and negotiating Tibetan identities in exile // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2013. – Vol. 103, N 4. – P. 967–983. – DOI: 10.1080/00045608.2011.628245.

Misra K.P. Recognition of the 'Provisional Government' of the Algerian Republic: A Study of the Policy of the Government of India // *Political Studies*. – 1962. – Vol. 10, N 2. – P. 130–145.

Nettl J.P. The state as a conceptual variable // *World Politics*. – 1968. – Vol. 20, N 4. – P. 559–592.

Oppenheimer F.E. Governments and authorities in exile // *American Journal of International Law*. – 1942. – Vol. 36, N 4. – P. 568–595.

Park J.E. In Search for Democracy: Korean Provisional Government. – Middletown, Connecticut : Wesleyan University, 2009. – 109 p.

Pambou J.A. La fonction «dénonciative» dans le détournement de sigles, d'acronymes et d'abréviations en français du Gabon // *Synergies Afrique des Grands Lacs*. – 2015. – N 4. – P. 51–65. – Франц. яз.

Piazza J.A. The Democratic Islamic Republic of Iran in Exile: The Mojahedin-e Khalq and its Struggle for Survival // *Digest of Middle East Studies*. – 1994. – Vol. 3, N 4. – P. 9–43.

Reisman M. Governments-in-exile: notes towards a theory of formation and operation // *Governments-in-exile in Contemporary World Politics* / Ed. by Y. Shain. – London : Routledge, 1991. – P. 238–248.

Rojek W. The Government of the Republic of Poland in Exile, 1945–92 // *The*

Poles in Britain, 1940–2000: from Betrayal to Assimilation / Ed. by P.D. Stachura. – London : Routledge, 2004. – P. 33–47.

Roy K. Axis Satellite Armies of World War II: A Case Study of the Azad Hind Fauj, 1942–45 // *Indian Historical Review*. – 2008. – Vol. 35, N 1. – P. 144–172. – DOI: 10.1177/037698360803500107.

Shaw C. The Politics of Exile in Renaissance Italy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 257 p.

Skocpol T. Bringing the State Back In: Strategies of Analysis in Current Research // *Bringing the State Back In* / Ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 3–37.

Van der Wee H. A Small Nation in the Turmoil of the Second World War: Money, Finance and Occupation (Belgium, Its Enemies, Its Friends, 1939–1945). – Leuven : Leuven University Press, 2009. – 494 p.

Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.08

Governments-in-Exile: Sovereignty Without Territory?

Ivan D. LOSHKARIOV

PhD (Political Science), Associate Professor of the Department of Political Theory
MGIMO-University
Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7507-1669

Danila V. PROTASOV

Intern at the Institute of International Studies
MGIMO-University
Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: danilshabashi@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-2172-2589

CITATION: Loshkariov I.D., Protasov D.V. (2024). Governments-in-Exile: Sovereignty Without Territory? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 127–146 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.08

Received: 05.09.2024.

Revised: 18.12.2024.

ABSTRACT. *The article studies the emergence and evolution of governments-in-exile. The Westphalian world order, which has been established globally, dictates the a priori territorial nature of the state per se. The government apparatus, as an element of the state, is also a priori territorial. However, governments-in-exile represent an exception to this territoriality, as they claim to possess sovereignty. A deeper study of governments-in-exile could provide a more complete understanding of the link between sovereignty and territory. The authors analyze the causes behind the emergence of governments-in-exile, as well as their functions in a historical context. A total of 44 cases of governments-in-exi-*

le are examined. The authors identify the following as defining features of such governments: being located abroad, aiming to return to their homeland, and claiming sovereignty over a declared territory. In the historical context, the phenomenon is studied according to the following parameters: connection to the territory of origin, access to the proclaimed territory, presence of competing exile projects, dependence on armed conflicts for emergence, duration of existence, and degree of success – understood as the ability to return from exile. The article concludes that governments-in-exile constitute a distinct phenomenon in international relations. Functionally, such governments share certain similarities with opposition

parties operating from abroad. However, their claim to exclusive sovereignty over a specific territory distinguishes them from opposition parties. This sovereignty is intersubjective, meaning that the success of such structures largely depends on the expansion of their intersubjective recognition.

KEYWORDS: governments-in-exile, state, sovereignty, Westphalian world order, territoriality, exodus, alternative governments, legitimacy, intersubjectivity.

References

- Aron R. (2008). *Peace and War: A Theory of International Relations*. London: Routledge, 820 pp.
- Bennett A., George A.L. (2005). *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*. Cambridge: MIT Press, 331 pp.
- Biersteker T.J., Weber C. (1996). The social construction of state sovereignty. *Cambridge Studies in International Relations*. Vol. 46, no. 1, pp. 1–21.
- Bulba-Borovets T. (1981). *Army Without a State: The Glory and Tragedy of the Ukrainian Insurgency*. Winnipeg: Volyn Society, 327 pp. (in Ukrainian).
- Dmitriev Y.A., Mironov V.O. (2010). Features of the State: understanding and interpretation. *State and Law*. No. 10, pp. 5–16 (in Russian).
- Dressler J., Forsberg C. (2009). The Quetta Shura Taliban in Southern Afghanistan. *Institute for the Study of War: Military Analysis and Education for Civilian Leaders*. December 21, 11 pp. Available at: https://www.understandingwar.org/sites/default/files/QuettaShuraTaliban_1.pdf, accessed 11.04.2024.
- Etcheson C. (1987). Civil war and the coalition government of Democratic Kampuchea. *Third World Quarterly*. Vol. 9, no. 1, pp. 187–202.
- Farah R. (2010). Sovereignty on borrowed territory: Sahrawi identity in Algeria. *Georgetown Journal of International Affairs*. Vol. 11, no. 2, pp. 59–66.
- Fedorov O.S. (2017). The characteristic of projects of creating new virtual states. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. No. 2, pp. 129–135 (in Russian).
- Gassiev M.V. (2014). Relevance of the criteria of statehood set out in the Montevideo convention for research of the institute of recognition of state in international law. *Law Herald of Dagestan State University*. No. 3, pp. 93–96 (in Russian).
- Gilpin R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 272 pp.
- Held D. (2020). *Political Theory and the Modern State. Essays on State, Power, and Democracy*. Cambridge: Polity Press, 276 pp.
- Hoyos de Puente J. (2018). Return projects in the Spanish Republican exile's political cultures. *Culture & History Digital Journal*. Vol. 7, no. 1, article 002. DOI: 10.3989/chdj.2018.002.
- Ilyin M.V. (2005). Sovereignty: political category shaping under the conditions of globalization. *Political Science*. No. 4, pp. 10–28 (in Russian).
- Kekelia E. (2023). National memory in exile: The case of the Georgian émigré community, 1921–2018. *Nations and Nationalism*. Vol. 29, no. 1, pp. 246–263. DOI: 10.1111/nana.12870.
- Khodynskaya-Golenishcheva M.S. (2018). The Syrian crisis in the transforming world order: role of Syrian emigrant opposition structures (2011–2015 – Syrian National Council, National Coalition). *Asia and Africa Today*. No. 1, pp. 17–25 (in Russian).
- Kodin E.V. (2021). Abramchik and Ostrovsky: the struggle for leadership among the Belarusian post-war emigration. *Slavic Almanac*. No. 1–2, pp. 272–290 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.03.
- Korotkova M.V. (2015). The policy of the United States on non-recognition of

the entry of the Baltic republics into the USSR. 1945: *The Formation of the Foundations of the Post-war World Order*. Kirov: Raduga-PRESS, pp. 208–213 (in Russian).

Krasner S.D. (2004). Sharing sovereignty: New institutions for collapsed and failing states. *International Security*. Vol. 29, no. 2, pp. 85–120.

Kupriyanov A.V. (2019). The “Westphalian myth” and “Westphalian” sovereignty. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. No. 4, pp. 11–23 (in Russian). DOI: 10.20542/afj-2019-4-11-23.

Lebedeva M.M. (2020). The New World Order: parameters and possible contours. *Polis. Political Studies*. No. 4, pp. 24–35 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03.

Lifschultz L., Bird K. (1979). Bangladesh: Anatomy of a Coup. *Economic and Political Weekly*. Vol. 14, no. 49, pp. 1999–2014.

Made V. (2008). The Estonian Government-in-Exile: A controversial project of state continuation. In: Hiden J., Made V., Smith D.J. (eds.). *The Baltic Question During the Cold War*. London: Routledge, pp. 145–155.

Malyuta O. (2007). Authorities of the WUPR and UPR in exile in the 20–40s of the twentieth century: the struggle for national statehood as a form of organization of everyday life of Ukrainian emigration. *Ukraine of the Twentieth Century: Culture, Ideology, Politics*. Issue 12, pp. 288–299 (in Ukrainian).

Mansel P. (2013). Courts in Exile: Bourbons, Bonapartes and Orléans in London, from George III to Edward VII. In: Kelly D., Cornick M. (eds.) *A History of the French in London: Liberty, Equality, Opportunity*. London: University of London Press, pp. 100–101.

Martin J.F. (2018). The front (s) for the liberation of Cabinda in Angola: A phantom insurgency. In: De Vries L., Englebert P., Schomerus M. (eds.). *Secessionism in African Politics: Aspiration, Grievance, Performance, Disenchantment*. Berlin: Springer, pp. 207–227.

McConnell F. (2013). Citizens and refugees: constructing and negotiating Tibetan identities in exile. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 103, no. 4, pp. 967–983. DOI: 10.1080/00045608.2011.628245

Misra K.P. (1962). Recognition of the ‘Provisional Government’ of the Algerian Republic: A Study of the Policy of the Government of India. *Political Studies*. Vol. 10, no. 2, pp. 130–145.

Nettl J.P. (1968). The state as a conceptual variable. *World Politics*. Vol. 20, no. 4, pp. 559–592.

Oppenheimer F.E. (1942). Governments and authorities in exile. *American Journal of International Law*. Vol. 36, no. 4, pp. 568–595.

Pambou J.A. (2015). The “denunciatory” function in the misappropriation of acronyms, abbreviations and acronyms in Gabonese French. *Synergies Afrique des Grands Lacs*. No. 4, pp. 51–65 (in French).

Park J.E. (2009). *In Search for Democracy: Korean Provisional Government*. Middletown, Connecticut: Wesleyan University, 109 pp.

Pavlov S.Y. (2018). Characteristics of the State: Basic Concepts in Modern National Legal Science. *Siberian Law Review*. Vol. 15, no. 4, pp. 406–410 (in Russian). DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-406-410.

Piazza J.A. (1994). The Democratic Islamic Republic of Iran in Exile: The Mojahedin-e Khalq and its Struggle for Survival. *Digest of Middle East Studies*. Vol. 3, no. 4, pp. 9–43.

Reisman M. (1991). Governments-in-exile: notes towards a theory of formation and operation. In: Shain Y. (ed.), *Governments-in-exile in Contemporary World Politics*. London: Routledge, pp. 238–248.

Rojek W. (2004). The Government of the Republic of Poland in Exile, 1945–92. In: Stachura P.D. (ed.) *The Poles in Britain, 1940–2000: from Betrayal to Assimilation*. London: Routledge, pp. 33–47.

Roy K. (2008). Axis Satellite Armies of World War II: A Case Study of the Azad Hind Fauj, 1942–45. *Indian Historical Review*. Vol. 35, no. 1, pp. 144–172. DOI: 10.1177/037698360803500107.

Shaw C. (2000). *The Politics of Exile in Renaissance Italy*. Cambridge: Cambridge University Press, 257 pp.

Skinner Q. (2019). The State. In: Kharkhordin O. (ed.) *The Idea of the State in Four Languages*. Saint-Petersburg: EUSP Press; Moscow: Letniy sad, pp. 12–74 (in Russian).

Skocpol T. (1985) Bringing the State Back In: Strategies of Analysis in Current Research. In Evans P.B., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds.) / *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–37.

Teshke B. (2011). *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 416 pp. (in Russian).

Tilly C. (2009). *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992*, Moscow: Territoria Budushchego, 328 pp. (in Russian).

Van der Wee H. (2009). *A Small Nation in the Turmoil of the Second World War: Money, Finance and Occupation (Belgium, Its Enemies, Its Friends, 1939–1945)*. Leuven: Leuven University Press, 494 pp.

Wendt A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 429 pp.

УДК 321(497.5)
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.09

Государственное строительство как поиск онтологической безопасности: случай Хорватии в контексте распада СФРЮ

Даниил Олегович РАСТЕГАЕВ

младший научный сотрудник Отдела политической науки
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии
наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: rastegaev.2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1158-9987

ЦИТИРОВАНИЕ: Растегаев Д.О. Государственное строительство как поиск онтологической безопасности: случай Хорватии в контексте распада СФРЮ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 6. С. 147–166.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.09

Статья поступила в редакцию 08.05.2024.
Исправленный текст представлен 12.10.2024.

АННОТАЦИЯ. *Статья призвана рассмотреть процесс государственного строительства через призму теории об онтологической безопасности. Идея о поиске акторами устойчивого образа себя в мире позволяет рассмотреть угрозы безопасности сообщества в иных (помимо физического) измерениях. Автор производит попытку концептуализации понятия «рутинизация» – повторения определенных действий, которое призвано вытеснить тревожность и укрепить состояние онтологической безопасности сообщества. Основываясь на идеях Э. Гидденса, Дж. Митцен, Б. Стили и Ф. Эйдуса, автор показывает, что рутина, выстраиваемая как самими акторами, так и per se в силу осуществления меж-*

акторного взаимодействия, является базовым методом работы с критическими ситуациями. С другой стороны, именно критические ситуации формируют канал смены рутин. Рассматриваемый случай Хорватии в контексте распада социалистической Югославии позволяет проиллюстрировать идею о государственном строительстве как поиске онтологической безопасности. Критическая ситуация, связанная со сломом рутин «братства и единства», охарактеризовалась реактуализацией этнических противоречий; наиболее эффективно рассматривать развитие ситуации через взаимодействие четырех акторов: Ф. Туджмана, С. Милошевича, хорватов и сербов. Реакцией Ф. Туджмана на критиче-

скую ситуацию стало формирование рутин «франьонизма», главным выражением которого стало противопоставление хорватов и сербов, а также деконструкция югославского прошлого. Государственное строительство в духе «франьонизма», впрочем, привело не только к росту онтологической безопасности хорватов, но и к формированию новой критической ситуации между хорватами и сербами, разрешение которой привело к полноценному вооруженному конфликту.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: онтологическая безопасность, рутинизация, критическая ситуация, государственное строительство, СФРЮ, Хорватия, Сербская Краина, Ф. Туджман.

Окончание биполярного противостояния, сопровождавшееся распадом социалистического блока и прекращением существования ряда многонациональных федераций, породило волну этнических конфликтов, сопряженных с высокой степенью насилия. Как правило, особая жестокость при ведении этих конфликтов оправдывалась как некая вынужденная мера, «мечь», «расправа» над своими историческими обидчиками. Не будет преувеличением утверждать, впрочем, что основным мотивом подобных действий была не сама по себе жажда жестокости, а поиск безопасности, стремление к ликвидации любых угроз выживаемости и устойчивости противоборствующих этнических сообществ, порой любой ценой. С другой стороны, безопасность, в поисках которой находятся субъекты конфликтного взаимодействия, не всегда соответствует ее «классической» («физической») ипостаси – часто акторы находятся в поиске безопасного «видения себя в мире». Эта посылка частично разрешает парадокс о вступлении коллективных субъектов в конфликт

(по сути отказа от части «физического» благосостояния членов сообщества) с целью поиска безопасности; необходимость исследования этого парадокса обуславливает выбор идеи об онтологической безопасности макрополитических субъектов как базового теоретического концепта настоящей статьи.

Парадокс безопасности (часто именуемый *дилеммой*) в части конфликтов имеет тенденцию к некоторому вертикальному – смысловому – распространению: не только обеспечение безопасности «государства А» может вести к небезопасности «государства В», но и достижение онтологической безопасности – комфортного ощущения «себя в мире» – для самого «государства А» способно привести к его же физической небезопасности. Вторая часть парадокса ощущается особо остро в конфликтах, где на кону стоит не только выживаемость противоборствующих групп, но и их ощущение «групповости». Так происходит именно в этнических конфликтах; этим обусловлен выбор случая Хорватии в контексте распада СФРЮ в качестве эмпирического объекта исследования.

Распад социалистической Югославии во многом показателен как случай реактуализации этнических конфликтов, обусловленных обширным историческим бэкграундом. Падение авторитета, а затем исчезновение союзного центра наделило бывшие субъекты федерации правом на достижение суверенитета и построение собственной государственности (причем независимо от того, был ли у той или иной группы исторический опыт существования в качестве независимого государства). В настоящей статье мы предлагаем рассматривать процесс государственного строительства как акт поиска онтологической безопасности – приобретение черт государственности как некоей «рутины», комплекса повторяемых

действий, способствующих росту безопасного ощущения коллективных субъектов «себя в мире».

В этой работе автором будет использован ретроспективный анализ как необходимый инструмент для выделения причинно-следственных связей в исследуемой фактуре распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Также автором будут применены элементы концептуального анализа в качестве базового метода работы с теоретическими выкладками, доступными к моменту написания статьи.

Неопределенность и рутина: зарисовки к «вытеснению» онтологической небезопасности

Исследователям онтологической безопасности всё еще приходится повторять «археологию» термина как мантру для первого знакомства читателя с функционалом концепта. Тем не менее нас интересует не концептуальный анализ как таковой¹, а лишь важные детали общего понятийного «пазла». Оригинальный термин британского психиатра Роберта Лейнга [Laing, 1960], который он применял как базовый критерий отличия здоровых людей от больных шизофренией, в социологию перенес другой британец, Энтони Гидденс. В своей работе «Модерность и самоидентичность» автор, так же как и Р. Лейнг, рассматривал онтологическую безопасность как способность субъекта ощущать свое «реальное, живое, цельное и темпорально непрерывное» присутствие в мире [Giddens, 1991]. Ключевым для онтологической безопасности является

понятие тревожности; собственно, процесс укрепления онтологической безопасности (по Э. Гидденсу) состоит в поддержании естественного, воспринимаемого как должное отношения к базовым экзистенциальным вопросам о времени, пространстве, непрерывности и идентичности; ответы на них позволяют выносить за скобки эту самую тревожность. Одной из главных техник достижения онтологической безопасности становится рутинизация, или вытеснение тревожности посредством каждодневного повторения определенных (ритуальных и не очень) действий – *day-to-day routines*. Сравним это с мыслью Эрнеста Ренана о нации как о «каждодневном плебисците»; при должном усердии всё, что становится элементом рутинизации, рано или поздно станет объективной социальной реальностью – это роднит наши догадки с мыслями теоретика конструктивизма Александра Вендта [Wendt, 1995] о природе конструируемых социальных явлений.

Впрочем, дискурс об онтологической безопасности включает и компонент рефлексии, который мы не можем проигнорировать в интересах наиболее полного представления концепта. Классический аргумент против конструктивистских теорий вращается вокруг послышки о «переносе» черт поведения личности на деятельность коллективных субъектов в целом и государств в частности; Впрочем, действуя в рамках этой статьи в парадигме конструктивизма (и не ставя исследовательский вопрос о ревизии конструктивизма), мы должны согласиться с рядом его допущений.

Российские авторы [Худайкулова, Неклюдов, 2019] указывают на отсутствие единого понимания категорий

¹ Здесь мы можем отослать к основным обзорным работам на русском языке [Севастьянова, Ефременко, 2020; Худайкулова, Неклюдов, 2019].

«предсказуемости» и, соответственно, «неопределенности». Дженнифер Митцен и Катарин Кинвалл (можно сказать, «классики» литературы об онтологической безопасности) говорят о «сверхполагании» (*over-reliance on*) на идеи Э. Гидденса, предлагая свои варианты интерпретации его базовых понятий [Kinvall, Mitzen, 2020]. Также некоторые авторы критикуют гиперболизацию фактора поддержания стабильности как основного способа достижения онтологической безопасности (*status-quo bias*) [Browning, Joenniemi, 2017]. Феминистская теория, в свою очередь, оспаривает закрепление определенных социальных порядков с точки зрения подчеркивания необходимости существования политической критики и протестных движений, чье поле активности сужается по мере приближения коллективных субъектов к состоянию онтологической безопасности [Rossdale, 2015].

Вернемся к проблеме рутинизации. Для Джефа Хейсманса, одного из первых исследователей онтологической безопасности в плоскости международных отношений [Huysmans, 1998], этот вариант безопасности означал некоторую стратегию, с помощью которой можно было бы «управлять пределами рефлексивности» через помещение социальных отношений в определенный институциональный и символический порядок. Другими словами, поиск онтологической безопасности нацелен не на искоренение «противников» (*enemies*), а на стимулирование процесса упорядочивания социальной реальности, ключевым вопросом которой становится выработка отношений к тем элементам, которые не входят в систему (*strangers*). Онтологическая безопасность противопоставляется автором безопасности каждодневной (*daily security*) – стратегии выживания, направленной на противо-

стояние воспринимаемым (*objectified*) угрозам, – тем самым «противникам», уже являющимся частью системы. Более того, Дж. Хейсманс считает, что каждодневная безопасность вводит некоторый «уровень определенности путем объективации абстрактного страха смерти через конструирование врага», в то время как онтологическая безопасность имеет дело с вопросами собственно принципа детерминированности угроз и упорядочивания хаоса вообще. Следовательно, государство есть главный актор онтологической безопасности, поскольку создает необходимое ощущение порядка – детерминирует систему социальных отношений и задает своим существованием координатное поле, на котором угрозы можно объективировать.

Исследовательница Дж. Митцен [Mitzen, 2006] считает, что онтологическая безопасность достигается рутинизацией отношений со значимыми другими; этим положением она формирует один из двух наиболее популярных сегодня подходов [Zarakol, 2010] к трактовке онтологической безопасности. Подобная рутинизация ведет к формированию устойчивой связи субъекта с другими себе подобными – для создания ощущения агентности, как раз и необходимой для поддержания устойчивости «себя в мире»; это положение хорошо коррелирует с позицией Дж. Хейсманса о «порядке как системе». Упорядочивание восприятий ведет к образованию «защитного кокона» (*protective cocoon*), позволяющего актору верить в устойчивость своего мироощущения – системы «базового доверия» (*basic trust system*). Механизмом реализации такого «базового доверия» является создание «рутин» – внутренне запрограммированных когнитивных и поведенческих реакций на некоторые получаемые извне стимулы. Такие рутины не выбираются в каком-ли-

бо значимом смысле, а принимаются, по мнению Дж. Митцен, как данность; и поскольку рутины формируют идентичность, акторы становятся к ним привязаны. Это таит в себе огромный конфликтный потенциал: рутинизировать можно и конфликтное взаимодействие с «другим» – так онтологическая безопасность может вступать в противоречие с физической, а ее субъектам может быть выгодно вести даже сопряженный с высокой степенью жестокости конфликт для поддержания устойчивости концепта «себя». Для поиска онтологической безопасности иногда выгоднее оказывается устойчивая война (с весьма понятным разграничением на «друзей» и «врагов») вместо неустойчивого мира – так появляются особые, неразрешимые (*intractable*) конфликты.

В целом идея рутинизации как основного способа укрепления онтологической безопасности характерна и для остальных подходов и авторов. Брент Стили [Steele, 2008], приверженец «индивидуалистического» подхода, также рассматривал рутинизацию как необходимую часть поиска онтологической безопасности. Для Б. Стили, впрочем, рутины уже не выстраиваются исключительно в отношениях между субъектами, как для Дж. Митцен (и, следовательно, не воспринимаются как объективная данность); акторы могут самостоятельно выстроить все необходимые реакции и образцы поведения. При этом рутинизация (как и стандартизация реакций на внешние стимулы) постепенно лишает субъектов способности к научению; формируя свои поведенческие образцы, акторы часто оказываются их заложниками. Впрочем, идея об эндогенном выстраивании рутин может привести нас и к существующим концептам о конструировании национальных идентичностей: это и «национальный

порядок вещей» Лизы Малкки [Malkki, 1995], и «банальный национализм» Майкла Биллига [Billig, 1995], и «интернализация» и «малые истории» Сары Рэдклифф и Салли Вествуд [Radcliffe, Westwood, 1996], и «биография нации» Феликса Беренскёттера [Berenskoetter, 2014], и даже «секьюритизации памяти» Марии Мальксоо [Mälksoo, 2015].

Б. Стили, как и другой исследователь, Филип Эйдус [Ejdus, 2020], добавляет в свое исследование понятие «критическая ситуация» (автор которого тоже Э. Гидденс), означающее некоторое «непредсказуемое обстоятельство или происшествие, затрагивающее существенное число участников сообщества и разрушающее уверенность (или угрожающее ее разрушением) в институционализированных рутинах». По мнению Ф. Эйдуса, государства гораздо более уязвимы к онтологической небезопасности, и такие акторы «могут попытаться рутинизировать свое подчиненное положение в мире через нарративы виктимизации и построить свою самоидентификацию на этой черте». Следовательно, критические ситуации, разрушая старые рутины, стимулируют дальнейшее разворачивание процесса рутинизации. «Критическая ситуация» отлично рифмуется с другими понятиями, устоявшимися в сфере изучения безопасности этнических групп: «растущая анархия» при распаде многонациональных федераций Барри Позена [Posen, 1993], автора концепта «дилеммы этнической безопасности», или формулировка «ситуация дилеммы безопасности», встречающаяся у многих авторов [Rose, 2000; Roe, 2000].

Здесь стоит отметить и идеи, предлагаемые сторонниками «теории критических изменений» (*critical junctures theory*) [Pierson, 2004, p. 135; Capocchia, Kelemen, 2007; Collier, Collier, 1991]. В самом общем выражении термин обо-

значает изменения, ставящие институты и процессы на траектории, которые в будущем будет трудно изменить. При этом подобные *critical junctures* должны длиться меньше или гораздо меньше, чем их последствия; более того, совсем не обязательно, чтобы общество не возвращалось к исходной точке. Другими словами, сторонники этой теории полагают, что в процессе развития некоторого общества может наступать непродолжительный период «критических изменений», в рамках которого политики или иные акторы встают перед выбором многочисленных путей дальнейшего развития; особенность такой ситуации, как мы отметили ранее, заключается именно в долговременности последствий выбранных опций. Следовательно, описанная нами выше «критическая ситуация» может привести к некоторому «критическому изменению» – новой институциональной рутине, которая будет определять долгосрочный тренд развития сообщества, поддерживая *per se* устойчивость восприятия сообществом себя в мире.

Таким образом, понятие «рутинизация», характерное в области международных отношений только для дискурса об онтологической безопасности, удачно вписывается в контуры исследований об этнических процессах. Рутинизация является важным «пазлом» в общей картине деятельности и развития макрополитических акторов: это ключевой процесс на пути к обретению такими субъектами ощущения своей безопасности. Выстраиваемые экзо- и эндогенно, рутины взаимозаменяемы; впрочем, ускоренной смене одной рутины на другую может способствовать некая критическая ситуация.

Рутинизация: «братство и единство» в социалистической Югославии

В социалистической Югославии, рассмотрение истории которой важно для понимания истоков кризиса 1990-х годов, существовали свои рутины, слом которых обозначил критическую ситуацию для всех населявших ее народов. Параметры будущего кризиса были определены в том числе ограниченностью выстраиваемых «сверху» идеологических рутин.

Югославская федерация (сначала ФНРЮ, затем СФРЮ) была создана победителями во Второй мировой войне – коммунистами-партизанами, которые в результате многолетней антифашистской борьбы получили абсолютный мандат на формирование нового государственного строя. Логика нового правительства строилась на принципе «пролетарского югославизма» и на лозунге «братство и единство» – декларируемом равенстве всех народов Югославии. Обратим внимание, что уже в декларации второго заседания Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ)² – главном документе, на основании которого была возобновлена югославская государственность, – не нашлось места даже мусульманам-боснийцам. Народы получали свои союзные республики (Босния и Герцеговина была образована без народа, который имел бы абсолютное большинство, – после распада Югославии это стало причиной масштабных кровавых конфликтов), а национальные меньшинства (за исключением венгров и албанцев) свои территориальные образования – нет. Следовательно, уже в основании соци-

2 Одлука II заседања АВНОЈ-а о изградњи Југославије на федеративном принципу // Викизворник. – Сербохорв. яз. – URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Одлука_II_заседања_АВНОЈ-а_о_изградњи_Југославије_на_федеративном_принципу (дата обращения: 07.05.2024).

алистической Югославии был заложен парадокс, выражаемый в формальном «братстве и единстве» при фактическом неравенстве населявших Югославию народов.

Рутинa, сформированная идеологией «братства и единства», была довольно поверхностной и выполняла, скорее, условную пропагандистскую функцию. По сути, она находила свое выражение в публичном замалчивании ряда спорных вопросов. Даже сама по себе этничность зачастую была предметом эвфемизации: например, при объявлении артистов была распространена практика замены этнической принадлежности на территориальную: так хорватские певцы были «загребскими», а сербские – «белградскими» [Goldstein, 2017]. Рутинизировалось, по крайней мере, не страшное прошлое или относительно хорошее, но всё же не такое безоблачное настоящее, а «прекрасное будущее», в котором все национальные преграды будут преодолены: этот вектор привел, например, к появлению в переписи 1961 г. национальной категории «югослав» [Мартынова, 1998]. Идеологическая рамка «пролетарского югославизма» позволяла отбраковывать все «чуждые» нарративы в общественных дискуссиях как «буржуазный национализм» [VII kongres..., 1958], а все негативные элементы окружающей реальности оправдывать скорым преодолением всех проблем. Следовательно, любой выход за эти рамки (в частности, националистическая риторика) провоцировал разрушение действующих рутин и, как следствие, рост онтологической небезопасности.

Реальность давала огромное количество поводов ощущать тревожность: как минимум сам по себе политический

процесс в послевоенной Югославии строился на (кулуарном) противостоянии двух партийных полюсов. Две эти группы возглавляли сторонник более централизованной федерации, руководитель службы государственной безопасности Югославии серб А. Ранкович и сторонник большей хозяйственной автономии республик от союзного центра, один из главных идеологов Югославии словенец Э. Кардель [Гуськова, 2011] – при «верховном арбитре» И. Броз Тито. Победа Э. Карделя, ознаменованная громкой отставкой А. Ранковича в 1966 г., дала «зеленый свет» «автономистам», что, очевидно, не могло не способствовать возникновению критической ситуации.

Первым своеобразным краш-тестом существующих рутин, наверное, стала «Хорватская весна» (или «маспок» – от хорв. *masovni pokret* – «массовое движение») – широкое общественное движение в Хорватии конца 1960-х – начала 1970-х годов, расширившее повестку национального вопроса с хозяйственной автономии до языкового и культурного равноправия народов Югославии. Исходной точкой «маспока» стала «Декларация о положении и названии хорватского литературного языка», выпущенная хорватским просветительским обществом «Матица хорватская» в марте 1967 г. Декларация содержала требования о конституционном равноправии словенского, хорватского, сербского и македонского языков, а также об использовании хорватского языка в прессе и школах³.

Декларация вызвала широкий общественный резонанс и тем самым поставила под сомнение часть из существующих рутин. Во-первых, документ практически дезавуировал положения

3 Декларacija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Matica Hrvatska. – Сербохорв. яз. – URL: http://www.matica.hr/kolo/kolo2009_1.nsf/AllWebDocs/Deklaracija_o_nazivu_i_položaju_hrvatskog_književnog_jezika (дата обращения: 07.05.2024).

Новисадского договора 1954 г.⁴ о единстве сербохорватского языка; рутинизированное единство народов Югославии через язык ставилось под сомнение. Во-вторых, в публичное пространство возвращался фактор «отличности» и неравноправия югославских народов, сокрытый за идеологической рутинной «братства и единства»; начались реальные политические дискуссии, которые раньше оставались за кулисами внутрипартийной борьбы. В-третьих, «Матица хорватская», заявив так широко о своей позиции по языковому вопросу, стала претендовать на собственную субъектность в качестве квазиполитической партии (к 1970 г. существовало уже 55 ячеек Матицы во многих городах Хорватии; не могло не возникнуть опасений в том, что за языковым вопросом последует актуализация других, более острых противоречий), что размывало рутинизированную монополию коммунистической партии – и как модератора общественных дискуссий, и как единственного политического игрока вообще.

Декларация способствовала началу разнообразных дискуссий и внутри партии, и в среде интеллектуалов, и в обществе. Тренд на ведение публичных обсуждений был продолжен, в частности, и Институтом истории рабочего движения, возглавляемым будущим президентом независимой Хорватии Франьо Туджманом; институт стал активно проводить публичные мероприятия, где поднимался вопрос о пересмотре хорватской истории [Гуськова, 2011]. Впрочем, после начала студенческих демонстраций в Загребе в 1971 г. движение, развивавшееся и неуклонно политизировавшееся на протяжении четырех лет, было в скором порядке свернуто: сами демонстрации были

разогнаны милицией, организаторы движения со стороны членов коммунистической партии (Савка Дабчевич-Кучар, Мико Трипало и др.) были сняты с должностей, была проведена масштабная чистка в Союзе коммунистов Хорватии, а в 1972 г. была закрыта «Матица хорватская».

«Критическое изменение» здесь означеновалось консервацией старой рутины; оно было проведено силовыми методами со стороны союзного центра. Следовательно, без участия центра любой следующий кризис смог бы легко перерасти в критическую ситуацию.

Неопределенность: распад Югославии как критическая ситуация

В другой (и последний) раз рутина «братства и единства» была поставлена под сомнение уже сербами-диссидентами. Ключевой проблемой для них представлялась перспектива потери Косова, и с отставкой А. Ранковича такие опасения только усилились. Уже в разгар «маспока» в публичном пространстве вопрос о положении сербов в Косове поднял публицист Добрица Чосич, выступив с речью на встрече с лидерами коммунистической партии в мае 1968 г.; вслед за хорватскими либералами в начале 1970-х годов были преследуемы и сербские диссиденты. Массовый отъезд сербов из Косова, начавшийся после смерти И. Броз Тито и главным образом спровоцированный новыми националистическими выступлениями в крае 1981 г., только добавил этнополитического накала в сербскую и югославскую политику. К этому же времени относится публикация двух работ, обозначивших серьезные претензии некоторых народов Югославии на слом

4 Novosadski dogovor // Викизворник. – Сербохорв. яз. – URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Novosadski_dogovor (дата обращения: 07.05.2024).

существующих рутин: «Ислам между Востоком и Западом» (1980) будущего главы независимой Боснии и Герцеговины Али Иетбеговича и «Национализм в современной Европе» (1981) будущего президента Хорватии Франьо Туджмана. По большому счету, их можно расценивать как манифесты, излагающие националистические программы переустройства союзных республик Югославии.

На этом фоне сербы, составлявшие значительное по численности меньшинство в Хорватии и Боснии и Герцеговине, а также в Косово (части собственной национальной республики), не могли не почувствовать угрозу собственному существованию. Определенный общественный резонанс вызвала публикация проекта Меморандума Сербской академии наук и искусств 1986 г.⁵, где поднимался вопрос о крайне бедственном положении сербов не только в Косово, но и в Хорватии. По сути, меморандум можно было назвать (ответным хорватскому и боснийскому) манифестом сербского национального движения; в силу этого документ, опубликованный на страницах белградской газеты «Вечерние новости», стал еще одним эпизодом раскручивания спирали конфликтности, которая в итоге привела к распаду СФРЮ и Югославским войнам. Националистические нарративы хорватов и боснийских мусульман, а также нарратив о «жертвенности» сербского народа оказался сильнее рутины «братства и единства», и тренд на демократизацию управления Югославией привел к рождению «национальных предпринимателей» в союзных республиках. С разрушением старых, «примирительных», рутин стала формироваться критическая ситуация (детерминиро-

ванная манифестированным соперничеством вместо хотя бы ритуально рутинизированного «единства»), развитие которой привело к полномасштабному вооруженному конфликту (первым эпизодом которого стала война в Хорватии).

Для описания процессов формирования критической ситуации на фоне распада СФРЮ мы обратимся к работе Эстер Виссер и Изабель Дюйвестейн «Нерелевантность дилеммы безопасности для гражданских войн» [Visser, Duyvesteyn, 2014]. Помимо того, что авторы резко критикуют применимость модели дилеммы к анализу этнополитической конфликтности, они довольно удачно предлагают рассматривать сложившуюся в Югославии ситуацию в оптике акторного подхода. Э. Виссер и И. Дюйвестейн выделяют четырех действующих «лиц» в этом кризисном взаимодействии: С. Милошевича (и даже не лидеров хорватских сербов), Ф. Туджмана, сербов и хорватов. Конечно, рассмотрение групп как самостоятельных акторов представляется в некоторой степени редукционизмом (хотя это не стало препятствием, например, для формирования целого дискурса о «дилемме этнической безопасности», в который внесли свой вклад Б. Позен [Posen, 1993], У. Роз [Rose, 2000] и С. Кауфман [Kaufman, 1996]); впрочем, другие авторы [Bojicic-Dzelilovic, 2015], применявшие подобный подход, рассматривали исключительно Ф. Туджмана и С. Милошевича как основных или единственных действующих лиц, что является редукционизмом в большей степени. С другой стороны, более детальный акторный анализ показывает, что в это время самостоятельным игроком была и Югославская народная армия (ЮНА) во главе с генералом

5 Меморандум САНУ // Викизворник. – Сербохорв. яз. – URL: https://sr.wikisource.org/wiki/Меморандум_САНУ (дата обращения: 07.05.2024).

Велько Кадиевичем [Гольдиштейн, 2024]; впрочем, актором межэтнического взаимодействия ЮНА стала только с началом гражданской войны в Хорватии, полностью встав на сторону сербов.

По мнению авторов, критическая ситуация в Хорватии в контексте распада СФРЮ развивалась по спиральной модели, что было обусловлено недостатком информации и неправильным восприятием намерений сторон. Пропаганда С. Милошевича о бедственном положении сербов отрикошетила в сторону Ф. Туджмана, активизировавшего свою национальную риторику и пришедшего в результате к власти в Хорватии как лидер Хорватского демократического содружества (ХДС). Хорватские сербы, восприняв политику Ф. Туджмана как угрозу своему существованию, начали стихийно самоорганизовываться в группы, чтобы предотвратить «ушашский террор». Сами хорваты восприняли воинственность сербов в их оборонительных устремлениях как угрозу целостности уже своего сообщества.

Расширить рамку Э. Виссер и И. Дюйвестен можно за счет критикуемой ими теории. Физические параметры наступающей критической ситуации изложены в многочисленных публикациях политических реалистов, обозревавших применительно к этому случаю свою «дилемму этнической безопасности». «Физичность», или слишком явная опора на обоснования «выживаемости» и следование физической безопасности, не должны завести нас в тупик: рассматриваемая нами критическая ситуация действительно характеризуется наличием опасности физического истребления группы целиком или отдельных ее представителей. «Этнический страх» [Bojicic-Dzelilovic, 2015; Heath, 2016] в этом случае является синонимом онтологической небезопасности; главная причина на-

ступления критической ситуации – исчезновение рутин союзной югославской государственности.

Критическая ситуация в оценках политических реалистов характеризуется невозможностью проведения различий между оборонительными и наступательными намерениями, а также тем, что «наступление» считается выгоднее «обороны». Параметры такой ситуации Б. Позен передает в виде «окон возможностей» [Posen, 1993] (*windows of vulnerability and opportunity*), к которым он относит распад «империи» (то есть многоэтнической политики), преимущество в скорости государственного строительства, преимущество в вооружении, ожидания внешнего вмешательства. Из этого следует не только то, что обладание этими преимуществами способно обеспечить безопасность (как физическую, так и онтологическую), но и то, что отсутствие таковых приводит к состоянию онтологической небезопасности. Следовательно, ликвидация преимуществ противоположной стороны способствует росту как защищенности, так и устойчивости сообщества.

При этом, как представляется, критическая ситуация не была однородной для всех акторов. Реалист С. Кауфман [Kaufman, 1996] разделял конфликты элит и конфликты масс; следовательно, возвращаясь к аргументации Э. Виссер и И. Дюйвестен, критическая ситуация для С. Милошевича и Ф. Туджмана не была эквивалентна критической ситуации для сербов или хорватов. Если для С. Милошевича ситуация была критической изначально (что было обусловлено перспективой потери Косова), то для Ф. Туджмана она стала таковой по итогам тиражирования агрессивной риторики С. Милошевича; следовательно, путь преодоления этой критической ситуации был найден в государственном строительстве.

Институциональный «задел» хорватской независимой государственности (который мы разберем в следующем разделе) стал критической ситуацией для хорватских сербов, которые, чувствуя перспективу ассимиляции (конституционный статус «государствообразующего» для сербского народа был понижен до обычного «национального меньшинства», сербские партии проиграла выборы в Сабор 1990 г.), начали самостоятельно организовывать и институционализировать свое проживание в Хорватии. Для самих хорватов критическая ситуация по большому счету стала актуальной только после «революции бревен» (первого эпизода вооруженного столкновения хорватов и сербов в результате разгона незаконного (с точки зрения Загреба) референдума об автономии краинских сербов в составе Хорватии августа 1990 г.), когда стало понятно, что конфликтное взаимодействие сторон приближается к полноценному вооруженному столкновению.

Рутин-2: Ф. Туджман и хорватская национальная государственность

Выделение Ф. Туджмана в качестве отдельного актора этнического взаимодействия в целом не случайно: по большому счету он стал персональным воплощением идеи независимого хорватского государства. Исследователи говорят даже о «франьонизме» [Belamy, 2003; Sadkovich, 2010] в качестве специфической версии хорватского национализма, насаждавшегося самим Ф. Туджманом и его последователями из ХДС. «Франьонизм» же и определил наполнение пустовавших рутин, выступив на некоторое время вектором государственного строительства в Хорватии. Собственно, «франьонизм» и стал тем «критическим изменением», бла-

годаря которому хорватская государственность обрела самостоятельные рутины, но из-за которых молодое государство должно было столкнуться с серьезными вызовами физической и онтологической безопасности.

Для начала определим временные отрезки, которые помогут нам ориентироваться в хронологической картине проходивших в Хорватии событий. 10 декабря 1989 г. Союз коммунистов Хорватии постановил провести первые многопартийные выборы в Сабор (парламент Хорватии), выборы прошли 22 апреля 1990 г., в результате к власти пришли ХДС и Ф. Туджман. 25 июля прошел Великий сербский собор, сербы Краины начали процесс институционального оформления сербской автономии в Хорватии. На 17 августа был намечен референдум о сербской автономии, хорватская полиция пыталась его разогнать и впервые применила силу против сербов («революция бревен»). 22 декабря была принята новая Конституция Хорватии, днем ранее – Конституция Сербской автономной области Краина. В марте 1991 г. прошло первое боевое столкновение сербов и хорватов, к лету перешедшее в полномасштабную гражданскую войну. Как показывает ретроспектива, курс Ф. Туджмана привел к силовому решению «сербского вопроса»; поиск онтологической безопасности для нового правительства обернулся серьезным кризисом безопасности физической.

Ключевым для изложения поиска онтологической безопасности Ф. Туджманом является отрезок от созыва Сабора до принятия конституции (соответственно, май – декабрь 1990 г.); в это время конфликтный идентитарный потенциал накопился настолько, что мог уже конвертироваться в физический.

Главной чертой «франьонизма» (помимо интеграции всех версий «хорватской национальной идеи») ста-

ло выстраивание сербов в качестве значимого «другого». Соответственно, государственное строительство – в нашем случае закрепление доминирующего нарратива в институциональных структурах – было подчинено идее скорейшего избавления от югославского и (как следствие) сербского контекста. Работа по разработке новых рутин велась (с разной степенью успешности) в трех приоритетных сферах: истории, символической политике, религии.

1. Биографический нарратив, выстраиваемый Ф. Туджманом, был призван связать воедино традицию независимой хорватской государственности с антиюгослави́змом. При этом «антипартизанство», доведенное до определенной степени, способно привести к реабилитации усташества; игра на «усташи-ностальгии» (термин С. Джурашкови́ча [Durašković, 2016]) оказалась успешной в деле возвращения хорватов из эмиграции (уехавших в основном после Второй мировой войны), но провальной в деле избегания вооруженного конфликта с сербами. Еще один важный момент: если «братство и единство» выполняло интегративную функцию, не только подчеркивая общность победы, но и равномерно распределяя ответственность за «националистические» преступления минувшей войны [Radonic, 2013], то национализм каждой отдельно взятой страны стремился, оправдывая себя, акцентировать ответственность других народов за военные преступления.

Первая главная мысль новой исторической картины мира Ф. Туджмана – Хорватия имеет долгую традицию независимой государственности, начиная с раннего Средневековья. При этом в качестве основы преемственности хорватских государств конструировались институты Сабора и бана (руководителя страны, назначавшегося Сабором) [Bellamy, 2003]. В узловые мо-

менты для Хорватии Сабор принимал добровольное решение о вхождении в состав другого государства при условии сохранения автономии; эта традиция была прервана только с вхождением Хорватии в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. Так идея югославизма была переконтекстуализирована в главное препятствие на пути к восстановлению независимой государственности Хорватии.

При этом именно антиюгослави́зм был ключевым элементом новой биографии. Особо подчеркивался «европейский» путь хорватов, противопоставление их с сербами на цивилизационной основе. Вхождение Хорватии сначала в Венгрию, а затем в империю Габсбургов интерпретировалось как правильное решение, основанное на «европейском» выборе хорватов. Подобное положение становится уникальным для всего хорватского националистического дискурса; по крайней мере, это входит в явное противоречие с идеями основателей хорватского национализма (как Анте Старчевича, «отца» хорватской партии права, выступавшего за независимость Хорватии, так и Йосипа Штросмайера, идеолога хорватского варианта югославизма), которые в свою очередь, помимо коренных различий, имели схожие представления о необходимости отделения от Габсбургской монархии.

При этом оправдывались любая идея и любое событие, ослаблявшие «централизм» Югославии и способствовавшие независимости Хорватии. В этом смысле даже создание марионеточного усташского Независимого государства Хорватия (конечно, с оговорками о бесчеловечности установившегося режима Анте Павелича) приветствовалось как «выражение исторического намерения хорватского народа по созданию своего государства» [Durašković, 2016], а трагедия в Блайбурге препод-

носились (и преподносятся даже сейчас) как одно из главных преступлений партизан-коммунистов.

Артикуляция усташского наследия представляла собой главный триггер для формирования критической ситуации у сербов (впрочем, у Ф. Туджмана были проблемы и с представителями правых партий, которые, в свою очередь, критиковали его за недостаточно националистическую политику [Veselinović, 2016]). Тем не менее для Ф. Туджмана, стремившегося к «национальному примирению» и видевшего в своем лице «выразителя чаяний хорватского народа», эта политика была неизбежной. Интеграция всей хорватской истории в надежде на примирение выглядела как минимум эклектичной (постановка в один ряд, скажем, Владко Мачека, добившегося формирования Хорватской бановины в составе королевской Югославии, и Анте Павелича, при котором сам Мачек был замучен в лагере Ясеновац). В качестве яркой метафоры можно вспомнить намерение Ф. Туджмана перезахоронить жертв Блайбурга в Ясеновац [Bellamy, 2003, p. 71], тем самым примирив жертв и их палачей. Этому плану, к счастью, не было суждено сбыться, хотя «место памяти» Блайбург начали активно выстраивать как «хорватский холокост» и прямое противопоставление «месту памяти» Ясеновац [Radonic, 2013].

Итак, новая биография была призвана рутинизировать ощущение «восстановления» государственности после долгого перерыва, связанного с нахождением Хорватии в Югославии. Впрочем, заигрывание с «усташи-но-

стальгией» делало эту рутину ресурсом тревожности для аут-группы – сербов Краины.

2. Символическая политика Ф. Туджмана и ХДС сконцентрировалась вокруг восстановления докоммунистических названий или изменения их на более «хорватские». Новые символы должны были закрепить рутины новой государственности; естественно, первыми «под нож» пошли артефакты коммунистической эпохи.

Первый день работы Сабора – 30 мая – был объявлен новым государственным праздником. 25 июня было убрано слово «социалистическая» из названия страны. Началась кампания по созданию или переименованию «хорватских» учреждений: создание хорватского информационного агентства *HINA*⁶ как альтернативы югославскому *Tanjug*, создание авиакомпании «Хорватские авиалинии»⁷, переименование Загребского радиотелевидения в Хорватское радиотелевидение⁸.

Другой важный сюжет – смена топонимов в интересах нового националистического нарратива. Происходило «обратное» переименование улиц и площадей Загреба с возвращением прежних имен вместо коммунистических (к примеру, бывшая площадь Ленина получила имя короля Крешимира IV [Пивоваренко, 2014, с. 114]). При этом изменялись даже названия улиц, связанные с жертвами фашизма: так, улица Декабрьских жертв стала улицей Св. Петра, а площадь Жертв фашизма – площадью Хорватских героев [Bellamy, 2003, p. 71].

Среди символических изменений стоит отметить переименование мили-

6 Zakon o Hrvatskoj izvještajnoj novinskoj agenciji «HINA» // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_07_31_614.html (дата обращения: 07.05.2024).

7 Povijest // Croatia Airlines Official Website. – Сербохорв. яз. – URL: <https://www.croatiaairlines.com/hr/O-nama/Korporativne-informacije/povijest> (дата обращения: 07.05.2024).

8 Zakon o Hrvatskoj radio-televiziji // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_06_28_533.html (дата обращения: 07.05.2024).

ции в полицию (решение стало одной из предпосылок «революции бревен»), изменение стандартов преподавания в школе (обращение «господин» и «госпожа» к учителям, отмена уроков марксизма и введение уроков религии), отмену празднования Дня Республики (главного праздника социалистической Хорватии) 29 ноября [Пивоваренко, 2014, с. 114–115].

Конституционный процесс был запущен в июле 1990 г.⁹ – тогда был опубликован драфт новой хорватской конституции. Недопредставленность сербского населения в Саборе предопределила спорный характер предстоящих решений. Некоторые конституционные положения продолжали линию на изменение символического в Хорватии: преамбула¹⁰ утверждала положения «хорватского исторического права» (отсчитывая историю Хорватии с первых раннесредневековых княжеств и проч.), Хорватия провозглашалась «национальным государством хорватского народа и иных национальных меньшинств», официальным признавался «хорватский язык с латинским начертанием». Был принят закон (в дополнение к конституции) о новых государственных символах¹¹: обновленная «шаховница» (ассоциировавшаяся у сербов с гербом усташей¹²) стала новым государственным гербом. Так Хорватия еще до своего официального выхода из Югославии получила символы суверенного государства, рутинизировав в символическом поле свою независимость.

Итак, рутинизация государственных символов со стороны ХДС и Ф. Туджмана проходила вкупе с отказом от коммунистического наследия порой в пользу «усташского». «Агрессивность» рутин для воспринимающих ее извне, хоть и означала серьезность и бесповоротность наступления постъюгославской эпохи для Хорватии и самих хорватов, что было ресурсом онтологической безопасности, предопределила дальнейший этнополитический конфликт с хорватскими сербами.

3. Приложением к «франьонизму» стало подчеркивание католичества как противопоставления и официальному атеизму СФРЮ, и православию сербов. Ситуативный альянс католической церкви и ХДС был, впрочем, ограничен. С одной стороны, Ф. Туджман действительно пытался кооптировать церковь в архитектуру «франьонизма», его политические воззрения были близки церковному консерватизму. По мнению Ф. Туджмана, кстати, именно католическая церковь подпитывала хорватскую идентичность в коммунистические времена [Bellamy, 2003, p. 156]. Некоторые современные хорватские исследователи высказывают предположение, что одним из намерений Ф. Туджмана было выстраивание ХДС как христианско-демократической партии [Žižić, 2020]. С другой стороны, церковь, не отказываясь от своей акторности, пыталась получить некоторые дивиденды от новой партии власти. Так, например, в школах уроки марксизма были заменены на уроки религии, чуть позже

9 Odluka da se pristupi donošenju Ustava Republike Hrvatske // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_07_31_609.html (дата обращения: 07.05.2024).

10 Ustav Republike Hrvatske // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_12_56_1092.html (дата обращения: 07.05.2024).

11 Ukaz o proglašenju Zakona o grbu, zastavi i himni Republike Hrvatske te zastavi i lenti predsjednika Republike Hrvatske // Narodne Novine. – Сербохорв. яз. – URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_12_55_1067.html (дата обращения: 07.05.2024).

12 При этом обновленная шаховница отличалась от усташского варианта обратным расположением красных и белых клеточек: герб НГХ начинался с белой клеточки, новый хорватский герб – с красной.

был восстановлен католический факультет Загребского университета [Пивоваренко, 2014, с. 114–115].

Для Ф. Туджмана религия играла важную роль в легитимации действующей власти. Церковь поддержала ХДС на выборах в Сабор, хотя высшие клирики в целом не высказывались в пользу Ф. Туджмана напрямую [Bellamy, 2003, р. 158]. Инаугурация Ф. Туджмана 30 мая проходила в присутствии главы католической церкви Хорватии – архиепископа Франьо Кухарича [Пивоваренко, 2014, с. 105]. Естественно, католические священники активно посещали все мемориационные мероприятия в Блайбурге [Radonic, 2013]. Начался процесс реабилитации Алоизие Степинаца, архиепископа Загребского времен ВМВ и знаковой фигуры для хорватского национального самосознания; в 1992 г. Степинац был полностью реабилитирован.

Тем не менее католическая церковь отказалась от той роли, которую ей оставил Ф. Туджман, а с началом войны церковь и вовсе начала критиковать действия ХДС. Католицизм, несмотря на все усилия новых властей, так и не стал опорой «франьонизма».

Государственность как рутина: выводы

Связка построения государственности с ростом онтологической безопасности и восприятием новых рутин интересна с точки зрения рассмотрения новых перспектив теории об онтологической безопасности. Случай Хорватии наглядно демонстрирует, как, с одной стороны, усилия по формированию образа новой государственности способствуют росту устойчивости ощущения коллективной общности, а с другой – агрессивность формируемых рутин побуждает тех, против кого символически направлена эта рутина, дальше раскручивать спираль конфликтности.

Рассмотрение механизмов рутин «братства и единства» социалистической Югославии помогает определить контуры «критической ситуации», на митигацию которой были направлены новые рутины «франьонизма». Идея «братства и единства» ненадолго смогла обеспечить безопасность ощущения «себя в мире» для недавно враждовавших между собой этнических групп, главным образом хорватов и сербов. Политические процессы в союзной Югославии привели к сознательной деконструкции «братства и единства» как со стороны хорватов, так и со стороны сербов; дальнейшие этнополитические (и, как следствие, онтологические) процессы развивались в виде взаимодействия четырех ключевых акторов: С. Милошевича, Ф. Туджмана, сербов и хорватов.

Рутины «франьонизма» (главным образом выраженные в идее «хорватского исторического права» и символической декоммунизации) были призваны превратить Хорватию в сильное национальное государство для хорватов. Работа велась в трех приоритетных сферах: были предприняты попытки кооптировать исторический нарратив, символическое пространство и религию в новые идеологические рамки. Ф. Туджман претворял в жизнь исключительно свое видение будущего хорватов, сознательно идя на конфронтацию с сербами. Интегративность «франьонизма», попытка примирить сразу всех хорватов сыграли с Хорватией злую шутку: за бортом формируемого сообщества намеренно остались сербы. Новые рутины, ликвидируя для хорватов критическую ситуацию в связи с распадом Югославии, создали еще более критическую ситуацию для хорватских сербов, которые были вынуждены начать вооруженное сопротивление во имя обеспечения выживаемости собственной группы.

Список литературы

Гольдштейн И. Взгляд из Загреба: Югославия исчезает, социализм терпит крах // Распад Югославии: 30 лет спустя / отв. ред. С.А. Романенко. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – С. 156–172.

Гуськова Е.Ю. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций // Югославия в XX веке. – Москва : Индрик, 2011. – С. 701–734.

Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. – Москва : Старый сад, 1998. – 466 с.

Пивоваренко А.А. Становление государственности в современной Хорватии (1990–2001 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2014. – 312 с.

Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 66–86. – DOI: 10.31249/poln/2020.02.03.

Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – № 6 (69). – С. 129–149.

Bellamy A.J. The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-old Dream? – Manchester : Manchester University Press, 2003. – 221 p.

Berenskoetter F. Parameters of a national biography // European Journal of International Relations. – 2014. – Vol. 20, N 1. – P. 262–288. – DOI: 10.1177/1354066112445290.

Billig M. Banal Nationalism. – London : Sage, 1995. – 208 p.

Bojicic-Dzelilovic V. The politics, practice and paradox of 'ethnic security' in Bosnia-Herzegovina // Stability: International Journal of Security and Development. – 2015. – Vol. 4, N 1. – P. 1–18. – DOI: 10.5334/sta.ez.

Browning C.S., Joenniemi P. Ontological security, self-articulation and the se-

curitization of identity // Cooperation and Conflict. – 2017. – Vol. 52, N 1. – P. 31–47. – DOI: 10.1177/0010836716653161.

Capoccia G., Kelemen R.D. The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism // World Politics. – 2007. – Vol. 59, N 3. – P. 341–369. – DOI: 10.1017/S0043887100020852.

Collier R.B., Collier D. Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America. – Princeton : Princeton University Press, 1991. – 877 p.

Durašković S. National identity-building and the "Ustaša-nostalgia" in Croatia: the past that will not pass // Nationalities Papers. – 2016. – Vol. 44, N 5. – P. 772–788. – DOI: 10.1080/00905992.2016.1171301.

Ejdus F. Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession. – Cham : Palgrave Macmillan, 2020. – 202 p.

Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. – Stanford : Stanford University Press, 1991. – 256 p.

Goldstein I. Croatia and Croats in Yugoslavia. Resistance to Centralism // Yugoslavia from a Historical Perspective. – Belgrade : Helsinki Committee for Human Rights in Serbia, 2017. – P. 126–162.

Heath O. Does multiparty competition increase ethnic security fears? Evidence from North India // Party Politics. – 2016. – Vol. 22, N 6. – P. 746–757. – DOI: 10.1177/1354068814560935.

Huysmans J. Security! What do you mean? From concept to thick signifier // European journal of international relations. – 1998. – Vol. 4, N 2. – P. 226–255. – DOI: 10.1177/1354066198004002004.

Kaufman S.J. An 'international' theory of inter-ethnic war // Review of International Studies. – 1996. – Vol. 22, N 2. – P. 149–171. – DOI: 10.1017/s0260210500118352.

Kinnvall C., Mitzen J. Anxiety, fear, and ontological security in world politics: Thinking with and beyond Giddens // *International Theory*. – 2020. – Vol. 12, N 2. – P. 240–256. – DOI: 10.1017/S175297192000010X.

Laing R.D. *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. – Harmondsworth : Penguin, 1960. – 224 p.

Malkki L. *Purity and Exile: Violence, Memory and National Cosmology Among Hutu Refugees in Tanzania* – London : University of Chicago Press, 1995. – 352 p.

Mälksoo M. “Memory must be defended”: Beyond the politics of mnemonical security // *Security Dialogue*. – 2015. – Vol. 46, N 3. – P. 221–237. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0967010614552549>.

Mitzen J. Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma // *European Journal of International Relations*. – 2006. – Vol. 12, N 3. – P. 341–370. – DOI: 10.1177/1354066106067346.

Pierson P. *Politics in Time*. – Princeton : Princeton University Press, 2004. – 208 p.

Posen B.R. The security dilemma and ethnic conflict // *Survival*. – 1993. – Vol. 35, N 1. – P. 27–47. – DOI: 10.1080/00396339308442672.

Radcliffe S, Westwood S. *Remaking the Nation: Place, Identity and Politics in Latin America*. – London : Routledge, 1996. – 212 p.

Radonic L. Croatia's Politics of the Past during the Tuđman Era (1990–1999) – Old Wine in New Bottles? // *Austrian History Yearbook*. – 2013. – Vol. 44. – P. 234–254.

Roe P. Former Yugoslavia: the security dilemma that never was? // *European Journal of International Relations*. –

2000. – Vol. 6, N 3. – P. 373–393. – DOI: 10.1177/1354066100006003003.

Rose W. The security dilemma and ethnic conflict: Some new hypotheses // *Security Studies*. – 2000. – Vol. 9, N 4. – P. 1–51. – DOI: 10.1080/00396339308442672.

Rossdale C. Enclosing critique: the limits of ontological security // *International Political Sociology*. – 2015. – Vol. 9, N 4. – P. 369–386.

Sadkovich J.J. Forging Consensus: How Franjo Tuđman Became an Authoritarian Nationalist // *Review of Croatian History*. – 2010. – Vol. 6, N 1. – P. 7–35.

Steele B. *Ontological Security in International Relations: Self-identity and the IR State*. – New York : Routledge, 2008. – 244 p.

Veselinović V. Franjo Tuđman i pravaši // *Politička misao*. – 2016. – Vol. 53, N 1. – S. 71–102. – Сербохорв. яз.

Visser E., Duyvesteyn I. The irrelevance of the security dilemma for civil wars // *Civil Wars*. – 2014. – Vol. 16, N 1. – P. 65–85. – DOI: 10.1080/13698249.2014.904986.

Wendt A. Constructing international politics // *International Security*. – 1995. – Vol. 20, N 1. – P. 71–81. – DOI: 10.2307/2539217.

Zarakol A. Ontological (in)security and state denial of historical crimes: Turkey and Japan // *International Relations*. – 2010. – Vol. 24, N 1. – P. 3–23. – DOI: 10.1177/0047117809359040.

Žižić J. Franjo Tuđman, demokracija i Hrvatska demokratska zajednica // *Obnovljeni Život*. – 2020. – Vol. 75, N 4. – S. 475–492. – Сербохорв. яз. – DOI: 10.31337/oz.75.4.3.

VII kongres Saveza komunista Jugoslavije. – Beograd : Kultura, 1958. – 450 s. – Сербохорв. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.09

State-Building and the Ontological Security Seeking: Croatia in the Context of the Disintegration of the SFRY

Daniil O. RASTEGAEV

Junior Researcher of the Department of Political Sciences
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: rastegaev.2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1158-9987

CITATION: Rastegaev D.O. (2024). State-Building and the Ontological Security Seeking: Croatia in the Context of the Disintegration of the SFRY. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 147–166 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.06.09

Received: 08.05.2024.

Revised: 12.10.2024.

ABSTRACT. *The article examines the process of state-building through the prism of the theory of ontological security. The idea that actors seek a stable image of themselves in the world allows for the consideration of threats to community security in non-physical dimensions. The author attempts to conceptualize the notion of “routinization” – the repetition of certain actions aimed at bracketing out anxiety and strengthening the ontological security of the community. Drawing on the ideas of A. Giddens, J. Mitzen, B. Steele, and F. Ej-dus, the author argues that routine, constructed both by the actors themselves and through inter-actor interaction, is a fundamental method of coping with critical situations. At the same time, it is precisely critical situations that create opportunities for changing existing routines. The case of Croatia in the context of the collapse of socialist Yugoslavia illustrates the idea of state-building as the pursuit of ontological security.*

The critical situation associated with the breakdown of the routines of “brotherhood and unity” was marked by the reactivation of ethnic tensions. It is thus most effective to analyze the development of this critical situation through the interaction of four actors: F. Tuđman, S. Milošević, Croats, and Serbs. F. Tuđman played a significant role in shaping the routines of “Franjonism” as a response to the critical situation. “Franjonism” was expressed through the opposition between Croats and Serbs, and the deconstruction of Yugoslavia’s past within Croatia. State-building in the spirit of “Franjonism,” however, not only increased the ontological security of Croats but also led to the emergence of a new critical situation between Croats and Serbs, the resolution of which escalated into a full-scale armed conflict.

KEYWORDS: *ontological security, routinization, critical situation, state-building, SFRY, Croatia, Serb Krajina, F. Tuđman.*

References

- Bellamy A.J. (2003). *The Formation of Croatian National Identity: A Centuries-old Dream?* Manchester: Manchester University Press, 221 pp.
- Berenskoetter F. (2014). Parameters of a national biography. *European Journal of International Relations*. Vol. 20, no. 1, pp. 262–288. DOI: 10.1177/1354066112445290.
- Billig M. (1995). *Banal Nationalism*. London: Sage, 208 pp.
- Bojicic-Dzelilovic V. (2015). The politics, practice and paradox of 'ethnic security' in Bosnia-Herzegovina. *Stability: International Journal of Security and Development*. Vol. 4, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.5334/sta.ez.
- Browning C.S., Joenniemi P. (2017). Ontological security, self-articulation and the securitization of identity. *Cooperation and Conflict*. Vol. 52, no. 1, pp. 31–47. DOI: 10.1177/0010836716653161.
- Capoccia G., Kelemen R.D. (2007). The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism. *World Politics*. Vol. 59, no. 3, pp. 341–369. DOI: 10.1017/S0043887100020852.
- Collier R.B., Collier D. (1991). *Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America*. Princeton: Princeton University Press, 877 pp.
- Durašković S. (2016). National identity-building and the "Ustaša-nostalgia" in Croatia: the past that will not pass. *Nationalities Papers*. Vol. 44, no. 5, pp. 772–788. DOI: 10.1080/00905992.2016.1171301.
- Ejdus F. (2020). *Crisis and Ontological Insecurity. Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession*. Cham: Palgrave Macmillan, 202 pp.
- Giddens A. (1991). *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 256 pp.
- Goldstein I. (2017). Croatia and Croats in Yugoslavia. Resistance to Centralism. *Yugoslavia from a Historical Perspective*. Belgrade: Helsinki Committee for Human Rights in Serbia, pp. 126–162.
- Goldstein I. (2024). View from Zagreb: Yugoslavia vanishes, socialism is destroying. In: Romanenko S.A. (ed.). *Dissolution of Yugoslavia: 30 Years Ago*. Moscow: INION RAS, pp. 156–172 (in Russian).
- Gus'kova E.Yu. (2011). Yugoslav federation in 1960s. Struggle of the two trends. In: *Yugoslavia in the 20th Century*. Moscow: Indrik, pp. 701–734 (in Russian).
- Heath O. (2016). Does multiparty competition increase ethnic security fears? Evidence from North India. *Party Politics*. Vol. 22, no. 6, pp. 746–757. DOI: 10.1177/1354068814560935.
- Huysmans J. (1998). Security! What do you mean? From concept to thick signifier. *European Journal of International Relations*. Vol. 4, no. 2, pp. 226–255. DOI: 10.1177/1354066198004002004.
- Kaufman S.J. (1996). An 'international' theory of inter-ethnic war. *Review of International Studies*. Vol. 22, no. 2, pp. 149–171. DOI: 10.1017/s0260210500118352.
- Khudaykulova A.V., Neklyudov N.Ya. (2019). The Concept of Ontological Security in International Political Discourse. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 69, no. 6, pp. 129–149 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-129-149.
- Kinnvall C., Mitzen J. (2020). Anxiety, fear, and ontological security in world politics: Thinking with and beyond Giddens. *International Theory*. Vol. 12, no. 2, pp. 240–256. DOI: 10.1017/S175297192000010X.
- Laing R.D. (1960). *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. Harmondsworth: Penguin, 224 pp.
- Malkki L. (1995). *Purity and Exile: Violence, Memory and National Cosmology Among Hutu Refugees in Tanzania*. London: University of Chicago Press, 352 pp.

Mälksoo M. (2015). "Memory must be defended": Beyond the politics of mnemonical security. *Security Dialogue*. Vol. 46, no. 3. pp. 221–237. DOI: 10.1177/0967010614552549.

Martynova M.Yu. (1998). *Balkan Crisis: Peoples and Politics*. Moscow: Stary sad, 466 pp. (in Russian).

Mitzen J. (2006). Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European Journal of International Relations*. Vol. 12, no. 3, pp. 341–370. DOI: 10.1177/1354066106067346.

Pierson P. (2004). *Politics in Time*. Princeton: Princeton University Press, 208 pp.

Pivovarenko A.A. (2014). *Formation of Statehood in Modern Croatia (1990–2001)*. PhD Thesis (History). Moscow: Institute of Slavic Studies, 312 pp. (in Russian).

Posen B.R. (1993). The security dilemma and ethnic conflict. *Survival*. Vol. 35, no. 1, pp. 27–47. DOI: 10.1080/00396339308442672.

Radcliffe S, Westwood S. (1996). *Remaking the Nation: Place, Identity and Politics in Latin America*. London: Routledge, 212 pp.

Radonic L. (2013). Croatia's Politics of the Past during the Tuđman Era (1990–1999) – Old Wine in New Bottles? *Austrian History Yearbook*. Vol. 44, pp. 234–254.

Roe P. (2000). Former Yugoslavia: the security dilemma that never was? *European Journal of International Relations*. Vol. 6, no. 3, pp. 373–393. DOI: 10.1177/1354066100006003003.

Rose W. (2000). The security dilemma and ethnic conflict: Some new hypotheses. *Security Studies*. Vol. 9, no. 4, pp. 1–51. DOI: 10.1080/00396339308442672.

Rossdale C. (2015). Enclosing critique: the limits of ontological security. *International Political Sociology*. Vol. 9, no. 4, pp. 369–386.

Sadkovich J.J. (2010). Forging Consensus: How Franjo Tuđman Became an Authoritarian Nationalist. *Review of Croatian History*. Vol. 6, no. 1, pp. 7–35.

Sevastyanova Ya.V., Efremenko D.V. (2020). Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. *Political science (RU)*. No. 2, pp. 66–86 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2020.02.03.

Steele B. (2008). *Ontological Security in International Relations: Self-identity and the IR State*. New York: Routledge, 244 pp.

Veselinović V. (2016). Franjo Tuđman and the Rightists. *Politička misao*. Vol. 53, no. 1, pp. 71–102 (in Serbo-Croatian).

Visser E., Duyvesteyn I. (2014). The irrelevance of the security dilemma for civil wars. *Civil Wars*. Vol. 16, no. 1, pp. 65–85. DOI: 10.1080/13698249.2014.904986.

Wendt A. (1995). Constructing international politics. *International Security*. Vol. 20, no. 1, pp. 71–81. DOI: 10.2307/2539217.

Zarakol A. (2010). Ontological (in) security and state denial of historical crimes: Turkey and Japan. *International Relations*. Vol. 24, no. 1, pp. 3–23. DOI: 10.1177/0047117809359040.

Žižić J. (2020). Franjo Tuđman, Christian Democracy and the Croatian Democratic Union. *Obnovljeni Život*. Vol. 75, no. 4, pp. 475–491 (in Serbo-Croatian). DOI: 10.31337/oz.75.4.3.

VII kongres... (1958). *7th Congress of the League of Communists of Yugoslavia*. Beograd: Kultura, 450 pp. (in Serbo-Croatian).

Точка зрения

УДК 327.51

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.10

Переход к новой модели сил НАТО как показатель стратегического развития и возможных намерений «западных демократий»

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы
и Америки

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии
наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2024). Переход к новой модели сил НАТО
как показатель стратегического развития и возможных намерений «западных
демократий» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика,
право. 2024. Т. 17. № 6. С. 167–185.
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.10

Статья поступила в редакцию 15.09.2024.

Исправленный текст представлен 03.12.2024.

АННОТАЦИЯ. К середине 2020-х годов вооруженные силы большинства государств – членов НАТО почти не увеличивались, но одновременно резко возросли людские ресурсы в подчинении самого Альянса. Политическая детерминированность и возможные последствия тенденции исследованы на примере перехода к новой модели сил НАТО (с июля 2022 г.). Изменения в организации и размещении войск отражают вероятные планы актора. Они не обязательно будут осуществлены, но требуют учета во внешнеполитическом прогнозировании, особенно в условиях смены миропорядка, когда значение

фактора силы заметно возрастает. В статье прослежена эволюция постоянных группировок Альянса в середине 2000-х – 2024 гг. Рост сил быстрого реагирования (выдвигаемых из глубины) и передового развертывания был построен прежде всего на использовании контингентов «старых» европейских стран – участниц НАТО. Этот принцип лег в основу новой модели сил Альянса. США усилили встроенный контроль над использованием потенциала европейских партнеров и свободу маневра в применении собственных сил (прежде всего «для сдерживания Китая и Ирана»). Элиты европейских стран –

участниц НАТО обеспечили практическую гарантию, что Альянс будет функционировать даже при критическом уменьшении вклада США. Тем самым одновременно создавался эффект укрепления автономии европейских игроков, на деле в увязке с интересами Белого дома; сами данные государства оказывались в «колее» ужесточения конфронтации с Российской Федерацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: НАТО, вооруженные силы, США, европейские государства-члены, Дж. Байден, Д. Трамп, «сдерживание», Российская Федерация, стратегическое планирование.

В статье «Сумерки больших батальонов. Исторический этюд о военных конфликтах будущего» (2019) ее автор выявил ряд закономерностей военного искусства между 1945 г. и началом 2010-х годов: отход от сплошной линии фронта; переход от цикла операций к одноактному генеральному сражению [Кривопапов, 2019]. Данная эволюция была связана с масштабными сокращениями вооруженных сил (ВС) государств: в холодную войну они стали меньше, чем во Вторую мировую; с 1990-х годов стартовали длительные, значительные редукции. Между 1989 и 2014 гг. суммарная численность ВС «старых»¹ государств – членов Альянса снизилась вдвое, с 5 863 тыс. до 2 939 тыс. военных, в том числе европейских (без Турции и североамериканских стран) с 2 754 тыс. до 1 108 тыс. (почти в 2,5 раза), а США – с 2 241 тыс.

до 1 338 тыс. (почти в 1,7 раза). С учетом ВС «новых» стран-участниц суммарный военный потенциал государств НАТО на 2014 г. составлял 3 229 тыс. солдат и офицеров – в 1,8 раза меньше, чем к концу конфронтации Запад – Восток².

Осознавая опасность дальнейшего следования по этой траектории для военной мощи, «западные демократии» использовали переход к «сдерживанию» России (с 2014 г.), а затем Китая и Ирана, чтобы обосновать рост ВС. Наиболее проблематичным увеличению оказалось для «старых» государств-членов. Численность ВС на 2021 г. была даже меньше, чем в 2014 г., как у США (соответственно 1 317 тыс. и 1 338 тыс. военных), так и у европейских игроков из этой группы (суммарно 1 066 тыс. и 1 108 тыс. солдат и офицеров). Из числа «новых» стран-участниц заметный рост демонстрировали не все; лидерами по скорости выступали Польша и Литва³. Тем самым значительная часть национальных ВС отнюдь не преодолела состояние «сумерек больших батальонов» и, вероятно, не сможет сделать этого в среднесрочной перспективе. Иной была ситуация у постоянных (по факту существования⁴) группировок НАТО. К 2014 г. их штатная численность составляла менее 15 тыс. солдат и офицеров⁵, а всего для посменного комплектования было задействовано и зарезервировано 90–100 тыс. военных. С 2015 г. происходил скачкообразный рост группировок блока. Его кульминация – принятие новой модели сил НАТО (*New NATO force mo-*

1 Те, что вошли в НАТО до 1990 г.

2 Рассчитано на основе: Press Release M-DPC-2 (91) 105. – Brussels: NATO Press Service, 1991. – P. 8; Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024). – Brussels: NATO Public Diplomacy division, 2024. – P. 13.

3 Рассчитано на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024). – Brussels: NATO Public Diplomacy division, 2024. – P. 13.

4 Принцип комплектования к середине 2020-х гг. в основном ротационный.

5 NATO Response Force // NATO. – 2023. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (дата обращения: 26.08.2024).

del, NNFM), согласно которой 0,8 млн военных должны оказаться в подчинении Альянса⁶. НАТО заметно укрепила роль как важнейшего интегратора многосторонней мощи «западных демократий». Решение на Мадридском саммите (28–30 июня 2022 г.) начать переход к *NNFM* хронологически и функционально совпадало с возложением на блок компетенций «сдерживать» не только Россию, но также Китай и Иран⁷. Эти задачи были расширены и уточнены на Вашингтонском саммите (9–11 июля 2024 г.)⁸ в увязке с заметными результатами в деле создания *NNFM*⁹.

Задача статьи – исследовать политические и военные составляющие перехода к новой модели сил НАТО для оценки стратегических возможностей и планов «западных демократий». Эксперты традиционно уделяли внимание политике конкретных стран-участниц (прежде всего США и крупных европейских) в Альянсе, его роли в стратегии сообщества «западных демократий» в целом [Кашин, 2023; Подберезкин, Тупик, 2024, с. 451–592; Sarotte, 2021], институциональным аспектам развития блока [Истомин, 2021], эволюции его доктринальных установок [Иванов, 2024]. Заметен интерес к вопросам разделения ответственности между НАТО и Европейским союзом (ЕС), особенно в контексте медленной реализации инициатив с целью наделить ЕС военным потенциалом [Сидоров, 2020; Чернега, 2024]. Фиксируется расширение компетенций НАТО на непрофильные для нее сферы (экономическую, энергетическую, эко-

логическую) [Данилов, 2021]. На фоне заметных на начало 2020-х годов неудач в попытках наделить НАТО ролью провайдера безопасности для ряда стран происхождения вооруженного конфликта на Ближнем и Среднем Востоке интерес экспертов к деятельности Альянса вдали от зоны ответственности снизился [Новикова, 2022; Auerswald, Saideman, 2014]. Но включение в список задач блока «сдерживать» ИРИ, КНР, КНДР означало, что НАТО намерена снова выстраивать систему присутствия на Ближнем и Дальнем Востоке. Пока отечественные эксперты слабо освещали проблематику эволюции группировок блока. На Западе стали создавать работы непосредственно по *NNFM*, ее стратегическому значению [Biscop, 2022; Deni, 2024; Major, Swistek, 2022, S. 2–7].

О принципиальной востребованности и степени верифицируемости исследования

Насколько обращение к проблематике строительства вооруженных сил (в данном случае НАТО как института) востребовано для изучения политических процессов? Военные возможности есть неизменная составляющая ресурсной базы для деятельности на международной арене в целом. Это аксиоматичное положение еще более отчетливо звучит в условиях смены мирового порядка, когда значение фактора силы (в различных его проявлениях) объективно заметно возрастает. Конкретные особенности

6 New NATO force model // NATO. – 2022. – July 8. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 26.08.2024).

7 NATO 2022 strategic concept. – Brussels: NATO HQ, 2022. – P. 3–5.

8 Washington Summit declaration // NATO. – 2024. – July 10. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (дата обращения: 26.08.2024).

9 Stand up of Allied Reaction Force marks a new era for NATO // NATO. – 2024. – July 1. – URL: <https://shape.nato.int/news-archive/2024/stand-up-of-allied-reaction-force-marks-a-new-era-for-nato> (дата обращения: 26.08.2024).

организации и расположения войск отражают возможные намерения – они далеко не обязательно будут претворены в жизнь, но важно констатировать такие планы (не всегда оформленные для публичного доступа), их сущность в политическом прогнозировании.

Преобразования организационно-штатной структуры объединенных вооруженных сил НАТО не всегда были быстро и в полной мере синхронизированы с изменениями приоритетов во внешней политике конкретных «западных демократий», их сообщества. В годы холодной войны существовал заметный, потенциально крайне опасный плюрализм в военном отношении (на всех уровнях – от тактического до оперативно-стратегического) по выстраиванию системы передовой обороны [Лауч, 2022, с. 78–145]. Однако в целом она функционировала успешно, представляя пример политического единства, которое прежде всего выражалось в постоянном дислоцировании вдоль восточных границ ФРГ крупных контингентов североамериканских и западноевропейских государств НАТО. На первый взгляд, современная система передового присутствия (СПР) Альянса заметно отличается от таковой в 1980-е годы. Разветвленная система штабов (особенно дивизионного и корпусного уровней) предназначена управлять намного бóльшим объемом войск, чем реально находилось у нее в подчинении. Например, к началу 2020-х годов в распоряжении штаба многонациональной дивизии «Север», как и «Северо-Восток» (в Эстонии и Латвии, Литве и Польше соответственно) имелись две боевые группы СПР размером в батальон каждая. Однако все они постепенно заметно увеличиваются (до полной бри-

гады или части таковой с достижением этого уровня в 2026–2027 гг.)¹⁰. Соответственно, идет плавное и последовательное объемное наполнение «бумажных» соединений. Параллельно наращивается необходимая разноплановая инфраструктура военного и двойного назначения¹¹. Именно из контингентов «старых» государств-членов в основном состоит многостороннее передовое развертывание, а потому его боевые группы представляют авангарды ВС данных стран, с прибытием подкреплений от их главных сил в кризисной ситуации. С опорой на данные положения функционирует дихотомия группировок НАТО: передовое развертывание – быстрое реагирование (с 2024 г. – союзническое реагирование), то есть выдвигаемые из глубины зоны ответственности массы войск, что легло в основу уже *NNFM*. Не всегда реально учитывается, что СПР тактически образуют единое целое с многочисленными и быстро растущими войсками «новых» стран-участниц [Дени, 2024, р. 2–3] (их аналог в годы холодной войны – сильный западногерманский бундесвер). Указанные положения резко увеличивают фактическую мощь современных СПР как важный фактор политики уже всех стран Альянса.

Может возникнуть вопрос и к точности официальных данных НАТО, на которые опирается статья. Существуют мнения о заметных «приписках», о том, что реальная мощь Альянса, конкретных государств-членов искусственно преувеличена, что учитывает многочисленные «утечки» в СМИ о хроническом недофинансировании ВС, технической недооснащенности и низком уровне боеготовности многих войсковых формирований. Здесь, однако, возникает

10 NATO's military presence in the east of the Alliance // 2024. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 26.08.2024).

11 Ibid.

встречный вопрос: насколько эти публично распространяемые сведения реальны для условного сегодня и прежде всего завтра? Или они показывают действительную картину, но вчерашнюю, которая уже заметно изменяется? Большая часть «утечек» относится к разряду «контролируемых», то есть запланированных, со стороны органов власти, из среды которых информация получена (в ином случае СМИ, как минимум конкретные корреспонденты или их информаторы, подверглись бы уголовному преследованию за разглашение гостайны, чего не наблюдается). Отсюда возникает гипотеза о том, что такие «вбросы» нацелены на преуменьшение реальных военных возможностей «западных демократий», преследуя несколько целей. Это должно подготовить общественное мнение к тому, от чего оно отвыкло с конца 1980-х годов: росту потенциалов ВС, возникновению и ужесточению конфронтации, а также одновременной гиперболизации усиления Вооруженных Сил Российской Федерации и тем самым «российской угрозы» в представлении масс граждан стран – участниц НАТО. На фоне потока «утечек» в СМИ стран Запада о слабости ВСУ, сокращении готовности их поддерживать технически официальный Киев подготовил (и снова готовит) чувствительные для России удары (по примеру наступления в Курской области в августе 2024 г.).

Уровни боеспособности и технической оснащенности конкретного войскового формирования, многих таких меняются не только вниз, но и вверх, притом это может быть завуалировано умело организованными «вбросами». Европейские государства – члены Альянса заметно нарастили военные траты: с 23 млрд долл. в 2014 г. до 312 млрд долл. в 2022 г. с планируем

мым преодолением отметки в 400 млрд в 2024 г.¹² Такое увеличение ассигнований даже при сценарии недостаточно динамичного роста мощностей собственного ВПК позволяет закупать крупные партии вооружения и военной техники (ВиВТ), комплектующих в США и у азиатских партнеров – прежде всего Южной Кореи (так, ее танк K2 «Черная пантера» становится альтернативой германскому «Леопарду» 2А разных модификаций).

Отнюдь не все части и соединения ВС стран – участниц НАТО полностью отлажены и укомплектованы. Новая модель сил Альянса, подразумевающая в своем составе 0,8 млн человек, должна состоять в основном из контингентов европейских государств-членов; суммарный размер их ВС составлял на 2022 г. 1,9 млн солдат и офицеров¹³, то есть почти в 2,5 раза превышал NNFM. Это, при наличии политического желания, вполне позволяло наполнить последнюю (особенно первые два яруса в 0,3 млн военных) действительно полностью или почти боеготовыми формированиями, то есть выбрать лучшие. Оценивать достижение и сохранение данного уровня должны регулярные инспекции (проверки) по линии НАТО [Deni, 2024, р. 4–6]. Их результаты вряд ли будут придаваться гласности. Поэтому автор всё же склонен использовать официальную статистику Альянса. Она – один из элементов конструируемого образа самой НАТО, ее государств-членов. Заметные «приписки», которые в основном неизбежно вскроются, могут подорвать этот продумываемый имидж. Тем более что альтернативную и, главное, четко документированную систему подсчета мощи НАТО как института пока найти едва ли возможно.

12 Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024) ... P. 8.

13 Ibid, p. 13.

На пути к новой модели сил НАТО

NNFM должна упорядочить, окончательно свести в единое отлаженное целое систему группировок НАТО, которая отчасти заново создавалась, отчасти наращивалась с 2014 г.

Система мощных группировок сил Альянса, существовавшая в годы холодной войны, была в основе расформирована к середине 1990-х годов. Основными объектами для сокращения стали «тяжелые» (насыщенные одноименной военной техникой, это (броне)танковые, механизированные) формирования. Фокус в использовании ВС был сделан на «легкие» войска (прежде всего аэромобильные, парашютно-десантные – со сменой их по выполнению важнейших задач мотопехотными частями). Географически ВС стран Запада стали активно действовать вне зоны ответственности НАТО – прежде всего для решения задач по урегулированию вооруженных конфликтов на Балканах, Среднем и Ближнем Востоке, в Африке севернее экватора [Auerswald, Saideman, 2014]. Помимо Альянса такое применение контингентов происходило под флагом ЕС и в формате «коалиции желающих». Однако все эти усилия дали ограниченный результат. Иллюстративна сложность для «западных демократий» нанести решающее поражение ИГИЛ* в Сирии и Ираке (что стало одной из причин для миграционного кризиса и террористической активности в самом ЕС в 2015–2017 гг.). Показательны уход миссии НАТО из Афганистана (2021) [Новикова, 2022] и утрата стратегических позиций группы стран – участниц ЕС в Мали и в целом в Сахаро-Сахельском регионе (2021–2024) [Чернега, 2024]. На фоне трудно-

стей в борьбе с угрозами нестабильности вдали от зоны ответственности НАТО ее государства-члены с 2014 г. параллельно всё активнее включались в конфронтацию с Российской Федерацией. «Сдерживание» мощного оппонента реактуализировало ценность НАТО, превратилось для нее в новый «старый» стратегический смысл, обеспечивая динамичное развитие системы группировок.

Еще в 2002–2006 гг. были созданы силы быстрого реагирования (СБР, *NATO Response Force, NRF*), предназначенные для выдвижения из глубины зоны ответственности (II стратегический эшелон) на угрожаемые направления¹⁴. Тогда же в условиях расширения НАТО на массив стран Восточной Европы в новой передовой части (в I стратегическом эшелоне) зоны ответственности были учреждены группы: военно-морские (две в 2004 г. к югу от региона и две в 2008 г.) и военно-воздушная (в интересах республик Балтии). Все эти механизмы были многосторонними; их комплектовали на ротационной основе в основном европейские государства-члены [Varwick, 2007], преимущественно «старые». Тем самым возникла тенденция *европеизации* состава группировок Альянса; США вносили в них минимальный вклад войсками, но сохраняли направляющую роль в управлении. Именно США принадлежала идея создать *NRF* и возложить нагрузку на европейских партнеров [Varwick, 2007].

Численность учрежденных сил была не очень большой (для *NRF* – 15 тыс. военных), снизившись к 2014 г. до 13 тыс.¹⁵ (без учета резервируемых под ротационное комплектование). Но задолго до конфронтации с Россией была продумана и в основе создана система группировок нового поколения – под широ-

14 NATO Response Force // NATO. – 2023. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (дата обращения: 26.08.2024).

15 Ibid.

кий набор перспективных задач, в том числе для «сдерживания». Ровно через расчетное поколение людей (20 лет; 2002–2006 гг. и с 2022 г.) с опорой на этот

набор стартовал переход к масштабной *NNFM*, иллюстрируя степень стройности долгосрочного стратегического планирования на Западе.

Таблица 1. Эволюция постоянных группировок НАТО (2014 г. – июнь 2022 г.)
Table 1. Evolution of NATO standing forces (2014 – June 2022)

Дата	Зона I стратегического эшелона	Зона II стратегического эшелона
2014 г., сентябрь (Уэльский саммит) ¹⁶	декларирована необходимость ротационного присутствия	решение наращивать <i>NRF</i> , создать в их составе соединение повышенной боевой готовности (<i>Very High Readiness Joint Task Force, VJTF</i>)
2015 г., февраль ¹⁷	создано управление многостороннего корпуса «Северо-Восток» в Польше	определена численность наземной компоненты <i>VJTF</i> – 5 тыс. военных; круг комплектаторов как «рамочного государства» (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Польша, Турция, Франция)
2015 г., июнь ¹⁸	учреждены 6 штабов бригадного уровня в Восточной Европе (без войск)	штатная численность <i>NRF</i> увеличена с 13 тыс. до 40 тыс. военных
2016 г., июль (Варшавский саммит) ¹⁹	учрежден штаб дивизии «Юго-Восток» в Румынии (без войск). Развернуто с 2017 г. по «одной» многосторонней тяжелой батальонной тактической группе (БТГ) СПР (<i>eFP</i>) в Польше, Литве, Латвии и Эстонии. В этих же странах одна бронетанковая бригада США в национальном качестве	–
2018 г., июль (Брюссельский саммит) ²⁰	дополнительно в подчинение НАТО к СБР и СПР 30 батальонов («тяжелых» и мотопехотных), 30 эскадрилий авиации, 3 боевых кораблей с готовностью до 30 дней (инициатива 30 x 4)	
2018–2020 гг. ²¹	расширение системы многосторонних штабов: • с подчинением корпусу «Северо-Восток» управления дивизий «Север» (командование СПР в Эстонии и Латвии), «Северо-Восток» (в Литве и Польше); • с подчинением корпусу «Юго-Восток» управления дивизий «Центр» (в Словакии и Венгрии), «Юго-Восток» (в Румынии и Болгарии)	–

16 Wales Summit Declaration // NATO. – 2014. – September 5. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 26.08.2024).

17 NATO Response Force...

18 Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force, reinforce collective defence // NATO. – 2015. – June 24. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120993.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 26.08.2024).

19 Warsaw Summit Communiqué // NATO. – 2016. – July 9. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 26.08.2024).

20 Brussels Summit Declaration // NATO. – 2018. – July 11. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_f_2018_07/20180713_180711-summit-declaration-eng.pdf (дата обращения: 26.08.2024).

21 NATO's military presence in the east of the Alliance // 2024. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 26.08.2024).

Продолжение таблицы 1

2022 г., январь – начало февраля ²²	увеличена численность БТГ <i>eFP</i> ; США перебросили одну воздушно-десантную бригаду в Польшу	–
2022 г., март (внеочередной саммит) ²³	развернуто по одной многосторонней «тяжелой» БТГ (<i>tFP</i>) в Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии. Нарращивание воздушной, морской и ССО СПР НАТО. США временно развернули в Польше и странах Балтии еще одну бронетанковую бригаду	США временно перебросили на территорию ФРГ бронетанковую бригаду
2022 г., июнь (перед Мадридским саммитом и в его ходе) ²⁴	ФРГ как «рамочное государство» для БТГ <i>eFP</i> в Литве декларирует прецедентные планы нарастить присутствие до бригады (с 2026 г.). США определяют основу схемы присутствия в национальном качестве: • штаб <i>V AK</i> в Польше; • одна бронетанковая бригада в зоне <i>eFP</i> (с возможностью добавить еще одну); • одна «легкая» бригада в зоне <i>tFP</i>	проработка вопроса о резком наращивании <i>NRF</i>

На первых этапах конфронтации (до конца 2010-х годов) первоочередное внимание в НАТО уделяли наращиванию *NRF*. Почему? Одной из причин выступало стремление “западных демократий” избежать неконтролируемой эскалации с Российской Федерацией: вблизи ее границ развертывание сил под флагом НАТО шло медленнее, чем в отдалении. Однако развернутая уже к 2021 г. сетка штабов (два – корпусного, четыре – дивизионного уровней, не говоря уже о бригадном) была предназначена для принятия под командование весьма крупных сил НАТО (примерно 12 бригад), намного больших, чем уже были в Восточной Европе (порядка 2 бригад). Разницу составляли соединения, которые подлежали переброске из глубины зоны ответственности в случае кризиса. Эти войска принадлежали ВС “старых” го-

сударств-членов; а основным интегратором как раз выступали *NRF*, особенно *VJTF*. В случае необходимости речь шла не только о действующем составе СБР, но и тех войсках, которые отработали уже применение как *NRF* во время своей ротации (с 2015 г.).

По мнению автора, главная причина представленной в таблице 1 динамики развития группировок блока – первоочередная *ориентированность ее системы на “старые” европейские государства-члены* как основных комплектаторов. Это положение, будучи определено еще к середине 2000-х годов, приобрело особое значение в условиях конфронтации с Российской Федерацией.

В данный процесс полноценно втянуты в военном отношении “новые” страны – участницы НАТО – уже вследствие географического положе-

22 3,000 more U.S. troops from 82nd Airborne head to Poland amid Ukraine invasion concerns. – 2022. – February 12. – URL: <https://abcnews.go.com/Politics/3000-us-troops-82nd-airborne-head-poland-amid/story?id=82834091> (дата обращения: 26.08.2024).

23 NATO’s military presence in the east...; Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe // US DoD. – 2022. – June 29. – URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (дата обращения: 26.08.2024).

24 Ibid.; „Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen“ // Bundeskanzleramt. – 2022. – 7. Juni. – Нем. яз. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (дата обращения: 26.08.2024).

ния. Их ВС росли в целом заметно быстрее, чем у “старых”; наибольшее увеличение приходилось на сухопутные силы, особенно “тяжелые” формирования. Польша стремится иметь крупнейшие среди европейских стран – участниц блока наземные войска: благодаря скачкообразному росту численности ВС (с 99 тыс. в 2014 г. с ожидаемым преодолением отметки в 200 тыс. с 2023–2024 гг.²⁵) официальная Варшава выходит на 3-е место в НАТО (после США и Турции). Тем самым Польша де-факто займет то место, что принадлежало Франции²⁶ и на которое претендует ФРГ²⁷. Третья позиция по численности ВС важна в имиджевом и практическом плане как показатель способности и готовности нести повышенную нагрузку в конфронтации, чем ценности для партнеров по НАТО, особенно США. Это значимо для официальной Варшавы с учетом ее стремления войти в круг “западных держав”, стать основным реципиентом военного присутствия США в Европе, играть повышенную роль в многосторонней стратегии НАТО и Запада в целом в отношении постсоветского пространства и Российской Федерации. Созданием больших конвенциональных сил с мощной наземной компонентой Польша во многом повторяла стратегическую траекторию Западной Германии в годы холодной войны.

По линии НАТО существовало, однако, значимое отличие: если тогдашний бундесвер был интегрирован в Альянс (подчинен его командно-штабным структурам) практически на 100%, то для Войска Польского се-

годня показатель намного ниже. Это характерно и для ВС других “новых” стран – участниц блока. Масштабный прирост его группировок происходил в основном за счет “старых” европейских государств-членов. Вкупе с низкой, даже отрицательной, динамикой изменения численности ВС такое положение дел означает рост их интегрированности в НАТО, тем самым всё более полного следования в “колее” нацеленности на “сдерживание” России.

Подтверждение тому – полнота вовлечения “старых” государств-членов в деятельность СБР и СПР, что видно на примере крупнейших стран. В цикле 2015–2022 гг. 7 из 8 сроков по году функции “рамочного государства” *VJTF* выполняли “старые” государства-члены: Германия (дважды – 2015, 2019), Испания (2016), Италия (2017), Великобритания (2018), Франция (2021) и Турция (2022). И только в 2020 г., притом в условиях *COVID-19*, Польша²⁸. В новом цикле комплектования *NRF* (с 2023 г.), на фоне перехода к *NNFM*, первым “рамочным государством” для *VJTF* вновь стала ФРГ. Она же создала прецеденты трансформации БТГ СПР в бригаду (объявлено в июне 2022 г.), с постоянным, а не ротационным комплектованием (озвучено в ноябре 2023 г.)²⁹. В круг “рамочных государств” для боевых групп СПР с 2016 г. вошли от европейских “старых” стран лишь ФРГ и Великобритания (одновременно с еще двумя англо-саксонскими державами, США и Канадой). В 2022 г. список дополнила Франция, в 2023 г. – Италия, в 2024 г. – Испания³⁰; они возглавили 3 из 4 БТГ уже *eFP* (формирования

25 Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2024) ... P. 13.

26 Ibidem.

27 “Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen”...

28 NATO Response Force...

29 Drei bewährte Bataillone für die neue Panzerbrigade 42. – 2023. – 6. November. – Нем. яз. –URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/zwei-bewährte-bataillone-fuer-die-neue-panzerbrigade-42> (дата обращения: 26.08.2024).

30 NATO's military presence in the east...

в Румынии, Болгарии и Словакии соответственно; см. таблицу 1). Последней из них, что находилась в Венгрии, руководил сам Будапешт, подчеркивая военную самодостаточность и дружественность Российской Федерации.

Динамика участия крупнейших “старых” государств – членов НАТО в деятельности СБР и СПР указывала на схемы их поведения в НАТО. Для *Германии* это стремление быть “рамочным государством” для максимально широкой линейки группировок Альянса, тем самым реализуя лидерские амбиции. Линию *Италии* и *Испании* уместно охарактеризовать как “догоняющее вовлечение” – сначала в СБР, затем и в СПР, то есть уже в восточной части зоны ответственности, отдаленной от ключевой для официальных Рима и Мадрида южной. *Турция* ограниченной вкладом, особенно учитывая размеры национальных ВС, подтверждала девиантность стратегического поведения по отношению к массиву партнеров по НАТО. *Франция* также проявляла особость, но в ином смысле, подчеркивая положение как одной из “западных держав”, и другими тактиками: то оттягивая внесение вклада в НАТО, то, наоборот, наращивая его, педалируя вопрос о создании военных сил ЕС [Чернега, 2024], “пробрасывая” идею ввода инструкторов и даже войскового контингента в национальном качестве на Украину (в конце февраля 2024 г.)³¹. *Великобритания* подняла этот вопрос тайно в марте 2024 г., предложив перебросить в район Киева СБР [Бартош, Летяго, 2024]. Тогда само Соединённое королевство было “рамочным государством” для *VJTF*, а на его базе готови-

лось развертывание сил союзнического реагирования как часть *NNFM*. Такое провокационное решение вплотную подвело бы Альянс к прямому военному конфликту с Российской Федерацией. Пример отражал *побудительную* тактику официального Лондона: подать пример, втянуть в реализацию планов Великобритании намного больше ресурсы континентальных партнеров по НАТО. Практики по стимулированию их к этому для собственных проектов были еще более характерны для США.

Бенефициар от перехода к *NNFM*: США или также европейские государства-члены?

США минимально участвовали в комплектовании *NNFM*, обеспечивая многоуровневый управленческий контроль [Biscop, 2022]. Белый дом обеспечил себе свободу маневра в применении ВС. Это приобрело особую ценность в выстраивании с участием США сразу трех масштабных систем «сдерживания»: КНР, РФ и ИРИ. Соединённые Штаты могут позволить иметь в Европе *оптимизированное* присутствие – по численности и составу. Для первой половины 2020-х годов количественно нормальным выступало его значение в 80 тыс. военных. Перед окончанием холодной войны показатель был больше в 4 раза (порядка 320 тыс. солдат и офицеров)³², а общая численность ВС уменьшилась лишь в 1,7 раза. Примечательно, что группировка США в Европе росла лишь в преддверии СВО (со свыше 60 тыс.

31 “Rien ne doit être exclu”: Macron n'écarte pas l'envoi de troupes militaires en Ukraine. – 2024. – 26 Février. – Франц. яз. – URL: https://www.bfmtv.com/politique/elysee/rien-ne-doit-etre-exclu-macron-n-ecarte-pas-l-envoi-de-troupes-militaires-en-ukraine_AD-202402261033.html (дата обращения: 26.08.2024).

32 Military Presence. U.S. Personnel in NATO Europe. GAO/NSIAD-90-04. – Washington: US General Accounting Office, 1990. – P. 27.

до 80 тыс. уже на январь 2022 г.)³³ и в первые ее месяцы (с 80 тыс. до 100 тыс. в феврале – июне 2022 г.)³⁴, а затем стала сокращаться (назад к 80 тыс.)³⁵, хотя уровень конфронтационности отнюдь не падал. К объяснениям такой парадоксальной динамики относится использование увеличения сил в Европе с целью стимулирования партнеров к принятию и переходу к *NNFM*. Белый дом увеличивал силы по мере продвижения в ее разработке (процесс начался задолго до СВО, перешел в финальную стадию с начала 2022 г.). Именно в преддверии и в момент принятия *NNFM* присутствие США достигало пиковой, психологически значимой, отметки в 100 тыс. военных. Запущенный на практике переход к *NNFM* сопровождал уменьшение сил Белого дома до оптимального уровня к 2024 г.

Изменялся и их состав, подтверждая побудительную тактику. Это видно на примере наземных сил – основы присутствия США в Европе. К 2022 г. здесь располагались 3 бригады США: 2 – на постоянной основе (бронекавалерийский полк бригадного уровня в Германии и воздушно-десантная в Италии), бронетанковая бригада с ротацией 9 месяцев в Польше и странах Балтии. В феврале – июне 2022 г. число бригад США удвоилось (с 3 до 6): их стало по 3 в «старой» части зоны ответственности (одна бронетанковая временно размещена в ФРГ) и в «новой» (в Польшу были дополнительно переброшены бронетанковая и воздушно-десантная бригады, см. таблицу 1). Однако как только была со-

гласована схема *NNFM*, число бригад сразу сократилось с 6 до 4: в условном стратегическом центре было оставлено по одной бронетанковой бригаде в Германии, Польше и странах Балтии (с декларируемой возможностью развернуть еще одну); на южном, обращенном в сторону Украины, направлении – по одной воздушно-десантной в Италии, Румынии, Венгрии, Болгарии. Одновременно в Европу были переброшены многочисленные штабы: самый значимый – V АК как символ присутствия США у границ Альянса еще в годы холодной войны, большинство почти без войск в подчинении³⁶. Территория ФРГ оставалась местом для дислокации крупнейшего контингента США, а стран Восточной Европы (Польши, а также Румынии) – наиболее многочисленных боевых сил. Все заряды ядерного оружия США в регионе продолжали быть в «старых» странах-участницах (в Нидерландах, Бельгии, Германии, Италии и Турции).

«Жонглирование» Белого дома с численностью и составом его сил в Европе сыграло роль в получении громадных стратегических дивидендов в связи с *NNFM*. США продемонстрировали на коротком отрезке (полгода) саму возможность заметно нарастить присутствие в Европе, обеспечили внесение европейскими партнерами доминирующего вклада в мощь НАТО на перспективу. «Нормальный» размер присутствия США в Европе составлял всего 10% численности *NNFM*; Белый дом сохранил абсолютное большинство собственных военных сил под нацио-

33 US has 100,000 troops in Europe for first time since 2005 // Stars and Stripes. – 2022. – March 15. – URL: <https://www.stripes.com/theaters/europe/2022-03-15/us-forces-record-high-europe-war-ukraine-5350187.html> (дата обращения: 26.08.2024).

34 Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe...

35 Letter to the Speaker of the House of Representatives and President pro tempore of the Senate regarding the War Powers Report // White House. – 2023. – December 7. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/12/07/letter-to-the-speaker-of-the-house-of-representatives-and-president-pro-tempore-of-the-senate-regarding-the-war-powers-report/> (дата обращения: 26.08.2024).

36 Fact Sheet – U.S. Defense Contributions to Europe...

нальным командованием – под «сдерживание» КНР, ИРИ и в общем резерве. Так, в Индо-Тихоокеанском регионе к 2024 г. США имели 298 тыс. военных³⁷, то есть втрое больше, чем на пике их современного присутствия в Европе (2022). Переход к *NNFM* облегчил Белому дому выделение дополнительных сил под «сдерживание» Ирана (в частности, проведение операций в Красном море против дружественных Ирану хуситов). Имеющиеся в Европе силы, особенно «легкие» войска, могут быть использованы в Африке, где силы США невелики.

Подход на оптимизацию и переложение нагрузки на партнеров, который успешно продвигала администрация Дж. Байдена, в полной мере соответствует установкам и Республиканской партии, в том числе персонально Д. Трампа. В отличие от 45-го президента США, Белый дом при 46-м стремился достичь целей не жестким давлением, но настойчивым побуждением в мягких, выверенных формах. США едва ли сумели бы добиться столь заметных успехов без видимого встречного интереса от европейских партнеров. Президентство Д. Трампа с его скептицизмом к мультилатерализму и конкретно к Альянсу потребовало от этих стран переосмыслить ценность блока. Европейские игроки, с одной стороны, последовательно демонстрировали интерес к сохранению и увеличению вклада Белого дома в НАТО, с другой – они не могли не учитывать сценариев по резкому уменьшению интереса и нагрузки США.

Едва ли не важнейшим решением, которое содержало должный потенциал для учета обеих противоречащих тенденций, стало принятие *NNFM*. Тот факт, что доминирующую часть вкла-

да в нее вносили европейские страны-участницы, во-первых, гарантировал сохранение у НАТО ее сил практически при любых негативных для Альянса кратко- и среднесрочных схемах поведения Белого дома. Во-вторых, самого его убеждали в нецелесообразности их реализации – европейские партнеры принимали повышенную нагрузку, максимально «разгружая» США. По данным причинам переход к *NNFM* должен был обеспечить «всесезонность» функционирования НАТО: были предупреждены последствия от возможного прихода к власти Д. Трампа или идейно близкого к нему деятеля.

Как переход к *NNFM* соотносится с планами развивать военный потенциал ЕС [см.: *Белинский*, 2024]? Ряд экспертов рассматривал *NNFM* как практическую альтернативу «европейской армии» [*Biscop*, 2024]. Обсуждение последней долгоиграющей инициативы было активизировано на фоне трампизма [*Чернега*, 2024]. Передавая в подчинение НАТО крупные силы, европейские страны-участницы автоматически резко сокращали возможность развертывать миссии ЕС. Это усилит направляющую роль Альянса в дуумвирате евро-атлантических институтов в сфере безопасности и обороны. Переход к *NNFM* укрепит уже сложившееся на практике разделение ответственности; миссии ЕС и Постоянное структурированное сотрудничество будут дополнять те направления, где нет готовности действовать у НАТО, тем оказывая ей опосредованную поддержку. Практика показала, что под флагом Альянса сосредоточивались крупные массы войск, прежде всего «тяжелых». Блок применялся для противодействия угрозам классическим (с преобладаю-

37 U.S. Defense Infrastructure in the Indo-Pacific: Background and Issues for Congress. R47589 // US Congress. – 2023. – June 6. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47589> (дата обращения: 26.08.2024).

щей военной составляющей, основной источник – государство как тип актора), гибридным и неклассическим (пример – участие в борьбе с международным терроризмом и в целом стабилизации в стране происхождения вооруженного конфликта). Задействование НАТО происходило для решения задач объемных, с большим географическим размахом, обычно тесно связанных территориально с зоной ответственности; это не исключало использование Альянса в отдалении от нее (примеры присутствия в Афганистане в 2003³⁸ – 2021 гг., Ираке в 2004–2011 гг. и с 2018 г., боевой операции в Ливии 2011 г.). Под флагом ЕС находились небольшие силы, почти исключительно «легкие». Его миссии были невелики, в основном развертывались вдали от Евро-Атлантического сообщества для борьбы с неклассическими угрозами. Во многом использование ЕС было нацелено на закрытые «лакуны», где отсутствовало использование НАТО: не самых масштабных и важных, но чувствительных для Запада трюков. Флаг ЕС и тем более формат «коалиции желающих» применялись также в тех случаях, которые на Западе считали слишком опасными в смысле неконтролируемой эскалации, и пока они расценивались таковыми. Подготовка кадров ВСУ с конца 2022 г. была возложена на миссии *EUMAM Ukraine* от ЕС и *Interflex* (группа заинтересованных стран под руководством Великобритании). На Вашингтонском саммите НАТО (июль 2024 г.) его государства-члены сочли уровень конфронтации с Россией столь возросшим, что согласовали подключение самого Альянса к подготовке кадров ВСУ и координации поставок ВВТ для офици-

ального Киева³⁹ (ранее происходило в рамках формата «Рамштайн», то есть «коалиции желающих») [Mills, 2023, р. 8, 32–35]. Одновременно стартовала деятельность сил союзнического реагирования (*Allied Reaction Force, ARF*) как важнейший этап по переходу к *NNFM*.

Функционирование *NNFM*: принципы и перспективы

Для новой модели сил НАТО была характерна трехуровневая вертикальная структура – по срокам достижения боевой готовности. Войска, которым для этого требовалось до 10 дней, составляли **ярус (уровень) № 1**; эти силы должны снять возникшую угрозу (если это позволял ее масштаб) или как минимум купировать ее. Численность определена как «заметьно более, чем 100 тыс. военных»⁴⁰. Среди экспертов есть расхождения по вопросу, входят ли СПР в этот показатель и тем самым полноценно в *NNFM*. Почти никто из специалистов не включает в уровень № 1 формирования США в национальном качестве в Восточной Европе [см.: Biscop, 2022; Deni, 2024]. Многосторонние *eFP* и *tFP* как часть яруса № 1 расценивает исследователь из Колледжа НАТО [Deni, 2024, р. 2], а основную часть составляют войска «новых» государств-членов.

Напротив, силы двух других уровней комплектуют в основном «старые» государства-члены. **Ярус № 2** – войска до 200 тыс. военных с достижением боеготовности от 10 до 30 суток⁴¹. Они должны оперативно выдвинуться на угрожаемое направление, наносить сильные удары из глубины, то есть действовать

38 Как дата перехода к НАТО командования МССБ указан 2003 г., а не 2001 г.

39 Washington Summit declaration...

40 New NATO force model...

41 Ibid.

по схеме СБР. На базе получивших опыт *NRF* (с учетом 8-летнего цикла численности в 40 тыс. это порядка 0,3 млн военных) создавалась основа *NNFM*, особенно ярус № 2 и конкретно его «ядро» – *ARF*. В отличие от *NRF* (особенно до конца 2010-х годов) в составе *ARF* будут использованы в основном «легкие» соединения для повышения скорости и в целом эффективности наносимых из глубины ударов. От СБР был сохранен принцип поочередного определения группы из нескольких (в том числе одного крупного) государств-комплектаторов *ARF*, каждая сроком на 12 месяцев; но отрезок начинался теперь не в январе, а в июле, что повышало слаженность [Deni, 2024, p. 2].

Внутри Альянса идет дискуссия о том, допустимо ли использование сил союзнического реагирования вдали от зоны ответственности [Deni, 2024, p. 3]. В 2002–2003 гг. с такой инициативой применительно к *NRF* неудачно выступили США в контексте подготовки вторжения в Ирак [Varwick, 2007]. В середине 2020-х годов, с учетом возложения на НАТО задач по «сдерживанию» КНР и ИРИ, весьма широкий ареал использования *ARF* может быть одобрен.

Ярус № 3 образуют силы «как минимум в 500 тыс. военных»⁴² со сроком приведения в готовность от 30 до 180 дней. На официальном и экспертном уровнях этим войскам уделено незаслуженно малое внимание. Количественно они должны составлять более 60% *NNFM*. Для понимания боеспособности самой НАТО и ее планов важно также понимать, сколько сил в целом

(и именно из яруса № 3) уже приведены в боеготовность. На июнь 2024 г., по прошествии 2 лет с принятия *NNFM*, показатели составляли соответственно 500 тыс. и 200 тыс. военных⁴³, то есть в последнем случае 40% яруса № 3 *уже* находятся в состоянии боеготовности.

Для понимания, что означает наличие 0,5 млн боеготового личного состава в подчинении НАТО, следует отметить, что группировка Вооруженных Сил Российской Федерации в зоне СВО (с учетом частичной мобилизации и привлечения добровольцев) к 2024 г. имела 617 тыс. военных⁴⁴. На этом фоне переход к *NNFM* (свыше 800 тыс. солдат и офицеров), который может в основном завершиться в 2026–2027 гг., в понимании «западных демократий» должен обеспечить им преимущество по наиболее хорошо организованным конвенциональным войскам. Это немаловажно для уверенности «западных демократий» в способности контролировать ход конфронтации с Россией, не допуская непосредственно прямого военного столкновения. Такое восприятие побуждает их повысить провокационность действий, вынуждая Россию идти на такие асимметричные решения, как уточнение ядерной доктрины.

Представляется, что сама схема *NNFM*, но с военно-людским наполнением от Украины, проходит апробацию в зоне СВО. Подтверждения: численность ВСУ на начало 2024 г. – 880 тыс.⁴⁵ (то есть очень близки к планируемым размерам *NNFM*); для «стратегического резерва», что был обучен в основном на Западе и сыграл главную роль в на-

42 Ibid.

43 Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Wilson Center Auditorium followed by Q&A // NATO. – 2024. – June 17. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_226742.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 26.08.2024).

44 Итоги года с Владимиром Путиным // Администрация Президента РФ. – 2023. – December 14. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 26.08.2024).

45 Зеленский раскрыл численность ВСУ. – 2024. – 29 января. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/01/29/zelenskiy-raskryl-chislennost-vsuy/> (дата обращения: 26.08.2024).

ступлении летом 2023 г., – до 50 тыс.⁴⁶ (перспективный объем СПР в целом, включая силы США). Схема первоначального удара ВСУ в Курской области (в августе 2024 г.), особенно использование воздушно-десантных бригад, представляла тактику только что созданных ARF.

По сравнению с системой группировок Альянса в годы холодной войны современная разительно отличается в качественном отношении. В ней нашли продвинутое воплощение принципы мультилатерализма, гибкости в создании, глубоком эшелонировании сил. Количественно мощь группировок самого Альянса (но не конкретных национальных ВС) стала приближаться к значениям 1980-х годов: в данном случае возникает феномен «рассвета больших батальонов». Осуществить переход к *NNFM* по замыслу государств – членов НАТО означает обеспечить долгосрочное преимущество перед Российской Федерацией, не переходя к самой «горячей» войне. Традиционную для своей природы задачу по «сдерживанию» и «отбрасыванию» оппонентов НАТО должна выполнять уже не только против России (игроку восточнее зоны ответственности Альянса в Европе), но также Ирана, Китая с постепенным расширением списка.

Хронологически решение по старту движения к *NNFM* было принято в середине 2022 г., через 4 месяца после начала Российской Федерацией СВО. Однако едва ли возможно разработать столь объемные планы за такой срок: они готовились задолго до СВО, притом не как реактивные, но проактивные, должны обеспечить управляемость конфронтацией со стороны За-

пада. В пользу этого говорит динамика эволюции СПР и СБР НАТО в 2014–2022 гг., прямым продолжением которых стал переход к *NNFM*.

Европеизация мощи Альянса подается как отвечающая интересам элит партнеров США по блоку и самих Соединённых Штатов. Первые во многом расценивают эту тенденцию как возможность обеспечить стратегическую автономию, притом под флагом именно НАТО, лишь затем – ЕС. США сохраняют встроенный контроль над использованием ресурсов партнеров и одновременно возможность для свободы маневра своими силами. Достичь этого результата смогла администрация Дж. Байдена с ее «мягкой гегемонией», умело используя опасения европейских стран-участниц перед трампизмом.

Список литературы

Бартош А.А., Летяго А.Г. НАТО готовится к войне с Россией // Национальная оборона. – 2024. – 21 марта. – URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/nato-gotovitsya-k-vojne-s-rossiej-45535.shtml> (дата обращения 26.08.2024).

Белинский А.В. Гипотеза Пуанкаре на «великой шахматной доске»: сможет ли ЕС стать полюсом силы в XXI столетии? // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 4. – С. 131–151. – DOI: 10.31249/ape/2024.01.07.

Данилов Д.А. Глобальные горизонты Атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. – 2021. – № 5. – С. 19–31. – DOI: 10.15211/soveurope520211931.

Иванов О.П. Стратегия НАТО в условиях меняющейся среды международной безопасности в Европе // Обо-

46 «Указать русским их место»: как проявили себя подготовленные НАТО бойцы ВСУ. – 2023. – 19 сентября. – URL: <https://ria.ru/20230919/podgotovka-1897031813.html> (дата обращения: 26.08.2024).

зритель. – 2024. – № 3. – С. 16–27. – DOI: 10.48137/2074-2975_2024_3_16.

Истомин И.А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. – 2021. – № 1. – С. 26–55. – DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1.

Кашин В.Б. Первый год большой войны // Россия в глобальной политике. – 2023. – № 3. – С. 10–21. – DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21.

Кривопапов А.А. Сумерки больших батальонов. Исторический этюд о военных конфликтах будущего // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 245–270. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270.

Лауч З. Основы оперативного мышления НАТО. – Москва : Аквариус, 2022. – 265 с.

Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 4. – С. 213–233. – DOI: 10.31249/ape/2022.04.09.

Подбerezкин А.И., Тупик В.И. Изменения в международной и военно-политической обстановке в мире после начала специальной военной операции на Украине. – Москва : МГИМО, 2024. – 603 с.

Сидоров А.С. «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 4. – С. 137–169. – DOI: 10.31249/ape/2020.04.07.

Трунов Ф.О. НАТО в начале 2020-х: многосторонние военные группировки в зоне ответственности Альянса // Международные процессы. – 2023. – № 1. – С. 118–145. – DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.1.

Чернега В.Н. «Держава Европа» по Э. Макрону: мираж или реальная перспектива? // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 1. – С. 85–105. – DOI: 10.31249/ape/2024.01.05.

Auerswald D.P., Saideman S.M. NATO in Afghanistan: Fighting Together, Fighting Alone. – Princeton : Princeton University Press, 2014. – 240 p.

Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. – 2022. – No. 285. – 6 p.

Deni J.R. The new NATO Force Model: ready for launch? // NATO Defence College Outlook. – 2024. – May. – No. 4. – 7 p.

Major C., Swistek G. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. – 2022. – No. 49. – 8 S. – Нем. яз.

Mills C. Military Assistance to Ukraine Since the Russian Invasion. – London : House of Commons Library, 2023. – 69 p.

Sarotte M.E. Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate. – Yale : Yale University Press, 2021. – 568 p.

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). – Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH, 2007. – S. 763–778. – Нем. яз.

Point of View

DOI: 10.31249/kgt/2024.06.10

The Shift to a New NATO Force Model as an Indicator of Strategic Evolution and the Potential Intentions of Western Democracies

Philipp O. TRUNOV

PhD (Political Sciences), Leading Researcher, Department of Europe and America
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2024). The Shift to a New NATO Force Model as an Indicator of Strategic Evolution and the Potential Intentions of Western Democracies. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 6, pp. 167–185 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2024.06.10

Received: 15.09.2024.
Revised: 03.12.2024.

ABSTRACT. *By the mid-2020s, the armed forces of most NATO member states had seen little to no growth. At the same time, NATO's overall military power has been increasing rapidly. The political determination behind this trend and its possible consequences are examined through the example of the transition to the New NATO Force Model, initiated in July 2022. Changes in the structure and deployment of troops reflect the actor's probable strategic intentions. These plans may not necessarily be implemented, but they must be taken into account in foreign policy forecasting – especially in the context of a shifting world order, where the importance of the use of force is growing significantly. The article traces the evolu-*

tion of NATO's permanent troop groupings from the mid-2000s to 2024. The expansion of the NATO Response Force (deployed from depth) and Forward Presence was based primarily on the use of resources from the “old” European member states. This principle also underpins the New NATO force model (NNFM). It provides the United States with built-in control over the use of European partners' potential and greater freedom of maneuver in deploying its own forces (primarily for the containment of China and Iran). The elites of European member states have provided a practical guarantee that the Alliance will continue to function even in the event of a critical reduction in the U.S. contribution. At the same time, this

has created the effect of strengthening the autonomy of European actors – though in reality, this autonomy remains closely tied to the interests of the White House. As a result, these states have found themselves on a path-dependent trajectory toward deepening confrontation with Russia.

KEYWORDS: NATO, armed forces, USA, European member states, J. Biden, D. Trump, deterrence, Russian Federation, strategic planning.

References

- Auerswald D.P., Saideman S.M. (2014). *NATO in Afghanistan: Fighting Together, Fighting Alone*. Princeton: Princeton University Press, 240 pp.
- Bartosh A.A., Letyago A.G. (2024). NATO is preparing for war with Russia. *National Defence*. March 21. Available at: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/nato-gotovitsya-k-voynе-s-rossiej-45535.shtml>, accessed 26.08.2024.
- Belinsky A.V. (2024). The Poincaré equation on «the grand chessboard»: can the EU become a pole of power in the 21st century? *Current Problems of Europe*. No. 4, pp. 131–151 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.07.
- Biscop S. (2022). The New Force Model: NATO's European Army? *Egmont Policy Brief*. No. 285, 6 pp.
- Chernega V.N. (2024). “Power Europe” according to E. Macron: mirage or real prospect? *Current Problems of Europe*. No. 1, pp. 85–105 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.05.
- Danilov D.A. (2021). Global Horizons of the Atlantic Alliance: The Biden “Vaccine”. *Contemporary Europe*. No. 5, pp. 19–31 (in Russian). DOI: 10.15211/soveurope520211931.
- Deni J.R. (2024). The new NATO Force Model: ready for launch? *NATO Defence College Outlook*. May, no. 4, 7 pp.
- Istomin I.A. (2021). Management of security commitments in asymmetric alliances. *Mezhdunarodnye processy*. No. 1, pp. 26–55 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1.
- Ivanov O.P. (2024). NATO's strategy in the context of the changing international security environment in Europe. *Observer*. No. 3, pp. 16–27 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2024.01.07.
- Kashiv V.B. (2023). The first year of the big war. *Russia in Global Affairs*. No. 3, pp. 10–21 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21.
- Krivopalov A.A. (2019). The twilight of the big battalions. Historical study of the military conflicts of the future. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12, no. 4, pp. 245–270 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-245-270.
- Lauch S. (2022). *Fundamentals of NATO Operational Thinking*. Moscow: Akvarius, 265 pp.
- Major C., Swistek G. (2022). NATO after the Madrid summit. *SWP-Aktuell*. No. 49, 8 pp. (in German).
- Mills C. (2023). *Military Assistance to Ukraine Since the Russian Invasion*. London: House of Commons Library, 69 pp.
- Novikova O.N. (2022). Britain's Fourth Afghan war. *Current Problems of Europe*. No. 4, pp. 213–233 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.04.09.
- Podberezkin A.I., Tupik V.I. (2024). *Changes in the International and Military-political Situation in the World After the Start of a Special Military Operation in Ukraine*. Moscow: MGIMO, 603 pp. (in Russian).
- Sarotte M.E. (2021). *Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*. Yale: Yale University Press, 568 pp.
- Sidorov A.S. (2020). European Defence through the prism of France's interests and capabilities. *Current Problems of Europe*. No. 4, pp. 137–169 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.04.07.

Trunov Ph.O. (2023). NATO development by the early 2020s. The case of multilateral military groups in the zone of responsibility. *Mezhdunarodnye processy*. No. 1, pp. 118–145 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2023.21.1.72.1.

Varwick J. (2007). North Atlantic Alliance. In: Schmidt S., Hellmann G., Wolf R. (eds.). *Handbook of German Foreign Policy*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, pp. 763–778 (in German).

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 17 № 6 – 2024**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 28.12.2024
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,2 Уч.-изд. л. 12,1
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6